

Рубежи истории, рубежи культуры

21-22 июня в Смоленске состоялся Фестиваль литературы и искусства Центрального федерального округа «Рубежи истории, рубежи культуры», посвященный 70-летию начала Великой Отечественной войны и 50-летию полета Юрия Гагарина в космос.

Уже много лет проходят ежегодные Фестивали литературы и искусства в Центральном Федеральном округе, направленные на духовно-нравственное возрождение России, сохранение традиций патриотизма и исторической памяти.

В Белгородской области Фестиваль был посвящен 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 годов, в Рязанской области фестиваль состоялся в дни юбилея Сергея Есенина, в Липецкой области обсуждалась тема русского языка и русской культуры, как основы развития нашего народа, в Калужской области форум получил название «XXI век. Молодежь и литература», а в Курской — «Нам дороги эти позабыть нельзя» — к 65-летию Победы.

Учитывая то, что в этом году Россия отмечает две великие даты: 70-летие начала Великой Отечественной войны и 50-летие полета первого человека — Юрия Гагарина — в космос, Полномочным представителем Президента РФ в Центральном Федеральном ок-

руге Г.С. Полтавченко и Союзом писателей России было принято согласованное решение о проведении 21-22 июня на героической Смоленской земле, являющейся родиной первого космонавта, Фестиваля литературы и искусства Центрального федерального округа «Рубежи истории, рубежи культуры». Проведение этого мероприятия благословил и Святейший Патриарх Кирилл.

Председатель Правления Союза писателей России, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора Валерий Ганичев так обосновал выбор Смоленщины местом проведения Фестиваля: «Со Смоленском связаны многие славные страницы истории защиты нашего Отечества, это земля судьбоносных военных, земля, с которой связаны имена наших соотечественников Михаила Глинки, Павла Нахимова, Александра Грибоедова, Алексея Хомякова, Александра Твардовского, Михаила Исаковского и, конечно же, Юрия Гагарина».

(Продолжение см. на стр. 2-6)

Событие

Пленум Союза писателей Союзного государства Беларуси и России

23-24 июня 2011 г. в Бресте состоялся выездной пленум Союза писателей Союзного государства Беларуси и России. В его работе приняли участие заместитель председателя Брестского облисполкома Леонид Цуприк, председатель Союза писателей России и сопредседатель Союза писателей Союзного государства Валерий Ганичев, председатель Союза писателей Беларуси и сопредседатель Союза писателей Союзного государства Николай Чергинец, генеральный консул Генерального консульства Российской Федерации в Бресте Никита Матковский, известные белорусские и российские прозаики, поэты и публицисты.

Союз писателей Союзного государства был создан по инициативе СП Беларуси и СП России в Минске, где в декабре 2009 года прошел учредительный его учредительный съезд.

Новая творческая организация уже прошла регистрацию, полноценно действует, издает литературно-художественный журнал «Белая вежа». А летом 2010 года в Курске состоялся пленум Союза писателей Союзного государства, посвященный 65-летию Великой Победы.

Свой второй выездной пленум члены СПСТ решили провести в Смоленске и Бресте и приурочить его памятной дате - 70-летию начала Великой Отечественной войны. Его тема - «Писатели против искажения истории Великой Отечественной войны. Роль творческой интеллигенции в пропаганде патриотизма, уважения к ветеранам войны и воспитания молодежи в духе любви к Родине».

Не случайно выбор пал на город-герой Смоленск и белорусский Брест с его легендар-

ной крепостью. Как сказал Валерий Ганичев, в Смоленске после ряда мероприятий и встреч писатели вместе с общественностью города пришли к Днепру, пустить венки и горящие свечи на воду, вниз по течению - в сторону Беларуси и Украины. Это дань памяти великому подвигу наших народов, который совершили они в нелегкой битве с фашизмом во имя нашей свободы и независимости.

На пленуме в Бресте писатели обсудили целый ряд вопросов, касающихся полнокровной деятельности творческой организации, в частности, утвердили литературную премию Союза писателей Союзного государства, наметили план деятельности на ближайшую перспективу. Участники пленума также посетили СПК «Остромечье», ознакомились с производственной и социально-культурной базой этого прославленного хозяйства. Они заверили своих белорусских коллег, что сделают все возможное, чтобы донести до народа братской России правду о Беларуси.

Участники пленума СП Союзного государства совершили экскурсию по городу, побывали в Брестской крепости-герое, возложили цветы к Вечному огню у мемориала Славы.

Старейший писатель, участник Великой Отечественной войны вручил СП Союзного государства от ветеранов копию Знамени Победы. Оно было передано на хранение Музею «Брестская крепость».

По итогам работы пленума была принята резолюция

(Фоторепортаж Николая Иванова о пребывании делегации Союза писателей России в Брестской области см. на стр. 7)

Союз писателей России в событиях, именах и литературных произведениях смотрите на сайте «Российский писатель» www.rospisatel.ru

В Смоленской области собрались более 150 писателей деятелей культуры, представляющая Москву, ЦФО и многие регионы России, Белоруссию и Украину.

А начался фестиваль в городе Гагарине, где гостей встречали мэр города Александр Гринкевич, заместитель начальника департамента Смоленской области по культуре Сергей Жуков, фольклорный коллектив «Гжатчаночка». Писатели возложили цветы к памятнику первого космонавта, посетили Музей первого полета в космос, в котором экспонируется более 15 тысяч подлинных предметов, документов, фотографий, отражающих историю развития отечественной космонавтики; объединенный мемориальный музей Ю. А. Гагарина (Дом космонавтов, Дом-музей родителей Ю. А. Гагарина, Дом-музей школьных лет Ю. А. Гагарина).

В этот же день писатели побывали в природном и историко-культурном музее-заповеднике А. С. Грибоедова «Хмелита», находящемся в Вяземском районе. Усадьба Хмелита — родовое имение Грибоедовых, — восстановленная подвижниками трудами архитектора и реставратора Петра Барановского.

По прибытии писателей в Смоленск Губернатор области Сергей Антуфьев провел рабочую встречу с председателем Союза писателей России Валерием Ганичевым, а затем принял участие и в открытии пленарного заседания Фестиваля литературы и искусства, которое состоялось в Смоленской областной универсальной библиотеке имени Александра Твардовского.

В работе пленарного заседания (выездного пленума Союза писателей России) также приняли участие главный советник аппарата полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе Сергей Колов, федеральный инспектор в Смоленской области Сергей Хазов, заместитель губернатора Смоленской области Сергей Кривко, начальник департамента Смоленской области по культуре Юрий Герасев, председатель правления Смоленской региональной общественной организации Союза писателей России Виктор Смирнов, писатели Смоленской области и других областей России, Украины и Белоруссии.

Открывая пленум, В. Ганичев подчеркнул военно-историческое значение для России Смоленска, который на протяжении столетий был знаковым городом для нашего Отечества. Отметил, что в числе слагаемых Победы над немецко-фашистскими захватчиками главными были — любовь к Родине, массовый героизм советских людей, ненависть к врагу. И в тяжелейшие годы — наша литература была вместе со своим народом, с фронтовиками, тружениками тыла! Валерий Николаевич выступил против попыток грубого искажения истории России, истории Великой Отечественной войны. Ни в одной стране мира не происходит, подчас, то, что возможно в нашей стране — в плане фальсификации истории своими же горе-историками. Великая Отечественная война в их представлении предстает не как священная, народная война, а всего лишь как война двух

Рубежи истории, рубежи культуры

тоталитарных систем. Сегодняшние школьники мало читают о войне, не знают такого произведения как «Молодая гвардия» А. Фадеева... В Ганичев особо отметил, что на смоленской земле родился великий гражданин нашего Отечества — первый космонавт планеты Ю. А. Гагарин, с которым он был дружен. Сказал о том, что на пленумах Союза писателей не раз ставился вопрос о необходимости сбережения, ограждения русского языка от инославия, сквернословия и других чуждых влияний. Предложил всем вместе бороться за чистоту «великого и могучего». «Однако одной поддержки на словах мало, необходима серьезная просветительская работа, чтобы выполнить намеченное. Язык — это самое дорогое богатство. Разные народы страны не могли бы понимать друг друга, не будь русского языка... К сожалению, с экранов телевизоров на него ведется атака, пропагандируется сквернословие, что недопустимо»...

Губернатор С. Антуфьев в своем выступлении отметил, что Смоленская земля богата своей историей, культурой, людьми. Многие смоляне оставили в искусстве, литературе яркий, самобытный след. И в этом зале, носящем имя одного из таких великих смолян, А. Т. Твардовского, — находятся люди, которых природа наградила талантом, и этим талантом они щедро делятся с читателями.

Старейший писатель, участник Великой Отечественной войны, автор знаменитой книги «Минное поле» Михаил Матвеевич Годенко от имени писателей-фронтовиков вручил Союзу писателей России копию Знамени Победы. М. Годенко сказал, что писатели-фронтовики доверяют нынешнему руководству Союза писателей России и всем писателям воспитывать современную молодежь в духе любви к своей Родине. Копия Знаме-

ни Победы будет храниться в Союзе писателей России.

В. Ганичев — от международного союза благотворительных организаций «Мир добра», созданного по инициативе Союза писателей России, — вручил С. Антуфьеву высокую общественную награду — орден Мира и подарил новое издание романа Михаила Шолохова «Тихий Дон».

С. Колов передал слова приветствия участникам Фестиваля литературы и искусства от полномочного представителя Президента РФ в ЦФО Георгия Полтавченко, отметил общественно-политическое и культурное значение фестиваля, важность писательского труда для нашего общества и поблагодарил С. Антуфьева за гостеприимство.

На пленуме выступили статс-секретарь правления Союза писателей России Лариса Баранова-Гонченко; председатель Витебской областной писательской организации Тамара Краснова-Гусаченко; главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев; прозаик из Калужской области Сергей Михеенков, писатель, профессор Анатолий Александров (Смоленск); лауреат Большой литературной премии 2011 г. Валерий Хайрюзов (Москва); Владимир Фомичев (Москва) и другие участники пленума. В. Фомичев заострил внимание на необходимости увековечения памяти жителей деревень, сожженных захваченными немцами во время Великой Отечественной войны (в 1943 г. в деревне Новая Борба Угранского района Смоленской области заживо сгорели 270 человек, в живых остался единственный чудом уцелевший житель Петр Бычков, присутствовавший на пленуме).

Известный смоленский поэт и литературный критик О. Дорогань проинформировал коллег о текущем литературном процессу Смоленщи-

не, сказал слова благодарности в адрес областной администрации за оказание помощи в ремонте помещений региональной организации СП России, другую поддержку.

После завершения пленума внештатная делегация переместилась к памятнику А. Т. Твардовскому и его литературному герою Василию Теркину и возложила цветы.

В рамках фестиваля в областной филармонии состоялся большой концерт с участием всенародно любимой певицы Татьяны Петровой, поэта и знаменитого актера Михаила Ножкина, композитора, заслуженного деятеля искусств РФ Николая Писаренко, заслуженного артиста России Юрия Афанова, русского народного оркестра им. В. П. Дубровского...

А в 4 часа утра 22 июня часть писательского «десанта» прибыла в сквер Памяти Героев, чтобы принять участие в акции «Свеча Памяти», посвященной 70-летию начала Великой Отечественной войны. Из смоленских писателей присутствовали Анатолий Александров, Нина Жигарева. У Вечного огня выступили Сергей Жуков, подполковник в отставке Анатолий Борисович Лосев, глава Санкт-Петербургского отделения СП России, поэт, капитан 1-го ранга Борис Орлов. Память погибших почтили минутой молчания.

С зажженными свечами участники акции, в которой было много молодежи, выдвинулись по ул. Большая Советская к Днепру. Здесь в память о погибших была прочитана заупокойная молитва. Свечи помещены на небольшой плот и пущены по течению реки.

Утром этого же дня прозаики и поэты, разделенные на группы, выехали для встречи с читателями в районы области — Смоленский, Руднянский, Монастырщинский, Краснинский, Ярцевский, Сафоновский, По-

чинковский, Рославльский. Вместе с гостями во встречах с читателями приняли участие смоленские писатели Тамара Лосева, Михаил Евдокимов, Олег Дорогань, Анастасия Самофралейская, Вера Суханова, Валентина Белоусова, Наталья Толбатова, Александр Батюк и др. Встречи с жителями районов оставили у обеих сторон впечатление, которые долго не будут забыты.

А в 12 часов оставшаяся в Смоленске часть делегации приняла участие в траурном митинге в сквере Памяти Героев, посвященном 70-летию начала Великой Отечественной войны. На митинге выступили глава города-героя Смоленска Александр Данилюк, заместитель губернатора Смоленской области Сергей Кривко, начальник Смоленского территориального гарнизона полковник Александр Давыдов, участник Сталинградской битвы Антип Алексеевич Шиков, народный артист России Михаил Ножкин. С болью было отмечено, что на территории Смоленской области находится более 800 братских захоронений, в которых покоятся более 2 миллионов погибших! Участники траурного митинга минутой молчания почтили память погибших, возложили к Вечному огню гирлянду и цветы.

Затем в СОУБ им. А. Т. Твардовского состоялась встреча с жителями города, перед которыми выступили В. Ганичев, В. Смирнов, С. Куняев, М. Годенко, К. Скворцов и другие писатели. Член Союза писателей России Мария Парамонова от Смоленской писательской организации подарила московским гостям памятный сувенир с изображением Ю. А. Гагарина.

Заключительная часть Фестиваля прошла на родине А. Т. Твардовского — в хуторе Загорье, восстановленном братьями выдающегося поэта Константином Трифоновичем и Иваном Трифоновичем. Здесь гостей встречали племянница Александра Трифоновича Надежда Ивановна Твардовская.

Участники фестиваля познакомилась с Мемориальным музеем-усадьбой А. Т. Твардовского; попили воды из колодца; послушали выступления фольклорного коллектива «Реченька» и группы «Мужская компания плюс». И долго аплодировали самодеятельному коллективу, показавшему блестящую композицию по «Василию Теркину».

А Михаил Ножкин спел свою знаменитую песню:

*Последний раз
сойдемся завтра в рукопашной,
Последний раз
России сможем послужить,
А за нее и помереть
совсем не страшно,
Хоть каждый все-таки
надеется дожить.
Еще немного, еще чуть-чуть,
Последний бой —
он трудный самый...*

С глубокой благодарностью в сердце участники фестиваля покидали хутор Загорье.

В Починке писатели возложили цветы к памятнику А. Т. Твардовскому, установленному в 2010 г. к 100-летию великого мастера русского слова.

Если завтра война

Обращение участников Дней литературы и искусства в ЦФО Российской Федерации и в Республике Беларусь «Рубежи истории, рубежи литературы» к 70-летию начала Великой Отечественной войны.

«Тем, кто берется писать о русской истории, стоит знать проникновенную русскую поэзию, — писал В. Кожин, обращаясь к Великой Отечественной войне. — Позвольте высказать предположение, — продолжал он, — что поэтическое слово имело в то время значение, сопоставимое, допустим, со значением всей совокупности боевых приказов и тыловых распоряжений».

Мерзостью запустения умов и совести веет сегодня от новых демократических мифов о Великой Отечественной войне — ее начальных гостях и потерях, причинах ее печальных поражений и промыслительных побед.

А судьи кто? Заправские знатоки наших человеческих и исторических слабостей, копошащиеся вокруг неизбежных на всякой войне заградотрядов, плена и предательства. У них свой перечень мелких рыночных аргументов в споре о судьбе великого народа в великую войну.

У них свой, а у нас свой! Потому, что мы победили. Мы начали побеждать уже 22 июня, ровно в 4 часа, когда «Киев бомбили и нам объявили, что началась война».

Мы победили уже в Брестской крепости, так же как когда-то на Бородинском поле, потому, что знали, что и поражение, и отступление может обернуться победой.

Довольно же, братья, нам стесняться нашего советского прошлого! Мы победили, потому, что поколения спешащие уже 23 июня 1941 года в военкоматы пело: «На границе тучи ходят хмуры» и: «Если завтра война, если завтра в поход, если темные силы нагрянут, весь советский народ, как один человек, за Советскую Родину встанет».

С первого дня вынужденного отступления, мы шли побеждая, еще и потому, что поколения эти читали «Войну и мир» не в сокращенном варианте ноутбука, потому, что вообще читали «Слово о полку Игореве» и Пушкина.

Потому, что знали наизусть «Размышление у парадного подъезда» Некрасова, «Птицу-тройку» Гоголя, «Стихи о советском паспорте» Маяковского, «Люблю Отчизну я» Лермонтова, «О Русь моя, жена моя» Блока... И мы позволили назвать при нас это поколение «совками»?!!

Мы побеждали, потому, что любимыми книгами военных поколений были: «Два капитана» Каверина, «Тихий Дон» Шолохова, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Как закалялась сталь» Островского, песни и стихи Исаковского, а любимым фильмом — «Чапаев» с непревзойденным Борисом Бабочкиным.

Не случайно ни один из воспитанников колонии Макаренко не стал на фронте ни предателем, ни дезертиром. Потому, что в колонии царил дух русской советской классической школы и авторитет русского учителя.

Мы победили потому, что народ слушал по радио Козловского и Лемешева, а на сцене смотрел Уланову и Лепешинскую. Потому, что в Большом театре давали «Иван Сусанин», «Хованщину» и «Борис Годунов», а не «Детей Розенталя».

В силу понятных исторических причин жертвенное поколение сороковых, конечно же, прикоснулось к Российской истории в ее усеченном виде, но из истории не были вымараны ее героические страницы и персонажи. Она не отрицала прежде всего героического национального характера. И, наконец, самые просвещенные в своем поколении хорошо были знакомы с ленинской работой «О национальной гордости велико-

россов», как, впрочем, и с «Письмом Демьяну Бедному» 1930 года И. Сталина.

Победа русских учителей и русской советской школы в годы Великой Отечественной войны, признанная и отмеченная самыми яркими нашими врагами, отвергается новоявленными реформаторами и русофобами от образования именно потому, что сегодня она могла бы сыграть в спасении нации и государства совершенно аналогичную роль.

Мы победили благодаря бессмертному и безупречному подвигу Зои Космодемьянской — неспостижимым противоречием ее судьбы: комсомольской верности и особой силы ее священной фамилии: — святых Космы и Дамиана! — ибо она составлена из имен двух святых бессеребрянников и чудотворцев.

Победой мы обязаны подвигу и послушничеству хирурга — святителя Войно-Ясенецкого.

Мы победили потому, что маршал Жуков всю войну возил в машине икону Казанской Божьей Матери. Потому, что этой иконой освещали полки под Москвой и Ленинградом. Потому, что русские матери, благословляя своих детей: комиссаров, коммунистов и комсомольцев, зашивали им крестики и иконки в гимнастерки.

Мы шли к победе через поражение, благодаря молитвам в храмах верующих и беззастенчивости и бессеребрянности атеистов в тылу и на фронте.

Мы были уверены в победе потому, что молодые бойцы 41 года гордились своими отцами и старшими братьями, уже отвоевавшими в Испании.

А еще потому, что в русских, белорусских и украинских лесах стояли насмерть партизаны, а во французское Движение Сопротивления приходили русские эмигранты, такие как Гайто Газданов.

Мы победили потому, что ни Бунин, ни Деникин, не кивнули врагу в 41-м, хотя еще в 20-м Бунин ждал английского парохода в Одессе для спасения от красных.

Сотрудничавший с советскими пленными, ставшими партизанами на французской территории, Гайто Газданов оставил удивительные откровения о Светской России и советских войнах в книге «На французской земле»: «И вот оказалось, что с непоколебимым упорством и терпением, с неизменной последовательностью Россия воспитала несколько поколений людей, которые были для того, чтобы защитить и спасти свою Родину. Никакие другие люди не могли бы их заменить, никакое другое государство не могло бы так выдержать испытание, которое выпало на долю России. И если бы страна находилась в таком состоянии, в каком она находилась летом 1914 года, вопрос о Восточном фронте очень скоро перестал существовать, но эти люди были непобедимы...»

Мы победили потому, что на Красной площади стояли Минин и Пожарский, а справа от них — Храм Василия Блаженного, оставшийся в целостности и сохранности благодаря непреклонной гражданской воле архитектора Барановского.

Мы побеждали врага, потому, что советский солдат, по словам Твардовского, был «похож на русского солдата всех войн великих и времён».

Мы побелили потому, что простодушный русский солдат (рабочий и крестьянин 41-го чувствовал неразрывную связь со своей прежней историей. Как ив 1812 году, он инстинктивно понимал, что снова встречается не просто с французами («Постой-ко брат, мусью») и не просто с

немцами («с фашисткой силой темною, с проклятою ордой»), а целой Европой.

Ведь ив 41-м и в 1812 война шла с «дванадцатью племенами», как говорил герой 1812 года Федор Глинка. И пусть его стихи о Смоленской битве 4-6 августа 1812 года звучат сегодня на Смоленской земле в день 70-летия начала войны 1941 года, как посвящение русскому мужеству и русскому сердцу:

...Достоин похвал и песен этот бой:
Мы заслоняли тут собой
Порог Москвы — в Россию двери.
Тут русские дрались, как звери,
Как ангелы!

Мы не могли не победить потому, что с «нашими великими печальми» и нашей «горючей слезой» — у нас была «Брестская крепость» и «Старая Смоленская дорога», и мы понимаем их сокровенный смысл.

Мы победили и потому, что особое место в Великой Отечественной войне заняла русская женщина и что в каждом батальоне или роте были свои Надежды Дуровы, а каждом партизанском отряде — Марфы Посадницы.

Мы победили потому, что дружба народов была не беспомощной декларацией пустопорожних форумов, а кровью и убеждением скрепленное братство.

Потому еще, что в центре нашего Советского государственного гимна стояла «великая Русь», скрепившая «Союз нерушимый Республик свободных». Именно она, Русь, рифмовалась со словом Союз.

Мы победили потому, что в системе среднего и высшего образования продолжала работать интеллигенция, получившая образования еще в предреволюционной России — именно она соединяла тайно и явно нервные нити, тогда еще непримиримых времен.

Мы победили потому, что русская классика школьной программы была с одной стороны установкой на революционно-демократические ценности (Чернышевский, Некрасов, Добролюбов), а с другой стороны — основами православного знания (Пушкин, Тютчев, Гончаров, Гоголь и т.д.).

Пока мы не избавимся от ложного стеснения за нашу советскость, мы не спасем нашей русскости, ибо русскость — это преемственность — у нее не бывает пустот и пробелов.

Мы победили и потому, что в Покровском женском монастыре в городе Москве, где покоятся мощи святой блаженной старицы Матроны, бытует легенда о встрече Сталина и блаженной Матрунушкой в 41 году под Москвой. На вопрос Верховного Главнокомандующего: покинуть ли Москву или остаться в столице? — блаженная и ясновидящая ответила: «Сиди тут. Красный петух победит!» — Легенда? Апокриф? — Но разве не понятно, что сложена она была не в пропагандистском отделе бывшего ЦК, а самим современным православным русским народом, что с нею, этой легендой, мы будем богаче и сильнее, чем без нее.

Нам толкуют о том, что наступило время говорить нелицеприятную правду о Великой Отечественной! — Нет! Не правда! Наступило время создавать о ней прекрасные легенды, ибо они питают дух нации. Время ставить новые памятники, где кресты не чураются звезд, а звезды не боятся крестов. Потому что, если завтра война...

21-24 июня 2011 года
Москва-Смоленск-Брест-
Москва
Писатели России,
Украины и Беларуси

Из выступлений на выездном пленуме Союза писателей России в Смоленске

Сергей Михеенков,
г. Таруса

В сущности вся русская литература, созданная народом и писателями разных эпох, - о войне. Начиная с былин, через «Слово о полку Игореве» к Толстому и Шолохову. Один сюжет: он ушел в поход, она его ждёт. А дальше, как в старой русской песне, которая так и называется: «Песня ополчения»:

*Над Москвой заря занималась,
На Руси война начиналась.
Собирали Русь войско бранное.
Всем сынам её служба явлена.
Умово мужа а коня не было.
Коня не было, ехать не на чем.
Уж ты, милый мой,*

*друг - душа моя,
Ты заложь меня, да ты купи коня.
Службу выслужив,
Да меня выкупишь...*

Новом-то и дело, что, когда война затягивается, когда ополчение сводится в регулярные части, дивизии и полки, война для народа начинает иметь несколько другой характер. Поражение, как правило, придавливает в основном простой люд, так называемое гражданское население. Победа...

Победе радуются все. Вчерашний ополченец рад и тому, что остался цел и что скоро домой, к жене и детям. Он оставляет вчерашнее поле битвы с ощущением счастья, с чувством освобождения от непомерной тяжести солдатских ремней и подсумков. Он оставляет маршалам, генералам и политикам делить ордена и трофеи и спешит туда, где земля пахнет пепелищем.

Великая Отечественная война:
70 лет спустя

Он растаскивает головешки сожжённого дома, на телеге в ближайший ров свозит противотанковые мины, чтобы распахать вытопанное нашествием поле. Надо кормить детей.

На войне у солдата выбор невелик - между жизнью и смертью. Всё остальное - нюансы. Они-то, нюансы, и есть тот предмет, над которыми томится душа художника.

О Великой Отечественной войне у нас создана целая литература. Константин Дмитриевич Воробьёв, Василь Владимирович Быков, Виктор Петрович Астафьев, Юрий Васильевич Бондарев, Иван Иванович Акулов, Сергей Андреевич Крутилин. Эти и другие имена вошли в русскую литературу советского периода как создатели классики военной литературы, военной прозы.

Но река не пересохла. Такие реки не иссякают. Фронтовики уходят. О войне пишут не воевавшие. Пишут. Снимают фильмы. Тема огромная. Она волнует, влечёт, как бездна.

Вот уже 70 лет прошло с тех пор, как сюда, на смоленские земли, через Белостокский выступ и пуши Белоруссии, хлынул моторизованный поток германского вермахта и 65 - с майских дней 45-го года, когда всё закончилось в Берлине, Вене и Праге победой Красной Армии и союзников.

В военной теме какое-то время существовала некая пауза, связанная, возможно, с тем, что начали уходить писатели-фронтовики, а у общества пропал интерес к военной теме, да и к книге вообще. Но теперь война снова вернулась на страницы книг.

Писатели и историки этой теме так или иначе делятся на два, и даже три потока. Первые, и наиболее многочисленные, сочиняют о том, как русские вначале бежали и полками шли в плен, и как потом мародёрствовали в Восточной Пруссии, Венгрии, Германии, Австрии. Вторые пытаются

удержать старые, полуразрушенные окопы идеологических установок и штампованных догм советского периода. Третьи, освободившиеся от принципа демократического централизма вторых и, по своему происхождению и воспитанию не подверженные психологии и свободные от партийных обязательств первых, пытаются искать путь и не истину, но хотя бы правду. Правду о том, как дрожало на дне окопа сердце маленького человека, как оно страдало по жене и детям, братьям и сёстрам и как обрело силу, чтобы в следующую минуту встать по приказу взводного лейтенанта, перешагнуть бруствер и пойти под пули, в последнюю, быть может, атаку.

Таким образом, литература о войне - это литература о том, как два разлучённых сердца страдают в вынужденной разлуке посреди бойни, где ни для них, ни для их возможного счастья места абсолютно нет.

Тема войны, той, Великой Отечественной, на которой мы, нынешнее поколение, не были, и на которой были все мы, русские, татары, башкиры, якуты, мордва, казахи и все, кто тогда наполнял Советский Союз, - эта тема будет жить всегда. И не потому, что писатели-фронтовики оставили пробелы, какие-то пустоты, о чём-то не договорили. Они сказали всё. О войне будут появляться новые и новые книги и потому, что тема эта неисчерпаема, что человеку, писателю и читателю необходим герой, одолевший, казалось, неодолимое. Потому что уставшее в моральной и нравственной неопределённости общество не может бесконечно жить в унынии и ощущении собственной неполноценности и никчёмности. Нужен пример из истории, когда бы люди были народом, единой плотью и единым духом. Ближайшая история - это Великая Отечественная война.

Многое, многое ещё лежит под спудом. Умершие фронтовики, рядовые солдаты Подмосквья, Смоленского сражения, Сталинграда и Курской Дуги так и не оставили воспоминаний. Они промолчали всю жизнь, сторонясь шумных, помпезных праздников в честь Победы. Благо, если кто-то сумел разговорить их и записать те потрясающие и непечатаемые в те времена простые и жуткие истории. О многом помалкивают затаявшиеся архивы. Когда я работал над документальными книгами «Армия, которую предали» (История гибели Западной группировки 33-й армии и её командующего генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова весной 42-го под Вязьмой) и книгой «Последний рубеж» (Стояние 49-й армии генерала И.Г. Захаркина под Серпуховом у Вскопичей и Кремёнок в октябре-декабре 41-го), пришлось перелистать много документов. Те, кто знаком с архивной работой, знают, что, прежде чем заказать нужное дело (папку с документами, донесениями, картами, сводками), необходимо просмотреть описи. Так вот в описях донесений штабов дивизий штабу армии примерно 15-25% дел засекречены. Я коснулся всего лишь дивизионного уровня. Дивизия, как известно, является первой тактической единицей на войне. История войны засекречена на начальном этапе, на первой своей ступеньке. Что уж говорить о донесениях штабов армий штабам фронтов и, тем более, штабов фронтов в Ставку.

Победитель не получает ничего. Хемингуэй сказал это немного о другом. Но истина эта вполне приложима и к нашей теме. В «Песне ополчения» выражена сердечная боль женщины, проводившей на войну мужа, который, чтобы сесть на коня и выступить в поход воином, готовым к битве, заложил свою жену. И вот она его ждёт.

Если же иметь в виду, что она, жена,

- это Родина, то тема расширяется в простор глубочайшего гражданского смыслового наполнения.

*Как и все мужья, да со войны идут,
Моего дружка, да и в завете нет.
Один конь бежит,
на нём явь лежит,*

*Сабля вострая,
да мой шелков платок...*

Но и те, кто вернулся, вернулся к руинам. Послевоенный период разрухи и нечеловеческих усилий по восстановлению и налаживанию жизни, особенно в областях, где полыхала война, лёг на плечи фронтовиков, их жён и вдов. И эта тема требует нового, более пристального взгляда. Взгляда из современности. Тема, достойная восхищения и поклона. Тема, тающая неизведанные глубины.

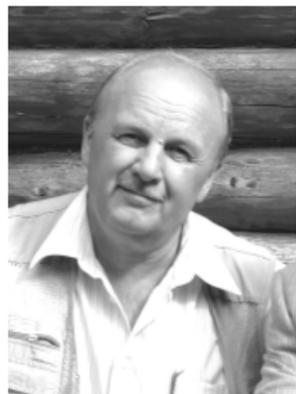
Народ, живущий на земле, которая некогда была опустошена войной, унижена и вытоптана завоевателем, а затем освобождена русским солдатом, долго живёт памятью о том горе, которое принёс оккупант, и том счастье, которое принёс воин-освободитель.

Я родился и вырос под Рославлем на реке Десёнке, притоке Снопоти и Десены. До 1944 года моя родина была Смоленщиной, потом стала частью Калужской области. Дом, где я родился, был построен в начале пятидесятых на месте окопов. Местная мифология - это истории о том, что происходило в деревнях и в лесах во время оккупации, боёв и после того, как война укатилась к Рославию и Дорогобужу. Всё, впитанное тогда, в детстве и юности, жизнь среди бывших фронтовиков, которые говорили правду только хорошенько выпив, зримые следы войны - окопы, блиндажи, одинокие солдатские могилки у дорог и в лесу на земляничных полянках, железо, которым были буквально наполнены леса и поля, - как это не могло и не может сказаться? Этот ландшафт и эти пейзажи воспитывали нас. Они заключали в себе и источали глубочайший нравственный смысл. Теперь эти могилы оказались на проданных землях. Многие забыты. Время сравняло рельеф.

Проза о войне, которую пишет наше поколение, - это как раз-таки попытка выкупить эти могилы, эти страдания у забвения.

Сила обреченных

Николай Иванов

По своей знаковой, духовному насыщению сегодняшней Пленум, вне сомнения, является прямым продолжением Всемирного Русского народного собора, который прошел месяц назад и который остро затронул вопросы базовых духовных ценностей нашего общества.

Многие проблемы, волнующие Союз писателей, в том числе и в области литературы о войне, были затронуты как раз в рамках прошедшего во время Собора Пленума, и потому сегодня хотелось бы коснуться только одного аспекта нашей жизни - нашей обреченности.

По дороге сюда, в Смоленск, у небольшого ручейка близ деревни Цуканово мы могли видеть бронзовые фигуры пяти военных дорожников, в апреле 42-го строивших переправу. И

именно здесь фашисты прорвали оборону наших войск. Солдаты могли укрыться в лесу, но они встали редкой, очень редкой стужкой у своей переправы и в буквальном смысле лопатами, кирками да винтовками встретили врага. Они были обречены, потому что ни справа, ни слева не было тех, кто бы поддержал и помог выжить.

Но не потому ли мы победили в самой страшной из войн, что каждый на своем участке держал, сколько мог, свой фронт? И история потом покажет: у этой горстки военных дорожников, мостивших дорогу к Победе, все-таки был правый фланг - там располагалась деревня Стрелковка, в которой родился Маршал Жуков. И левый фланг держал Гжатск, который уже растил, хранил, пестовал Юрия Гагарина, чтобы наша страна всего через 16 лет после всеобщего разрушения взмыла в космос.

Мы по-космическому, небесному промыслению были обречены на победу с первого дня войны, потому что она началась в один из самых светлых воскресных праздников - в день «Всех святых», в земле российской просиявших». И уже в Брестской крепости ровно 70 лет назад страна взводами, батальонами вошла в этот сонм святых. И это при том, что на войне понарошку не умирали. Только за Родину!

Фронтовики не просто добыли победу в 45-ом. Они своей кровью заработали нам, ныне живущим, гордость за родное Отечество. И вот уже 70 лет мы, словно со щитом, живем в этой святой ГОРДОСТЬЮ наших ветеранов. На том же Всемирном рус-

ском народном соборе Патриарх обмолвился: за удвоение ВВП страна, ее солдаты не пойдут умирать в смертельный бой. Они пойдут умирать только за свои идеалы, свои духовные ценности.

Мы своим творческим призванием как раз и обречены работать именно на этом поле. И без фронтовых традиций, без психологии и гордости победителей мы никогда не вспашем и не заседем его.

В этом плане смешно и грустно смотреть на наших оппонентов. Одни твердят уже два десятка лет, что наш Союз - это плач Ярославны. Хотя тот, кто не плакал по родной стране, расчлененной, униженной, преданной властью, тот не имел сердца и их удел - всю жизнь тьявкать бездомной шавкой из-под чужих заборов.

Другие столько же лет твердят ровно об обратном - что мы только и делаем, что воюем, воюем и воюем.

Третьи - что мы покрылись тинной и идем ко дну. Причем опять же - уже два десятилетия.

Ребята, вы хотя бы определитесь, кто мы. Определитесь для себя.

Нам определяться не надо - мы не меняли своих убеждений. Нам не надо подниматься с колен, потому что мы не падали на них. А поскольку нам никогда не выделялись зарубежные гранты, то мы и не отработаем финансово-идеологическую барщину.

Мы, в отличие от многих своих хулителей, остались со своим народом. Со своей страной. Со своей профессией. Мы остались рядом с самым почитаемым поколением - нашими

фронтовиками. И переданная от их поколения моряком-балтийцем Михаилом Годенко для Союза писателей России копия Знамени Победы - это требование никогда не ставить точку в истории о войне, то есть не считать, что всё о том времени уже сказано и все долги розданы.

У летчиков есть понятие - Боевой курс. Это когда заходишь на цель, то уже нельзя сворачивать с него ни при каких условиях, несмотря на вражеские прожектора, огонь зениток.

Мы опять же - обречены быть на боевом курсе. Не войны жаждем, не крови, не плача. Но и не позволим топтать наши идеалы. Мы бьемся и будем бороться за то, чтобы у нас была не стреноженная история и тем более не стреноженная Россия. У нас не доллары в глазах, а отблески Знамени Победы. И мы приехали к Твердовскому, а не в Куршавель. Мы поклонились Богородицкому полю и Гжатску, а не Манхеттену.

Нам сто, двести раз было трудно в эти годы, никто не обещает привольной жизни и завтра.

Но это наш выбор. Осознанный выбор людей, обреченных на вечную гордость за свое Отечество.

Историческое время определяется тем, какие песни о нем будут петься. Это будут два кусочка колбаски или моей любви села батарейка? Или все же чистым голосом Татьяны Петровой запоют, принеся воды, матушки Николая Рубцова и Константина Скворцова? Но это будет зависеть в том числе и от того, каким путем мы будем идти дальше. Что устояли - нет сомнения. Что паруса наполнены ветром - не видит только слепой. Что мы команда единомышленников -

пусть позавидуют другие. Что мы честны друг перед другом и можем открыто смотреть в глаза каждому. А пример Брестской крепости, первого дня начала войны показали - идти надо только к победе и она обязательно будет добыта, каких бы усилий это ни стоило.

Когда однажды знакомый лицеист встретил Пушкина на Невском и спросил, где тот ныне служит, Александр Сергеевич ответил:

- Я ныне числюсь по России.

Союз писателей России в лице Зои Алексеевны Богомоловой, Михаила Ивановича Ножкина, Станислава Куняева, Гвеннадия Попова, Александра Боброва, Валерия Николаевича Ганичева - мы тоже ныне числимся по России.

Почему молчат святыни?

Владимир Фомичев,
почетный житель Угранского
района Смоленской области

Три недели назад председатель Государственной Думы РФ Б. В. Грызлов направил председателю Правления фонда «Маршалы Победы» А. Я. Сухареву письмо следующего содержания:

«Уважаемый Александр Яковлевич! Поддерживая инициативу возглавляемого Вами фонда «Маршалы Победы» по возведению в Москве на Поклонной горе мемориала «Плач России» в память о жертвах среди гражданского населения нашей страны в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Ни мы, ни наши потомки никогда не должны забывать о миллионах сограждан, погибших на территориях, оккупированных фашистами в годы войны.

Предлагаемый мемориал станет вечным напоминанием об огромной трагедии нашего народа, который выстоял в страшных испытаниях и добился Великой Победы.

Мемориальный комплекс «Плач России» на Поклонной горе будет играть важную роль в патриотическом воспитании молодого поколения в Российской Федерации.

Желаю Вам и всем активистам фонда «Маршалы Победы» больших новых успехов в вашей общественной деятельности!»

Чуть раньше в тот же адрес аналогичный текст отправил тогдашний председатель Совета Федерации С. М. Миронов, и важную инициативу единогласно поддержала на своем заседании Общественная палата РФ под председательством Е. П. Велихова. В эти высокие инстанции и ряд других обратились, как писала 1 мая газета «Русский вестник», на основании совместного решения названного фонда и журнала «Сенатор», вместе с А. Я. Сухаревым и «боевые» помощники ветерана Великой Отечественной войны, генерального прокурора СССР в 1988-1990 гг. Среди них: М. Л. Титаренко — академик, председатель Попечительского совета фонда; члены этого же совета, народные артисты СССР Э. А. Быстрицкая, А. Б. Джигарханян, Ю. М. Соломин; президент фонда «Маршалы Победы» и редактор федерального журнала «Сенатор»

Ф. А. Искендеров. Из газетной публикации за их подписями читатель узнает, что «во время войны только в одной Смоленской области погибло свыше 540 000 человек — треть ее жителей — это десять Бухенвальдов. Так, в Угранском районе заживо было сожжено 742 мирных жителя, в Вяземском — 773; вместе это десять Хатыней. Схожая картина была и в других регионах».

Я сразу же послал в «Русский вестник» и во все писательские организации оккупированных в годы ВОВ областей и краев страны отзыв «От имени предтеч «Плача России» как председатель Общества «Поле заживо сожженных» им. Э. А. Хлысталова. Отметил, что газета «всегда поддерживала увековечение памяти о величайшей трагедии невооруженных жителей в огненное лихолетье — «святое дело». Именно так в унисон, находясь в разных местах, назвали его председатель правления Союза писателей России В. Н. Ганичев и председатель политической партии «Народный Союз» С. Н. Бабурин, подписывая обращение по этой животрепещущей проблеме к президенту РФ, ко всем гражданам страны еще 18 ноября 2008 года».

«РВ» тоже первым обнародовал тот документ, подписи под которым поставили, кроме названных лиц, также Л. И. Ивашов — председатель Военно-державного Союза России, Л. И. Касаткина — народная артистка СССР, В. В. Сорокин — председатель бюро поэтов МГО, М. Я. Лемешев и Е. С. Троицкий — именитые академики, Н. А. Селиванов — скульптор, народный художник России и другие. Обнаружив переключку потрясающих фактов обращения к первому должностному лицу страны от 18. 11. 2008 с приведенными в совместном решении журнала «Сенатор» и фонда «Маршалы Победы», я подчеркнул внутреннее единство двух инициатив известных в стране личностей, которые представляют весьма широкий спектр современной нравственно-интеллектуальной жизни. Также указал, что за последние два с половиной года было создано поименованное выше Общество имени знаменитого русского правозащитника-эсениноведа Эдуарда Хлысталова, двумя изданиями вышла книга с одноименным названием, открыты памятники местного значения испепеленным гитлеровцами мирным гражданам России, появилось множество публикаций, проведено немало мероприятий по теме таких забытых трагедий, «но, к сожалению, общедержавный мемориал им не только не был создан (даже в году 65-летия Великой Победы!), но его нет и в проекте». Хотя подтверждено документами наличие их в одной Смоленской области «около 300». «В целом же население России об огненном геноциде мало что знает до сих пор. Государство за все послевоенные годы не ответило даже на самые актуальные вопросы: сколько

России во время войны с коричневой чумой было совершено массовых сожжений мирных граждан? Какое количество беспомощных жителей было уничтожено таким образом? И т. д.» В моем лице Общество «Поле заживо сожженных» им. Э. А. Хлысталова — коллективный предтеча «Мемориала «Плач России» — бесконечно поддерживало обнародованную инициативу участника битвы с гитлеровским фашизмом А. Я. Сухарева и его коллег, выразило готовность всячески им содействовать и уверенность, что российский народ наконец очистит свою совесть памятью о всех жертвах Великой Отечественной войны. Напомню, что потеря во время нее было 27 млн., из них 16 млн. — среди мирных жителей.

Мы также очень благодарны инициаторам создания монумента на Поклонной горе за их активность в исполнении своего решения. Например, за то, что они уже создали замечательный фильм-реквием «Плач России», представив его в Интернете. Нельзя не признать, что в немалой степени именно энергичностью работников фонда и журнала объясняется появление в короткий срок важнейших документов, с представления которых я начал свое выступление, за подписями Б. В. Грызлова, С. М. Миронова, Е. П. Велихова. Кстати, в Общественной палате Российской Федерации 19 мая с. г. докладывал о проекте мемориального комплекса «Плач России» Ф. А. Искендеров — как уже сказано, главный редактор журнала «Сенатор» и президент фонда «Маршалы Победы». Он наиболее, на мой взгляд, погружен во все практические вопросы начатого этими организациями важнейшего гражданского подвигства. И потому не случайно, пожалуй, что принятое Общественной палатой в мае постановление выкладывает не просто «для галочки», а нацеливает государственные и общественные структуры на дальнейшую конструктивную деятельность. Признав «социально значимой работу» по задуманному памятнику, она предложила «организовать обсуждение целесообразности создания и взаимоприемлемого наименования мемориального комплекса «Плач России» с участием представителей организаций ветеранов ВОВ, Правительства Москвы, СМИ». Мне кажется, это стопроцентно относится и ко всем нам, участникам нынешнего пленума СП России. Кто же лучше мастеров слова может начать и целенаправленно вести такое обсуждение! И вот что я вижу здесь.

Позвольте для пояснения сказанного вернуться к встрече писательского актива в зале СП России 23 мая 2009 г. — в рамках ВРНС. Поднявшись на трибуну, чтобы рассказать о демонах замалчивания самых страшных злодеяний вермахта в России — множестве массовых сожжений мирных граждан, я, в частности, подчеркнул: «Можно со значительной степенью уверенности сказать, что «Забвение Великой По-

беды великого народа», ставшее темой вчерашней Конференции в Международном Славянском институте, где я также имел честь выступать, нужно только «пятой колонне». Ей чужды национально-державные интересы Отечества, они ей даже враждебны — как внутренним врагам его суверенитета». Такая позиция нашла полное понимание аудитории.

Взяв слово тоже в формате работы ВРНС 26 мая текущего года на Комсомольском, 13, и тоже по проблеме издательского отношения к святыням ВОВ, я, как и тогда, получил горячее одобрение писательской аудитории в целом и ораторов Юрия Носова, Ямиля Мустафина, председательствовавшего В. Н. Ганичева. Затем, в кулуарах, родилась и в дальнейшем, при подготовке к писательскому пленуму в Смоленске, была поддержана идея, совпадающая с предложением возглавляемой Е. П. Велиховым организации. Наша мысль в конце концов трансформировалась в объявление, которое доведу до вашего сведения. С сегодняшнего дня мы, активисты движения «Набат гитлеровских костров», созданного во время той встречи собратьев по перу в 2009-м году, проводим заочный Круглый стол с этим же названием, повторяю — «Набат гитлеровских костров» — и приглашаем всех к участию в нем. Направляйте материалы на электронный адрес: emfom2008@yandex.ru Фомичеву Владимиру Тимофеевичу, отвечая на поставленные Общественной палатой вопросы о «Целесообразности создания и взаимоприемлемого наименования мемориального комплекса «Плач России».

К сожалению, трагедии сожжения заживо десятков тысяч безоружных людей в сотнях мест нашей Отчизны — и сейчас неприятная дьяволу тема, потому что святая. Я думаю, что если обнародовать все исторические факты о них, то придуманный провокаторами миф о «русском фашизме страшнее немецкого» рухнет мгновенно. И потому это самый главный вопрос сегодня, ибо в нем заключена судьба России и русского народа, что по существу одно и то же. Ведь без русской составляющей не было бы Победы народов нашей Родины в Великой Отечественной войне, как не может быть никакой их серьезной удачи в текущем веке.

Оглумливом же отношении к памяти о великомучениках в году скорбного и довольно высокого юбилея — 70-летия начала ВОВ — свидетельствует многое. С одним из самых поразительных примеров того, прямо таки феноменальным, я встретился всего месяц назад в своем районе, где родился и вырос. Где участвовал в создании «Поля заживо сожженных», без упоминания которого не обходится в последнее время ни одно обсуждение немецко-фашистских изверств в России. Оно дало название моей книге, удостоенной медали «За веру и добро» губернатора Кемеровской области Амана Тулеева, Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» и представленной в Интернете. Только в году открытия местной

святыни недалеко от райцентра пять раз приезжал на Угру из столицы, отправил не одно письмо не только туда, но и в Смоленск — по всевозможным согласованиям в этой связи. С тех пор радовался со своим окружением, со всеми нормальными людьми тому, что наша инициатива поддержана руководителями, населением, «Поле» создано, освящено, «работает». Оно стало в районе главным духовным явлением вместе своздвигнутым памятником — личными усилиями и очевидца сожжения заживо более трехсот мирных жителей в родной деревне Борьбе, дважды Хатыни, Петра Афанасьевича Бычкова. Он создал этот микромемориал перед своим домом в Фоминском, вблизи от ныне не существующей Борьбы. Памятник имеет посвящение — «Всем жителям СССР, погибшим в войне 1941-1945 гг.». Его, как и «Поле заживо сожженных» на месте бывшей Прасковки, посещают по зову сердца не только жители родного края, но и туристы из самых разных уголков страны, даже из т. н. «ближнего зарубежья». И вот... неожиданно-негаданно я вочию увидел, сначала ничего не понимая, как срывает девиз бесов (дьявола): «Через разрушения — к власти». Здесь я имею в виду власть антибожественную, пустых душ, а не «кесаревскую». Оба народных памятника и сам свидетель такой небывалой массовой жуты в краю отцов, единственный, наверное, на всю Россию в году 70-летия начала нашествия коричневых фашистов с Запада, вдруг официально «исчезли», как бы испарились в воздухе. Я написал отом стихотворение «На Угре сатана разгулялся», под которым стоит дата: 20 мая 2011 года. Оно о мощном противодействии тихого доморожденного фашизма святости, а стало быть, человеколюбию. И ведь это произошло после стольких успешных созидательных усилий самых разных лиц и организаций, возродивших поименованные высокие нравственные категории в жизни района! Но что же следует из случившегося? Думаю, при подобном повторении мифистификации, кошмарном невнимании к героическим судьбам высокодуховных Бычковых, вообще всех уже престарелых и седых детей ВОВ, не говоря уж о фронтовиках, может быть, через пять лет, к следующему юбилею начала «народной, священной» битвы со злейшим врагом нашей Отчизны и человечества, не только не останется никого из живых свидетелей костров-палачей, из вообще видевших немецких фашистов своими глазами, но, извините, и самой России не будет.

Тема трех массовых сожжений немецкими фашистами мирных жителей Угранского района Смоленщины не была включена в программу мероприятий по случаю юбилея его образования. Например, там отсутствовала встреча с населением и гостями живого свидетеля огненной трагедии 340 сельчан в Борьбе Петра Афанасьевича Бычкова, исторической личности не только Земли Угранской, но также всей области и страны.

Из выступлений на Пленуме Союза писателей России в Смоленске

Тамара

Краснова-Гусаченко,

член Президиума
Союза писателей Беларуси,
председатель Витебского
областного отделения
ОО «Союз писателей Беларуси»

Всего лишь, несколько лет назад мало кто, особенно из русских коллег по перу, мог знать истинное положение дел в литературной среде Беларуси. Расставить точные акценты в литературном пространстве Союзного государства России и Беларуси было сложно: кого печатать, кого переводить?... Произведения близких по духу литераторов, или тех, кто категорически против Союза Беларуси с Россией, кто ненавидит Россию и русский язык?

Государственная политика Беларуси и нашего Президента А.Г. Лукашенко неизменна по отношению к русскому языку - он является государственным в Беларуси. Беларусь ныне - единственная страна на постсоветском пространстве, где русский язык имеет государственный статус. Это практическое подтверждение нашего живого стремления к единению двух союзных государств, ибо только соборность и единство могут противостоять экстремистским

Нам нужно вернуть единое литературное пространство

проявлениям агрессивной экспансии западников и либералов.

И проявляется такая политика со стороны Беларуси постоянно, и в конкретных действиях и шагах. Пять лет назад в традициях основоположников белорусской литературы Янки Купалы и Якуба Коласа был воссоздан Союз писателей Беларуси, который возглавил известный прозаик, политик, общественный деятель, учёный, человек многогранных способностей, включённый за свои достижения в Книгу рекордов Гиннеса Николай Чергинин.

Сегодня я имею честь представлять на пленуме делегацию членов Союза писателей Беларуси. Президиумом нашей писательской организации мне поручено передать всем участникам литературного фестиваля на Смоленской земле пламенный писательский привет от белорусских литераторов.

Нынче нас уже около 600 в Союзе писателей Беларуси, и из нас - около 70 процентов пишут на русском языке. А среди изданных за эти шесть лет 1020 книг - больше 70% написаны на русском языке. Не скрою, это сегодня вызывает у нас некоторую озабоченность. Союз писателей Беларуси всячески старается поддерживать книги и публикации, написанные на родной мове. Однако у нас, в нашем Союзе мы стремимся к тому, чтобы не делить писателей на «своих» и «чужих» по языковому признаку. В области и республике созданы все условия для развития истинного таланта.

Вот и конкретный пример. С 2005 года я возглавляю областную писательскую организацию Витебской области, в которой я живу две трети своей жизни, хотя родом я из русской Брянщины. А организацией работы

литературных объединений ещё до воссоздания Союза писателей Беларуси занималась более 20 лет (настажда, пишущих на русском, да и пишущих на белорусском, но имеющих Союзные позиции, не принимали в Союз Белорусских писателей). Из вышедших в области в 2010 году 23 книг - 17 на русском языке, 1 - перевод с белорусского на русский.

Вот истинный показатель отношения белорусского народа к русскому языку. И сегодня мы обязаны просто решать вопросы возрождения родного белорусского языка, создавать условия для его развития и укрепления для сохранения богатого культурного и литературного наследия белорусского народа. А привела я этот факт только по той причине, чтобы вы знали о том, что раздуваемая литераторами-экстремистами информация о том, что в Беларуси преследуются писатели, «пишущие на русском языке», есть ложь и стремление литераторов с неудовлетворёнными амбициями, явно завывающими уровнем таланта, привлечь к себе внимание, добиться признания любым способом. Нет разницы у нас, на каком языке пишет творец, главное - талант, качество произведения.

Но это совсем не значит, что у нас нет внутренних проблем и противоречий. Есть, конечно. Они в творческой среде неизменно незаметны времен. К сожалению. Например, издать свою книгу сегодня писателю сложно везде, если у него нет денег. А у него их, как правило, нет никогда. Но это уже другая тема.

Во всех вопросах, реально и практически решаемых такой значимой общественной организацией, как Союз Писателей, мы неустанно стремимся к консолидации. Именно Со-

юзы писателей Беларуси и России стали два года назад инициаторами, а Беларусь и организатором проведения учредительного съезда Союза писателей Союзного государства, который прошёл в декабре 2009 года в Минске.

Самые глубокие слова благодарности за горячий отклик на проведение этого эпохального (истории ещё предстоит осмыслить и оценить этот факт) события хочется передать от нашего литературного цеха Председателю Союза писателей России, неутомимому, энергичному и мудрому руководителю Валерию Николаевичу Ганичеву, секретариату СП России.

Многие из присутствующих здесь сегодня писателей России были участниками прошедшего полтора года назад учредительного съезда и стали членами Союза писателей Союзного государства и участниками его пленума. А послезавтра уже на территории нашей Брестской области состоится очередной пленум Союза писателей Союзного государства. Все мы, и особенно Брест, очень готовимся и ждём дорогих гостей - любимых наших писателей России. Белорусская сторона готовит интересную и содержательную программу Пленума, как деловую её часть, так и экскурсию в обновлённую Брестскую крепость - Герой, Беловежскую пуцу, гостей ждут также передовые Брестские производственные базы, писатели посетят сельскохозяйственный комплекс «Остромечево», где смогут убедиться в жизнеспособности и жизнестойкости белорусского сельского хозяйства, и еще и в том, что полки белорусских магазинов далеко не пусты...

И нашу уверенность и любовь мы всегда подтверждаем на деле. Именно в

Минске уже создан печатный орган - литературно-художественный журнал Союза писателей Союзного государства «Белая Вежа» - главный редактор В.Ширко, 1 зам. - Нина Чайка - бывший главный редактор журнала «Неман». Уже вышло 2 номера, на выходе третий. Активное участие принимают в формировании творческого портфеля, в частности, брянские мои земляки. Нами подготовлено более 20 подборок их стихотворений для журнала. Хотелось бы больше активности и из остальных регионов! Милости просим! Присылайте материалы!

Особые слова благодарности белорусские писатели просили передать журналу «Наш современник», с которым у нас совместный проект выпуска 12 номера каждого года стал традицией уже с пятнадцатилетним стажем. Никакое другое издание на постсоветском пространстве не сделало так много для развития и поддержки белорусской литературы и литераторов, как журнал «Наш современник», возглавляемый талантливейшим, выдающимся поэтом, прозаиком, блестящим публицистом Станиславом Юрьевичем Куняевым. От имени всех белорусских писателей, низкий поклон Вам, дорогой Станислав Юрьевич, и всей редколлегии Вашего не просто замечательного, а самого профессионального и лучшего на всём постсоветском пространстве журнала. Ни на какие другие журналы у нас в Беларуси не подписываются так охотно, а «Наш современник» в первом полугодии получали более 200 подписчиков. Ваш журнал объединяет нас.

А нам ведь нечего делить, а есть что защищать и любить - нашу родную прекрасную землю. Посмотрите - аист, делает несколько взмахов крыла, и прилетает из Смоленска в Лиозно или Оршу, становится буслом, а из Чернигова в Гомель прилетает - становится лелекой, и как красиво это, как понятно звучит: Аист! Бусел! Лелека!

Светлая доминанта смоленской литературы

Олег Дорогань,
г. Смоленск

Современная смоленская литература неотъемлема от всей отечественной литературы и органически встроена в неё. И это традиционно. Среди знаменитых смолян А.С. Грибоедов с комедией «Горе от ума» - жемчужиной драматического искусства,

М.Глинка, положивший на музыку поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и многие стихотворения пушкинского гения. Это и поэт Хомяков, и писатель-фантаст А.Беляев. Одно время жил на смоленской земле и писатель М. Булгаков.

В советский период нашей истории в ряд первых поэтов выдвинулись смоляне М.В. Исаковский и А.Т. Твардовский. В своих произведениях они глубоко и правдиво отразили подвиг народа в годы Великой Отечественной войны: особенно, у Исаковского - в стихах, ставших широко известными песнями, а у Твардовского в поэме «Василий Тёркин». День рождения Александра Трифоновича приходится на канун начала войны, и в этом виден знаменательный знак, особенно в год 70-летия начала Великой Отечественной войны.

Современные смоленские авторы продолжают традиции выдающихся земляков. Их поэтические произведения отличаются лиризмом и душевностью, историзмом и осмыслением современности, наполнены человеколюбием и животворными смыслами. Да, от каких-то идей советских времён пришлось отказаться, однако здоровые созидательные начала подхватываются в творчестве и наполняются новым содержанием.

Возрождаются христианские православные мотивы, исповедальные и молитвенные интонации. Время с роковой смутой и рыночной капитализацией отражается, в целом, правдиво, честно и совестливо.

Чем противоречивее эпоха, тем сложнее отразить её. Переход к новому времени в результате перемен

отображается в борьбе светлых и тёмных сторон. Ярким примером такого отражения эпохи может послужить поэзия Виктора Смирнова. В своей лирике он от поэтизации деревенской гармошки сумел подняться до высот вселенской гармонии. Вот уже почти два десятка лет он возглавляет Смоленское отделение Союза писателей России и трудится в том самом историческом месте, где работали Исаковский, Твардовский, Рыленков. Благодаря Смоленской областной администрации, здесь был произведён ремонт, закуплены новая мебель и техническое оборудование.

Для пропаганды творчества смолян весомый вклад внёс поэт Ю. Пашков. немало талантливых авторов он вырастил в литературной студии «Родник». Им была составлена антология «Смоленская Лира - XX век», куда вошли произведения около ста авторов. Вместе с ним над антологией работал А. Александров, умеющий тонко и чутко ценить поэзию. Историзм мышления и художественное мастерство прозаика позволили ему создать многоотомное документально-эпическое полотно «Две ставки».

Из смолян, давно и прочно утвердившихся в литературе, необходимо особо отметить Е. Алфимова, его историческое повествование «Зодчий Фёдр Конь» вот уже три десятилетия

украшает собой художественно-историческую литературу Смоленщины. Историческую прозу успешно стал осваивать В. Королёв, написавший повесть «О, Духовщина» о светлейшем князе Г.Потёмкине, уроженце Смоленской земли.

Драматургия достойно представлена у нас пьесами О.Сергеевой. Детская литература - сказками в прозе и стихах В.Ионовой и В.Горайнова.

Совсем недавно ушёл из жизни А.Бугаев, поэт и прозаик. Лирические мотивы, исполненные болью о судьбе России, получили продолжение у него в книге прозы «Берёза на обочине».

На смену одним приходят другие. В смоленской организации около семидесяти членов СП. Из молодых хотелось бы отметить поэтессу Марию Парамонову. Она открыла и ведёт сайт нашей организации в Интернете, активно сотрудничая с «Российским писателем», возглавляемым Н. Дорошенко.

События нашей литературной жизни через прессу отражают журналисты и поэты Н. Чепурных и Н. Кеженов. К слову, Кеженов посвятил цикл своих стихотворений 50-летию полёта первого в мире космонавта Ю. Гагарина.

Хочется доброе слово сказать о каждом из наших авторов. К сожалению, лимит времени ограничен, поэтому пусть никто не будет в обиде. Чтобы всем дать возможность самовыразиться, никто не замолчать, у нас издаётся альманах «Страна родная», четыре выпуска его были осуществлены под редакцией поэта В.Рудницкого, при активном участии

поэтессы А.Самофралейской.

Благодаря финансовой поддержке областной администрации, департамента культуры издаётся уже пятый выпуск альманаха.

Успешно трудятся и писатели из Смоленского отделения Союза российских писателей, который возглавляет поэт В. Макаренко, ежегодно выпускается у них альманах «Под часами».

Есть на Смоленщине талантливые авторы, не состоящие в творческих союзах. Особое место занимает журнал «Годы», который более пятнадцати лет издаёт и редактирует писатель-исследователь Н. Илькевич, автор книги «Дело Македонова». На его страницах блестяще выступает поэт Н.Сухарев, мастер поэтических звукообразов.

Главное, что утверждается через произведения всех без исключения смолян, это светлая доминанта, те добрые человеческие качества, которые противостоят современным растлевающим и разрушительным тенденциям так называемой коммерческой литературы. И постмодернистские выверты у наших писателей не находят поддержки.

Думаю, отражу общее мнение, когда скажу, что решение секретариата СП России о проведении Пленума на Смоленщине связано ещё и с тем, что заслуги смоленской литературы оценены по достоинству, вызывают у всех понимание и уважение.

Да пребудет Смоленская земля в благоденствии под покровами охранительницы Матери Святой Оди-гитрии!

Пленум Союза писателей Союзного государства Беларуси и России

1. Сергей Коткало. За окном уже Беларусь...
2. На гостеприимной Брестской земле.
3. Сопредседатели Союза писателей Союзного государства Николай Чергинцев и Валерий Ганичев.
- 4-5. Во время работы пленума.
6. Юрий Пахомов-Носов и главный редактор журнала «Белая вежа» Василь Ширко.
7. Планы на будущее.
8. Здесь 22 июня 1941 года прозвучали первые выстрелы...
9. Ветеран ВОВ, писатель Михаил Годенко.
10. В Музее пограничной заставы.
11. Сержант погранвойск СССР Александр Лукашенко - будущий Президент Беларуси.
12. До новых встреч!

Фоторепортаж Николая Иванова

В. Ганичев: — Владимир, интересно, каким образом выстроился ряд из 30 твоих романов, неразрывно связанных с морской тематикой? Что было началом, тем успехом, который позволил и дальше продолжить эту работу?

В. Шигин: — Я долгое время все занимался историей парусного флота. Первым мой роман «Чесма» появился достаточно неожиданно. В это время я служил в Лиепае. Вот так на корабельном мостике и писались странички моей первой книги. Город, куда я выходил, был маленький, архивов не было, но по межбиблиотечному абонементу (была такая система) мне приходили заказанные мною книги, и по ночам я от руки переписывал их. Поэтому до сих пор помню их практически наизусть.

Уже позже узнал, что должны быть главные герои, что надо составить план книги. Тогда моим сюжетом стала линия действий российского флота в средиземноморье.

Я считаю, что мне в жизни очень повезло. В 1988 году поступил в Военную политическую академию на научно-педагогический факультет, по специализации история и философия. Там готовили преподавателей общественных наук. Затем, еще молодым лейтенантом, я познакомился с Вами, Валерий Николаевич, и принял участие в девятом совещании молодых писателей.

В. Г.: — Я помню нашу встречу. Кажется, итоги совещания для тебя были позитивными?

В. Ш.: — Да. Позже, по итогам совещания, мою книгу рекомендовали к печати в издательстве «Патриот», где она вскоре и вышла.

Уже через три года «Чесму» опубликовали в «Роман-газете» и роман получил широкое признание читателей, появилась своя аудитория, что было приятно и вдохновляло работать дальше.

По окончании учебы удалось остаться в Москве, служил заместителем начальника в пресс-центра Главнокомандующего ВМФ, а затем в 1996 году перешел в журнал «Морской сборник», где и работаю до сегодняшнего дня.

Мной всегда двигало желание рассказать о несправедливо забытых героях нашего флота. Так как с детства я занимался морской историей, у меня сложилось достаточно полное представление по этому вопросу от Петра Великого до сегодняшнего дня.

Когда я пишу книги, то стараюсь, чтобы их вначале прочитали настоящие моряки, так как любая фальшь сразу угадывается. Только после их одобрения я могу представить свои произведения широкому кругу читателей.

В. Г.: — Это правильно. Однако помимо уже далеких времен есть и современная история флота, не так ли?

В. Ш.: — Конечно. Я писал о белых пятнах и более позднего времени. В апреле 1970 года советский ВМФ проводил крупнейшие в своей истории маневры «Океан». Погибла атомная подводная лодка «К-8».

Лодка вышла из военно-морской базы Северного флота в феврале 1970 года. Ей предстояло участвовать в маневрах в Северной Атлантике, но случилась трагедия и ее экипаж больше никогда не увидел родной земли...

На ней погибли четыре отца моих одноклассников — сгорели заживо. Мой отец тоже должен был быть там, но чудом не пошел в поход и остался живым. Долго это событие в СССР было под строжайшим секретом, но мне все же удалось найти материалы, и я посвятил свою новую работу памяти поколению людей — детей и их отцов. С тех пор меня интересовали проблемы гибели наших атомных лодок.

В. Г.: — Наверное, существуют и другие малоизвестные факты морских трагедий?

В. Ш.: — Я горжусь еще двумя вещами — у меня есть две документальные повести о подобных драмах на Дальнем Востоке, о которых не знали даже ветераны. Произведения были написаны на основе архивных данных, некоторые из которых еще даже не были рассекречены. В них я рассказал о гибели минного загради-

теля «Ворошиловск» и исчезновению подводной лодке С-117.

В результате кропотливой работы удалось восстановить полный список погибших ребят и поставить два памятника — один в Советской гавани, а второй на острове Русском.

В. Г.: — Я знаю, что спектр твоих книг весьма широк. Что еще привлекало твое внимание в истории российского флота?

В. Ш.: — Интересны разные странички отечественной истории по событиям на море. Это и подвиги моряков в героическое время Великой Отечественной войны. Например, лидера «Харьков» и двух эсминцев «Беспощадный» и «Способный» в набеговой операции на Ялту в 1943 году, а также темная и запутанная история гибели кораблей на Северном флоте. В 1942 году эскадренный миноносец «Сокрушительный» разломился на гребне волны в девятибалльный шторм. Ко-

гда, посвященная судьбе крейсера «Памьять Азова» (1906 г.), где произошло восстание в чем-то похожее на события на броненосце «Потемкин».

В. Г.: — Наверное, Черное море и Севастополь в твоих книгах занимают не последнее место?

В. Ш.: — Будучи севастопольцем, я считал долгом перед своей малой Родиной сделать книгу о неизвестной истории севастопольской земли за 10 000 лет под названием «Талисман России», но в издательстве название изменили... Видимо, из каких-то коммерческих соображений. И назвали «Севастополь. История. Легенды. Предания». Тем не менее, этот город всегда считался талисманом России — и я считаю, что, если наша страна его не вернет, то, скорее всего, погибнет...

В. Г.: — В своем творчестве ты много внимания уделяешь трагическим моментам истории флота, но мне интересно в твоём творчестве то, что

с этой страной проходит через века и это весьма интересная тема.

В. Ш.: — В сражениях вместе с черногорцами участвовал контр-адмирал Боратынский, дядя поэта и дядя М.Ю. Лермонтова, который сражался в десанте против французов и к которому поэт обращается «Скажи-ка дядя, ведь не даром...».

В романе «Битва за Дарданеллы» интересны судьбы кораблей, оставшихся после экспедиции на Средиземном море. Там фактически был повторен подвиг Варяга, о котором никто никогда не писал. На Сицилии фрегат Венус окружила английская эскадра, и тогда командир решил дать последний бой — были приготовлены смоляные и пороховые бочки. Противник испугался и отошел...

При работе с архивами я нашел уникальный материал о том, что на Мальте англичанами был сформирован славянский полк для отправки в

наком, но образ жизни его был очень похож на тех, кто ограничивает себя во имя главной цели. Не правда ли?

В. Ш.: — К сожалению, очень мало известно о личной жизни Ушакова. Однако это позволяет сделать вывод, что вся его жизнь была посвящена служению делу.

Моряки, подобно монахам вдали от людей, служат народу, неся свой крест.

В. Г.: — Хочется в заключение спросить о планах. Что сейчас, на твой взгляд, происходит с нашей маринистской темой в литературе?

В. Ш.: — Наверное, как и везде... Литература не прокормит писателя, а людей остается все меньше...

Ищем молодых талантливых ребят. Стараемся их поддерживать и помогать. В Севастополе есть такой замечательный писатель Сергей Горбачев, на севере есть несколько хороших поэтов, а капитан первого ранга Сергей Ковалев — пишет исторические книги.

К осени у меня выйдет еще одна книга. К ней примыкают две небольшие работы по необычной для меня теме — быт русского парусного флота от Петра I до Крымской войны. Это был мир, о котором мы не имеем никакого представления, и хочется его достоверно восстановить — что читали, как ели, как сватались офицеры, какая была система наказания, как награждали и прочее.

В. Г.: — А что, если мы тебя попросим провести в Союзе писателей России встречу маринистов, в том числе из Севастополя, которые сегодня реально «в теме». Пусть это будет не помпезное мероприятие, но возможность поговорить об ответственности писателя, о сохранении в армии и флоте традиций и патриотического духа. Очевидно, что подобное общение может помочь выйти на новый уровень, сформулировать цели в великом служении отечеству.

Сегодня порой не столько пишут об армии, сколько «топчут» ее...

В. Ш.: — Раньше была такая традиция. Адмирал Горшков раз в 5 лет собирал маринистов. У меня с этих встреч до сих пор хранятся фотографии. Можно в этой работе объединить усилия Союза писателей России и клуба адмиралов.

В. Г.: — Решено. На это базе мы можем создать свой собственный клуб. Обязательно надо собирать морское ядро наших литераторов.

СПРАВКА

Владимир Шигин известный писатель-историк, член Союза писателей России, капитан I ранга, родился в Севастополе в семье военно-морского офицера. Моряк в шестом поколении. Детство прошло по гарнизонам Северного флота. После школы работал слесарем на заводе, служил матросом на Балтике. С флота поступил в высшее военно-морское политическое училище в Киеве. В 1981-1988 годах служил на различных должностях на кораблях Балтийского флота, участник 10 дальних походов, с 1991 г. — в Главном штабе ВМФ.

Уже молодым офицером начал писать свой первый роман «Чесма». Владимир Шигин автор более 50 исторических книг, сотрудник журнала «Морской сборник» ВМФ РФ. Автор таких известных романов, как «Ингерманланд», «Герои забытых побед», «Громи отражая гром», «Над бездной», «Тайна исчезнувшей субмарины», АПРК «Курск» и др.

Лауреат Международной литературной премии имени Валентина Пикуля, награжден орденом Почета, медалями «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть» и др.

В настоящее время Владимир Шигин сотрудничает с рядом журналов, читает курсы лекций по истории мировых религий, основам философии и культурологии в институте психологии, сотрудничает с телевидением. Вышло более 30 фильмов и телепередач, где он выступает в качестве сценариста, автора и ведущего.

Беседу записал
Леонид

КУТЫРЁВ-ТРАПЕЗНИКОВ

Чем живут наши маринисты?

Беседа Председателя Союза писателей России В. Н. Ганичева с прозаиком-маринистом В. В. Шигиным

рабль к тому времени практически был представлен к званию «гвардейский», а командир — к званию Героя Советского Союза. О том, что происходило после гибели корабля, долгие годы уцелевший экипаж молчал. Командир эсминца был расстрелян, а сама трагедия была предана забвению.

Пожалуй, лишь союзники отдали дань уважения погибшим — именами двух офицеров «Сокрушительного» были названы в 1943 году спущенные во Флориде корабли.

Я написал еще одну книгу, которую мне многие советовали не делать, а называется она «Леггерои русского флота». В результате многолетних исторических изысканий и работы в архивах удалось собрать уникальные документы и свидетельства, совершенно по-новому освещающие, казалось бы, хорошо известные нам исторические события, а также истинную роль в них исторических личностей.

Книга связана с событиями революции 1905 года. Этот жуткий мятеж на «Потемкине», организованный бандитами, зверское убийство офицеров. Хотелось объективно разобраться в происшедшем. И вот в процессе работы над книгой стало ясно, что некоторых деятелей отечественного флота, которые в силу стечения обстоятельств и политической конъюнктуры в советское время были объявлены героями, на самом деле были леггероями, а точнее — преступниками. Среди них — руководитель восстания на броненосце «Потемкин» Афанасий Матюшенко. И даже знаменитый красный лейтенант Петр Шмидт, принесший своей непопулярностью много горя России и русскому флоту...

В этом году вышла еще одна кни-

касается анализа русского духа и героизма моряков.

В. Ш.: — Основная тема, которой я занимаюсь более 30 лет, это история золотого века русского флота, а именно: парусный флот. По этой теме на сегодня получилось 8 больших романов. Во главе каждого одна из великих побед российского флота, о которых до сих пор далеко не все известно. Это «Чесменский бой», «Битва за Дарданеллы», история экспедиции Синявина и ряд других.

В этот период, к сожалению, флот столкнулся с масонством...

В. Г.: — Да. Я в своей книге «Росс непобедимый...» тоже касаюсь этой проблемы. В итоге, как это ни печально, флот наш был захвачен масонством и ложа Нептуна долгое время пронизывала его руководство сверху донизу. Потом всего этого стало меньше...

В. Ш.: — Совершенно верно. При работе над книгами я сталкиваюсь с уникальными и интересными страницами нашей истории. Так, например, удивительна история русского черноморского десанта, который находился на русских кораблях вместе с митрополитом Петра Негошем из Черногории. Он был союзником России и вел свой народ на борьбу против общего врага.

В. Г.: — Я недавно был в Черногории на Празднике в честь 300-летия установления дипломатических отношений между нашими странами. Была большая встреча с черногорцами. Я сказал, что, конечно, не 300 лет связывают Черногорию с Россией. Еще у Петра I были адмиралы черногории. В «навигатских» школах Черногории учились посланные Петром представители России. Морская связь

Америку для подавления Войны за независимость. Он был укомплектован пленными русскими, поляками, черногорцами, сербами. Этот полк поднял мятеж и захватил один из портов Мальты. Пару недель была осада, но потом, понимая, что проиграли, славяне взорвали себя в порту. То есть они предпочли смерть, чем роль карателей в Америке.

В. Г.: — Ко мне несколько недель назад приехала делегация из Нарофоминска. Вот хотят восстановить храм, где была усадьба и где крестили адмирала русского флота Синявина. Что ты об этом знаешь?

В. Ш.: — Я помню, что деревня называлась Камлево (Калужская область, Боровский район). Он там родился, там жили и его родные. Восстановление храма — дело хорошее и нужное для России.

В. Г.: — Кстати, все наши первые русские адмиралы были родом из сухопутных центральных областей России. Спиридов, Ушаков — Тверская губерния, Нахимов — Смоленская. Это, наверное, говорит о морском тяготении, которое было у русских людей. Всё это очень интересно...

В. Ш.: — За многолетнюю работу по изучению истории у меня сложился свой особый образ Ушакова. Он мне интересен как человек и как профессионал искренне преданный своему делу. Очень ранимый и переживающий любую нечестность человека, идущий по жизни без каких-либо протекций. Ушаков не был замасан ни в одной сомнительной истории.

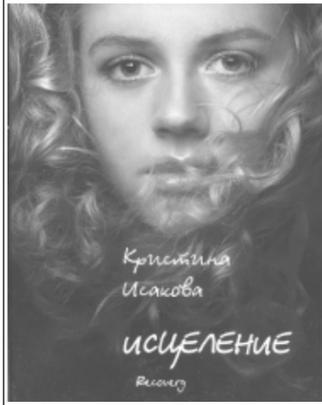
В. Г.: — Однажды я выступал с докладом в Греции и вспоминал, что Ушаков делал большие денежные пожертвования в георгиевский монастырь. И хотя по жизни он не был мо-

Из новой книги

Исакова К. Исцеление. Recovery. Стихотворения. М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2010. - 176 с.

В книгу Кристины Исаковой вошли стихотворения, написанные в разные годы.

Её поэзию отличают целостная обаятельность чувства, исповедальная открытостью мысли, искренний, непредвзятый и, зачастую, критический взгляд на окружающий мир.

Кристина Исакова

Одно твоё фото — вселенная в руку,
Родимая нежная даль,
Где память хранит
лет ушедших разлуку
И гордость, и грех, и печаль.

Что за дело? Не успела
Оправдать я грусть свою.
Сотни раз ладони грела,
Слезы ела на ветру.
В полумраке ночи синей -
Опустевшая мечта,
По ступенькам белым иней -
Соскользнувшая судьба.
Шаг за шагом, оступаясь,
Поднималась в небеса,
Будто с дьяволом играясь,
Постаревшая душа.
А глаза ловили дым,
Тонкой нитью вдаль.
Мир казался больно мним,
Все казалось павшим мне.
Что за дело? Повзрослела,
Оправдала жизнь свою,
И рождение от чрева -
Смерть узнавшую в аду...

Хлопьями белыми скрыта
Тайна под белою далью.
Радость души не забыта,
Но все борюсь я с печалью.
Трудно мне выразить это,
Звездное небо слепит...
Передо мной вся планета —
Только вот сердце болит.

Идет она, в ладошке прячет...
И не расскажет — вовсе нет! —
Улыбка скрытая что значит,
В ладоши спрятавшийся секрет.
Секрет простой — как ветер дует.
Занес он детскую мечту,
Как мальчик в щеку поцелует,
И радость скроет на ветру.
В ладоши спрячет, не расскажет
Своей самый основной секрет.
Рукой простится, вслед помашет,
Как «до свиданья» и «привет».

Симфония чувства и мысли

Одни поэты первичным считают само живописное вещество стиха, у других завораживающая красота поэтической формы рождается из чувства, настроения, мысли. Читатель же запоминает лишь те стихи, в которых в наибольшей степени обнажена и высоким поэтическим словом открыта живая душа поэта.

Не думаю, что Кристина Исакова, утверждая «Раздену душу догола, // Не побоюсь нагой природы. // Такой я Богом создана...», делает некий осознанный выбор. Скорее — в этих и других её стихах проявилось свойство её характера: предельно открытого, находящегося в упорном поиске своего места в мире, в обретении собственного поэтического голоса.

Мир, в котором живет лирическая героиня Кристины, полон трагических противостоятелей. Холодный и бездушный рационализм неких внешних пространств («Зачем такой чуждой // В мерцании звезды?..») в нем содействует с ангелами тайных надежд: «Полумрак такой пустой — // В бездну с головой. // И стоит передо мной // Светлый ангел мой...».

И, может быть, не всегда является бесспорным результатом стремления Кристины Исаковой обходиться без расхожих поэтических образов, разрушать лексический строй даже самых устойчивых словосочетаний. Например, она пишет: «Общенье — средство информации. // Общенье — пища для души...», — и сразу хочется исправить диковинное «информаций» на привыч-

ное «информации», но, вчитавшись в стихотворение, понимаешь, что речь в нем идет именно о том мире «фальшивых деформаций», в котором информационные потоки, как и сами люди, уже не срастаются между собой в единое целое. И получается, что вот эта вроде бы слишком уж свободная и изобразительная манера автора в конечном итоге дорогого стоит.

Сбивчивая и взволнованная интонация у Кристины Исаковой чередуется с необыкновенно мелодичными, рожденными словно бы на едином выдохе строками: «Что за дело? Не успела // Оправдать я грусть свою, // Сотни раз ладони грела, // Слезы ела на ветру...». Согласитесь, что и в слишком, на первый взгляд, вольном речевом обороте «слезы ела» уже проявляется не только собственный достаточно уверенный почерк автора, но и предельная достоверность поэтического рисунка.

Искренность, открытость переживаемого чувства придают особую глубину стихотворениям, вошедшим в первую часть книги. В них Кристина пытается осмыслить такие вечные ценности как семья, дом. «Но так хочется верить, что ты // Смотришь с неба, когда тянется...», — обращается она к отцу в стихотворении «Папина дочь», и этот, скажем так, её частный душевный опыт обретает значение опыта духовного.

Социальной направленностью, критическим взглядом на реалии текущей жизни отличаются стихотво-

рения, вошедшие во вторую часть книги.

И если в первых двух частях чувства и чувственность автора обретают форму духа и путеводного посоха, то в третьей части сам дух подчиняется, как бабочка пламени, властному и, конечно же, часто слепому чувству любви.

Эти два свойства лирической героини Кристины Исаковой — как две темы в симфонии — сопрягаются ритмикой и созвучиями, живыми самодостаточными образами и смутными мерцаниями пока еще не обжитых внятной мыслью пространств.

Книгу органично дополняют работы фотохудожника Елены Мартынюк. Это своего рода театр образов, жестов, в котором Кристина Исакова попыталась отчасти «понарошску», а отчасти и всерьез воспринять или, вернее, сыграть собственные поэтические образы.

...Наверно, опытной рукою редактора можно было бы какие-то стихотворения Кристины Исаковой поправить, а какие-то отложить в сторону. Но нужно ли первую попытку поэтов сказать о несказанном подчинить уже привычным поэтическим формам? Нужно ли именно ремеслом превращать в «подножие искусству»? Да и как угадать то, что таит в себе пока еще далеко не раскрывшийся, но уже очевидный поэтический талант?

Николай ДОРОШЕНКО

Планета поэтов - 5: Сборник стихов. - Рига.: Библиотека «МАШ», 2011. - 512 с.

Международная Ассоциация писателей и публицистов привлекает внимание читателей очередной, пятый выпуск нашего альманаха. На сей раз в нём сошлись сто тридцать авторов из пятидесяти трёх стран, со всех населённых континентов нашей планеты. Стихи их такие же разные и настолько же интересные, как все люди, живущие в разных концах света. Однако их объединяет одно самое замечательное обстоятельство — все они о Человеке, о его бытии, о его любви, его надеждах, о его родине и родном языке.

Вы встретите здесь немало стихов-размышлений и об Отчизне, далекой, иногда потерянной физически, но, как оказывается, не забытой и любимой, как не потеряна, навсегда любимыми эти авторы языком их предков, современников, эпохи.

Авторами сборника стали Алякс Писарик (Беларусь), поэты из России Геннадий Иванов, Николай Перясов, Елена Петиляйнен, Полина Рожнова, Леонид Кутырев-Трапезников, Игорь Тюленев, Наталья Чистякова, сербский поэт и выдающийся политический деятель Радван Караджич, Юрий Завгородний и Станислав Бондаренко из Украины и многие другие.

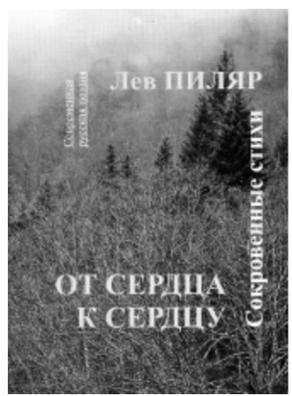
А. А. СНЕГИРЕВ,
редактор-составитель

Из новой книги

Пилляр Л. От сердца к сердцу: стихи. - М.: Издательский дом «Российский писатель», 2011. - 190 с.

В стихах Льва Пилляра органично переплетаются любовь к родной природе, вера в особое предназначение русского народа и антиглобалистские мотивы. Красной нитью через его творчество проходит тема поиска Пути, что особенно интересно в наше непростое время.

Это первая книга поэта. До сих пор его произведения можно было встретить лишь на страницах толстых литературных журналов.

Лев Пилляр

Похожа на хозяина собака
набором внешних черт и выраженьем.

Как будто младший брат
идет со старшим,
иль сын с отцом. И родственно молчат.

И так приятно видеть эту близость
пса бессловесного и человека,
соединенных временем судьбою,
друг друга полюбивших навсегда.

Заскорузлейший снег,
ледяная тропинка.

Коротаю свой век
человек и скотинка.

А деревья молчат,
от стаянья устали.

И томленья печаль
переполнила дали.

Отламывается,
как хвост от ящерицы,

прошлое
от настоящего.

Я заперт
в клетку дня.

Солнце
следит за мной.

Некуда
мне идти.

Небо
синей стеной.

Живу, не видимый никем,
живу, не слышимый никем.

Не в погребке, не в тайнике,
а в стольном городе Москве.

Мелькают лица и дома,
машин мелькает кутерьма.

Мелькает лет круговорот -
где человек и где народ?

На ловца
и зверь бежит.

На поэта -
слово.

Ну а радостного жизни
целовать готова.

Душа дошла до истощенья
от неприятных ощущений,
от грохотаний городских -
хоть ночью не было бы их!

В мозгу ревет мотор машины
и гонит мыслей мешанину.

Над головой сосед сверлит
и снизу звук - стереоритм.

И где же тут моя свобода?
Нет у меня громоотвода...

От сердца к сердцу

Каждый поэт (если он, конечно, настоящий Поэт) своеобразен и не похож на других. Кого-то отличает мастерское владение словом, кого-то — оригинальность рифм. Кто-то проявляет себя в больших формах, кто-то — в малых. Но главное качество истинной Поэзии — это ее абсолютная самодостаточность. Поэт — творец, он создает свой собственный мир — по кирпичику, по винтику, по букровке. И каждое его стихотворение — это ключик, помогающий вдумчивому читателю приоткрыть волшебную дверь в необычайный поэтический космос.

Лев Пилляр — человек необычный и в мире современного постмодерна — посторонний. Он пишет свои стихи без оглядки на тенденции и концепции, как будто подчиняясь известной оруджавской формуле: «Каждый пишет, как он слышит, каждый слышит, как он дышит. Как он дышит — так и пишет, не стараясь угодить». Впрочем, у поэта есть и собственная поэтическая формула:

... стихи... присутствуют в природе,
они растворены во мне.

Пилляр — поэт неспешный, хотя и предпочитает выражать свои мысли очень коротко и афористично, что, как правило, свойственно именно поэтам-торопыгам. Он четко осознает, что имеет дело с вечностью, и часто это подчеркивает в своем творчестве: Я — вечности сын,
проживающий в городе.

Но в понятие вечности у поэта входит многое: не только Бог, Небо и непрерывность человеческого бытия (хотя эта тема занимает очень большое место в его творчестве), но и тончайшие нюансы окружающей его жизни. Он удивительно тонко и точно умеет описывать мимолетные состояния природы. Причем, из мелких, казалось бы, мажков (почти японских) Пилляр умудряется создавать замечательные картины, которые так и встают перед глазами во время прочтения его стихов. Сам он подытоживает свою пейзажную лирику так:

Среди сосен и солнца,
среди неба и птиц

я иду и не чувствую жизни границ.
Я не смерти причастен, а вечности.
И шагаю по бесконечности.

Природа для поэта — не просто место, где он отдыхает душой от городской суеты. Это Храм, в котором он очищается от всего мирского, греховного, ведь от грехота мегаполиса у нормального человека «нет ... громоотвода».

Пилляр — антиглобалист по своей сути. Он ненавидит все, что так или иначе мешает людям оставаться людьми. В своей гражданской лирике он призывает вернуться к своим корням, уйти от чистогана и погони за материальными благами. Ведь только

... пока в нас живы и любовь, и вера —
будем мы светиться...

Конечно, в чем-то поэт наивен, но эта наивность идет вовсе не от простоты и нежелания видеть окружающий мир в реальном свете. Просто мир треснул, и трещина прошла через сердце художника, как некогда и предсказывал немецкий поэт Г. Гейне. Ина этом переломену нужно найти единственные верные и главные слова, а не впадать в бесконечные умствования. И Льву Пилляру это удается, хотя он и осознает свою неадекватность современному социуму:

Клиническая участь —
горящая душа.

И вслед за поэтом хочется воскликнуть:

Не угасай, сознание,
ты — бессмертно.

Через тебя проходит целый мир!

Имя Пилляра достаточно хорошо известно современному читателю: его стихи охотно публикуют толстые литературные журналы. Но в книгу они собраны впервые. Лев Юрьевич и здесь верен себе: за сиюминутной славы никогда не гнался и взялся за сборник только тогда, когда почувствовал, что время его пришло.

И мне очень хочется верить, что выход в свет этой книги не останется незамеченным, поскольку горящая душа поэта способна воспламенить и читателя.

Андрей ШИРОГЛАЗОВ

Непростая «простота» Рубцова

Прочтение

Андрей Широглазов

Пожалуй, нет в истории новейшей российской литературы другого такого поэта, как Николай Рубцов. В нем как-то невероятно органично слилось воедино то, что испокон веков составляло саму суть русского человека. Во внешне непритязательных строчках его стихов скрыта, тем не менее, глубинная сущность народного мировосприятия. Здесь все: и эзотерическая связь с природой, и глубокая скорбь по ушедшим временам, и растерянность простого человека перед наступающим прогрессом, и попытка вернуться к своим корням, сила и слабость, радость и грусть, тяга к высокому и погружение в бездны. И все это - сквозь призму собственной судьбы, собственной жизни - трагичной и неприкаянной.

Мир треснул, и трещина прошла через сердце поэта.

Отсюда и рвущая душу исповедальность, и внешняя, почти фольклорная простота поэзии Николая Рубцова. Ведь он как бы "выпевал" свою боль, свое одиночество, свою неприкаянность. И вместе с тем "проживал" свои стихи "до конца, до смертного креста", очищая душу этой стихотворной молитвой.

"Простота" поэта послужила ему недобрую службу, породив тысячи эпигонов и доморощенных критиков, которые даже не пытаются погрузиться в глубины рубцовской поэзии, понять и описать его творческий метод. Казалось бы, нет ничего проще, чем писать "под Рубцова": покосившиеся избы, разрушенные церкви, кусты-березки и размытые дороги... Но вот только почему-то при таком огромном количестве подражателей ничего равного творчеству поэта до сих пор не написано. Почему? Да потому, что у Рубцова все совсем не так "просто", как может показаться на первый взгляд.

Взять хотя бы хрестоматийное стихотворение "Тихая моя родина", повторить которое с разными вариациями кто только не пытался...

Его сюжет несложен: человек возвращается в места своего детства, где все неузнаваемо изменилось за прошедшие годы, и грустит о минувших временах. Вроде бы все очень банально, избито, читано-перечитано (вспомнить хотя бы есенинское "Я посетил родимые места"). И все же именно это стихотворение стало классикой русской литературы. Попробуем понять - почему?

Для этого сделаем небольшое от-

ступление от темы в сторону казалось бы совершенно далекую от Рубцова - к японской поэзии (хокку и танка). Изначально она существовала в синкретическом единстве с живописью, то бишь представляла собой подпись к минималистскому японскому пейзажу, который дополняла ради достижения максимальной гармонии. Позже поэзия выделилась в отдельный жанр, но суть ее осталась прежней: несколькими мазками (теперь уже чисто словесными) дать законченную картину чего бы то ни было: мира, человеческой жизни, природы... При этом в распоряжении японцев только 17 слогов (6-7 слов). Естественно, ничего лишнего здесь быть просто не может: каждая буква на месте.

В этом же суть и рубцовского метода. Если отбросить некоторые связующие слова, то его образная система мало чем отличается от восточной. Например:

*Размытый путь,
Кривые тополя.
Пора отлета...*

Чем не осеннее хокку? Та же натроенческая конструкция с очень четко выписанными деталями. По существу, готовая картина. Или другое:

*В обнимку с ветром
Иду по скверу
В потемках ночи...*

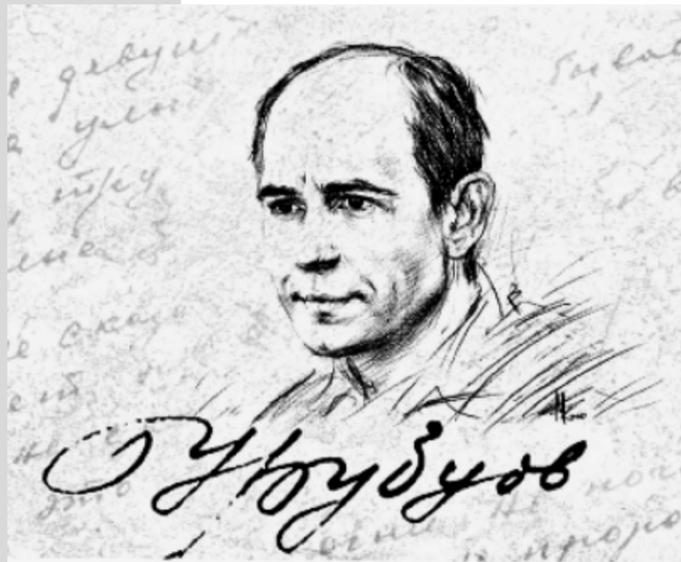
Или:

*Крепче сон,
Когда в ночи
Шумят вершины сосен...*

Увидеть великое в малом, найти единственно верные и точные детали, позволяющие одним мазком словесной кисти создать картину мира - вот то, что связывает древних японцев и современного Рубцова.

Впрочем, не только это. Соответствие гораздо больше. Это и слияние с природой, и некое отстранение от социума, когда лягушка на болоте для поэта ближе, чем конкретный человек. А стихотворение "В сибирской деревне" вполне мог написать и средневековый китаец: уж больно по-восточному смотрит на мир Николай Михайлович. Он проходит насквозь крепкую и людную деревню, а видит только "желтый куст", "лодку кверху дном", "колесо тележное в грязи", скулящего щенка и малыша в лопухах, которого "наверно, ищут". И это неопределенное "они" - единственное упоминание о селянах. Так сквозь деревню проходили Ли Бо и Ду Фу, не замечая ни хижин, ни соплеменников. А если кого и замечали, то это были люди, вырванные из социума. Опять же, как у Рубцова: старик с костылем, старуха в ветхой избушке, "добрый Филя"...

Конечно, прямой связи у рубцов-

ского мира и мира восточной поэзии нет. Но кто в них может до конца разобраться - в этих связях. Ведь был же у Николая Михайловича кумир - Тютчев, который долгие годы дружил с Шопенгауэром, открывшим для Европы русский Восток...

Но вернемся к "Тихой Родине" и попытаемся на основе этого стихотворения выяснить, что скрывается за выражением "художник" применительно к поэтическому творчеству.

Рубцов не просто рифмует слова и выстраивает в ряд четверостишия. Он пишет картину. И делает это очень профессионально и виртуозно. Вчитайтесь внимательно, и вы поймете, о чем я говорю.

Тихая моя родина!

Это грунтовка холста. Поэт первой строчкой создает фон будущей работы - тихий, спокойный, нейтральный. Далее идут первые мазки:

Ивы, река, соловьи...

Теперь - небольшая пауза, подчеркнутая многоточием. И - осмысление следующей детали холста:

*Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.*

Значит, должен появиться погост. И он появляется. Но не сразу:

*- Где же погост? Вы не видели?
Сам я найди не могу.*

Возникает трагическая нотка, и мазки становятся более резкими, нервными:

*Тихо ответили жители:
- Это на том берегу.*

Деталей становится больше: река, погост на другом берегу и местные жители - не знакомые поэта (хоть он и вернулся на родину), а совершенно посторонние люди, лишённые коннотации и выражения лиц (они так и

останутся просто "жителями"). И все же они не только фигуры в сторонке, в них есть тепло и понимание (они ведь ответили неравнодушно, а "тихо", как бы взяв на себя часть скорби человека, потерявшего могилу матери). Поэтому они тоже - часть пейзажа.

*Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Ярко травой зарос.*

Поэт благодарен за это "тихо", и за это он еще раз обращает внимание на случайных собеседников, четче прописывая на холсте их фигуры, в то же время чуть-чуть отодвигая их в пыль от проехавшего обоза, который на картине так и не появится. Зато за рекою, недалеко от погоста, появляется "купол церковной обители" - не "церкви", а именно "обители", то есть места, где когда-то "обитали", которое стояло особняком, а теперь вписано в пейзаж заросшей травой. При-
частью, травой "яркой". Заметьте, это первое цветное пятно на картине. И оно означает, что жизнь продолжается: яркая трава тянется к солнцу. Поэт не останавливается на разрушенной церкви, не делает ее центральной частью холста. Это место позже будет отведено для школы. А храм - просто место, откуда ушли "обитатели". Трава здесь более выписана.

Дальше Рубцов детализирует пойму реки, которая наравне со школой становится центром его работы:

*Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сенокосах:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.*

*Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...*

Река - это мир его детства. Поэто-

му ее видоизмененный облик задевает поэта куда больше, чем поросший травой церковный купол. И он воскликает, обращаясь к той, оставшейся в памяти, реке своего детства:

*Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.*

И вот оно - то, что осталось неизменным, то, что наполняет поэта теплом и светом: его старая, деревянная школа. Он вписывает ее в картину бережно, с любовью, умиляясь новому забору и привычному зеленому простору, которым он заполняет свободную еще нижнюю часть холста:

*Новый забор перед школой,
Тот же зеленый простор,
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!*

И на задний план как бы отступают и погост, и "купол церковной обители", и теряющиеся в пыли "жители". Уж больно молодцовато выглядит на картине зеленый забор, на который очень хочется сесть (еще одно яркое пятно на спокойном фоне "тихой родины").

*Школа моя деревянная!
Время придет уезжать -
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.*

Все. Свидание с родиной окончено. Пора уезжать. И еще раз прощальный взгляд на то, что близко и дорого: школа, речка... Несколько дополнительных мазков: деревянная школа и туманная речка. Осталось совсем немного: прописать небо и поставить свою подпись на холсте. Что Рубцов и делает. Фраза "сгромом, готовым упасть" очень точно передает летнее предгрозовое небо, а строчки *Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь -* это и есть рубцовская подпись. Картина готова, и если закрыть глаза, можно легко представить ее почти с фотографической точностью. Написана с натуры, прописана часть жизни самого автора. Абсолютно законченное и самодостаточное произведение художника слова Николая Михайловича Рубцова.

Точно так же можно расписать и другие стихи поэта. Хотя бы все то же "Отплытие", которое мы цитировали чуть раньше. Это еще одна яркая и цельная картина, предстающая перед глазами: желтые поля, грязная дорога меж кривых тополей, журавлиный клин вдали, суровая пристань на реке, посадка на пароход, пассажиры, курящие матросы, полусгнивший трап и ощущение тоски и одиночества. И на все про все - всего четыре четверостишия. Воистину восточная техника стиха! И при этом все в стихотворении еще и "звучит": где-то далеко курлычут журавли, тоскливо поют пароходный гудок, стонет трап, ворчат хмурые матросы. Вот вам и пресловутая рубцовская "простота", которой очень хочется подражать, но подражать невозможно, как невозможно "обогреть" чужие острова. А свои острова каждый должен обогреть сам...

На поле Куликовом

Фестиваль авторской песни "Куликово поле" традиционно считается одним из главных событий года в бардовской среде. Проводится он уже добрых 15 лет в начале июня в святом для всех русских людей месте - там, где Непрядва сливается с Доном. Мероприятие это собирает тысячи зрителей из разных уголков необъятной России, в концертах принимают участие именитые барды и поэты. А лауреатство на "Куликовом поле" ценится лишь чуть ниже грушинского. И то сказать: многие известные нынче барды начинали свою творческую карьеру именно здесь - недалеко от Тулы, в месте, с которого, по словам Ключевского, и началась русская нация.

В этом году я был приглашен на "Куликово поле" в качестве члена жюри. Как поэт, я вместе с собратом по перу из Можайска Валерием Балакиревым отвечал за поэтическую составляющую представленных на конкурс песен. Алексей Витаков (известный поэт, бард, издатель и организа-

тор фестивалей) был слишком занят решением оргвопросов и на наше главенство в этой области не посягал. Остальные члены жюри оценивали музыкальную составляющую песен и исполнительское мастерство конкурсантов.

За 2 дня мы прослушали около ста человек - почти 250 песен. Честно говоря, я все ждал, когда же прозвучит нечто гражданское, патриотическое - все же Куликово поле, место русской доблести и славы. Вроде бы обзывает... Но, увы... То ли разучи-

лись мы гордиться собственной историей, то ли авторы-патриоты на фестивале не приехали, но в большинстве своем нам приходилось слушать песни ни о чем: любовь-морковь, лютики-цветочки... Лишь один человек из белгородской глубинки Сергей Постолов порадовал своим творчеством, но в число лауреатов почему-то так и не попал.

Еще два крепких автора - Антон Богун из Обнинска и москвич Алексей Шмелев (кстати, ученик А. Витакова) - тоже не вдохновили "большое жюри" во главе с Галиной Хомчек. И потерялась наша с Валерием Балакиревым поэтическая составляющая в исполнительском мастерстве. Но, с моей точки зрения, хорошее владение гитарой и поставленный вокал вовсе не гарантируют песенного качества. Вон Кукин вообще на трех струнах играет, а поют его по всей стране.

Впрочем, и подбор гостей, похоже, тоже осуществлялся по этому принципу. Лично мне запомнились лишь Сергей Корычев, Любовь Гребенюк да Павел Аксенов - авторы интересные, парадоксальные и глубокие. Остальные прошли как-то мимо, не оставив заметного следа в душе.

Наверное, я придираюсь, но для меня авторская песня в первую очередь - литературный жанр, а совсем не песенный. И гражданская позиция в творчестве должна быть, особенно если учесть время, в которое мы живем. А так из трех десятков гостей я отметил ее лишь у Алексея Витакова и Михаила Калинин, остальные - как с другой планеты, где всех-то проблем, что миля ушла к другому.

Но вот что мне на "Куликовом поле" понравилось - так это четкая организация. Все было по-военному просто, но толково устроено: питание, проживание, переправа через Непрядву, даже туалеты были расставлены там, где они больше всего были необходимы. И охрана на высоте: никаких эксцессов, выходов со стороны подвыпивших зрителей (праздник совпал с Днем пограничника).

Сцена тоже была выше всяких похвал: высокая, прочная. А уж аппарат - просто мечта: из любой точки лагеря все слышно до последнего слова, до последней нотки. Ко всему этому еще и хороших конкурсантов - цены бы не было фестивалю.

Андрей ШИРОГЛАЗОВ

Уж не знаю, сколько тысяч километров намотал я в своих странствиях по Русскому Северу, но каждый раз заповедная земля эта не устает поражать мое воображение своей самобытностью, русскостью, своей абсолютной непохожестью на московский уклад и столичные ценности. Здесь все по-другому: иные скорости, иные понятия, иные воззрения на мир. Здесь могут любить хорошего человека только за то, что он хороший человек, и не воспринимать раскрученные бренды. Здесь до сих пор на тесных кухнях до рассвета читают стихи и поют хорошие песни. А какой здесь русский язык: сочный, богатый, вкусный!

Наверное, поэтому на северах (именно так: на северах!) так много хороших поэтов и прозаиков - там, где все по правде, все по-настоящему, просто невозможно писать плохо. Невместно, как сказали бы наши предки. Дурной литературы ни зритель, ни читатель не простят.

Вспоминаю свой концерт в заполярной Воркуте 15-летней давности. Выхожу на сцену и вижу в первом ряду всю мэрию во главе с главой города. А ведь пел я отнюдь не шансон, не эстраду, да и имя мое к тому времени мало кто знал. Просто власти пришли послушать поэзию и авторскую песню. Где еще такое возможно?

А спустя 5 лет в Сыктывкаре меня заставили полчаса "бис" читать стихи. Не песни петь - зрители интересовало именно поэтическое слово. Разве такое забудешь...

А года четыре тому назад довелось мне оказаться в одной компании с коми-министрами - мы как раз выпускали очередной CD-диск, посвященный геологам Заполярья. Слово за слово - выяснилось, что каждый второй глава ведомства пишет или стихи, или прозу, и почти все играют на гитаре. Вот такой он - Русский Север. Это вам не Москва с раздувающимися щеки чиновниками и безграмотными менеджерами высшего звена.

А знаете, кого больше всего не любят в Сыктывкаре? Сергея Давлатова, который в своей повести "Зона" назвал себя, недоучившегося филолога, на момент своей службы в армии самым образованным человеком в Коми. Это при том, что через Воркутлаг прошли сотни профессоров и академиков, многие из которых прижились на севере и в столицы решили не возвращаться. Все они приложили максимум усилий для того, чтобы свои знания передать подрастающему поколению, на фоне которого полуграмотный Сергей Донатович выглядит более, чем скромно... Но чего не сделаешь ради красного словца...

В своей вступительной статье к коми-номеру народный поэт Республики Коми Надежда Мирошниченко назвала в нашей газете Сыктывкар "столицей литературной провинции". И нетрудно представить себе лицо пресыщенного столичного читателя, который наткнется на эти строки, отдающие местечковым патриотизмом. И каково же будет его удивление, когда он все же вчитается в пронзительные стихи литераторов Коми, в крепкую, выверенную прозу писателей-северян...

Да, Сыктывкар и впрямь можно назвать столицей литературной провинции. И, как ни странно, глубокие корни этого феномена лежат в нашей трагической истории. В конце 30-х годов прошлого века Республика Коми стала местом ссылки для многих представителей советской интеллигенции. Пустынный Север превратился в град Вавилон. На соседних нарах лежали вповалку писатели-националисты и писатели-интернационалисты, поэты, художники, ученые, музыканты, режиссеры, артисты. По своему составу Воркутинский драмтеатр мог в свое время соперничать с любым столичным театром.

И случилось то, что веком раньше случилось с Сибирью: сыльная интеллигенция создала основу культурной традиции и подняла творческую планку на баснословную высоту. С началом "оттепели" северный "ренессанс" не прекратился. Многие бывшие зеки остались на северах навсегда. Да и подрастающее поколение,

воспитанное столичными светилами, быстро оперилось и отправилось в творческий полет.

Особую лепту внесли в культуру республики геологи. В Коми их всегда было очень много. В свое время здесь работали Городницкий, Туриянский, Зонов - яркие представители поэтической авторской песни. Их влияние на северян вылилось в то, что и по сей день барды Коми весьма заметны на общем фоне и практически ни в чем не уступают классикам жанра.

Еще одна интересная особенность северной литературы: при общем высочайшем творческом уровне ни один из местных литераторов не приобрел общероссийской и мировой известности. Для нынешнего поколения поэтов и писателей это благо, как ни парадоксально это может прозвучать. Фигуры Твардовского для Смоленска, Рубцова для Вологды, Есенина для Рязани - это те рубежи, которые непреодолимые препятствия встали на пути многих талантливых смолян, вологжан и рязанцев. Попытка сравниться с именитыми земляками многих из них исковеркала, сделал эпигонами и подражателями. Лишь единицы смогли преодолеть в себе это влияние и стать настоящими поэтами.

На Коми земле подобного не произошло. И, наверное, поэтому так интересно было читать прошлый номер нашей газеты. В стихах и прозе литераторов Коми нет одной сквозной темы, их произведения оригинальны, свежи и самобытны. И, конечно же, большая заслуга в этом при-

надлежит местной писательской организации - одной из самых динамичных и профессиональных в Союзе писателей России. Маститые литераторы ведут огромную работу в окололитературной среде, воспитывают подрастающее поколение в духе любви к родному языку и великой русской литературе. Отсюда и такое большое ко-

личество произведений молодых поэтов и прозаиков в коми-номере.

Впрочем, презентация газеты прошла не в стольном Сыктывкаре, а в провинциальной Ухте. И в этом был свой глубинный смысл. Дело в том, что 100-тысячный промышленный город в культурном плане мало чем уступает республиканскому центру. И четверть всех публикаций коми-номера были посвящены творчеству именно ухтинских авторов.

Представляла проект народный поэт Республики Коми Надежда Мирошниченко - автор и реализатор идеи, человек незаурядного таланта и бешеного темперамента. После ее выступления даже самые спокойные и меланхоличные зрители громко кричали "браво", а мне потребовалось собрать себя в кулак, чтобы не сбить настрой зала. Похоже, мне это удалось, и выступавший сразу за мной поэт Андрей Попов тоже в грязь лицом не ударил.

А потом звучали песни на стихи местных поэтов: Н. Кузьмина, Н. Герасимова, Е. Поварковой, В. Салтановой, М. Каганцова в исполнении сыктывкарских бардов. Надо сказать, что в Коми авторская песня и поэзия давно идут рука об руку, и симбиоз двух жанров дал необычайный результат - десятки совместных дисков. Это уникальное явление в русской культуре. Обычно поэты смотрят на бардов свысока...

Не обошлось и без "изюминки". Московский бард поэт Галина Шапкина прямо на концерте презентовала новую песню на стихи Дмитрия Фролова - одного из авторов номера. Написана она была уже после выхода газеты в свет.

Ну и, конечно же, на сцену поднялся легендарный человек - спонсор проекта Николай Герасимов. В Республике Коми о нем слагают легенды. Николай Николаевич - добрый гений местной культуры. Без его участия не обходится ни один заметный проект, ни одно знаковое начинание, событие.

В свое время он возглавлял "Поляргео" - организацию воркутинских геологов, и финансировал клуб "Баллада", вокруг которого клубилась вся культурная жизнь Воркуты. В смутные годы перестройки, когда многие начальники стали миллионерами, он организовал выезд на "большую землю" 400 семей геологов - все они получили квартиры и смогли устроить свою жизнь. В Сыктывкаре он стал министром промышленности и энергетики и, проработав в этой должности 8 лет, сумел предотвратить развал целых отраслей экономики республики. Эти годы стали периодом расцвета коми-культуры. Сам Николай Николаевич об этом рассказывал так: "Должность у меня была знаковая, от меня многое зависело. Поэтому ко мне часто приходили богатые люди и предлагали взятки. Конечно, я мог бы их выставить из кабинета, но я поступал иначе. Я говорил им, что денег мне не надо, но вот есть тот-то проект, та-та книга или выставка, которые неплохо было бы профинансировать. И деньги уходили на развитие культуры".

Сейчас Герасимов трудится в системе "Роснефти" и свою благотворительную деятельность не прекращает. А еще он пишет стихи - чистые и светлые: о любви и дружбе, о друзьях-геологах и природе Коми. Многие из них положены на музыку и поются у таежных костров, на фестивалях авторской песни, звучат с CD-дисков.

Сам по себе Николай Николаевич - человек скромный, и его подборку стихов в коми-номер мы включили нелегально - на свой страх и риск. Он бы от публикации отказался, поскольку поэт себя почему-то не считает, но для того, чтобы настоящая поэзия жила, готов сделать все, что в его силах. Вот такие люди еще встречаются на северах. И на таких людях стояла, стоит, и будет стоять Земля Русская.

Андрей ШИРОГЛАЗОВ.
Фото автора и А. Чуманова.

"РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ" В УХТЕ

В середине июня в Ухте в рамках республиканского фестиваля авторской песни прошла презентация свежего номера газеты "Российский писатель", почти целиком посвященного литературе Республики Коми. В ней приняли участие секретарь правления СП России Н. Мирошниченко, заместитель редактора "Российского писателя" А. Широглазов, член правления писательской организации Республики Коми А. Попов, поэты Г. Шапкина (Москва) и Н. Герасимов (Сыктывкар), барды А. Скребец и Е. Петушок (Сыктывкар).

Тольяттинская тетрадь

Тольяттинское отделение Самарской писательской организации Союза писателей России - это молодая и бурно развивающаяся ветвь на дереве самарской литературы.

В конце 90-х годов прошлого века член Союза писателей России, известный Тольяттинский поэт Константин Рассадин выдвинул идею создания в Тольятти отделения Самарской писательской организации. Его поддержали известные тольяттинские писатели Юрий Сизов, Александр Воронцов, Николай Казаков, Валентин Рябов, Виталий Сивяков, Сергей Тришкин.

25 октября 2001г. на Учредительном общем собрании был принят Устав Тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации СПР, а 29 января 2002г. Устав был зарегистрирован в Управлении Министерства юстиции РФ по Самарской области.

Александр Воронцов

ЖИГУЛЕВСКОЕ ВИДЕНИЕ

Уходят лето и лета -
Осталась малость.
И я не тот, и жизнь не та -
Какая жалость!

Зачем-то я на склоне лет
На склонах Стрельной.
Ещё чуть-чуть - и вот хребет
Водораздельный.

Налево - бездна зелена,
В ней тонут хаты.
А справа - вольная волна
Бежит куда-то.

Последний камень впереди -
А дальше - небо!
И захололо в груди:
Взобраться мне бы!

Но, подпирая небеса,
Упругой тенью,
С рысжиной в лёгких волосах,
Стоит виденье.

На самом краешке скалы,
Стоит, курноса и бесстрашна,
А под скалой кружат орлы,
Как стражи башни.

Такая в мире красота -
Я к ней причастен.
И я не тот, и жизнь не та -
Какое счастье!

ПОЛЕ
Поле, поле, поле, поле!
Неприкаянность и грусть
Хуже скуки, больше боли -
Откровенно сознаюсь.

Есть простор, но нету воли,
Только ветер слишком рван -
Незасеянное поле
И безжалостный бурьян.

Так и прёт - хмельной он, что ли?!
Стебли житные губя.
Ты прости, родное поле,
Это я не спас тебя.

Надо мной - чужая воля,
Не даёт тебя вспахать.
Ты скажи, широко поле,
Чья колышется там рать?

Чьи там шлемы частоколом,
Чьи там пики, как ежи?
Куликовым станешь полем,
Или Косовским? Скажи!

ЛЮДИ

Люди голодают,
Голодают люди,
Люди умирают,
Умирают люди.

Люди не горюют,
Не горюют люди,
То ли примирились?
Примирились люди.

Люди на поминках,
На поминках люди

Водку пьют бесслѣзно,
Пьют бесслѣзно водку.

Можно на поминках,
На поминках можно
Вдосталь выпить водки,
Выпить водки вдосталь.

Люди захмелеют,
Захмелеют люди.
Разве это - люди?
Разве я - не с ними?

ПРИКОСНИСЬ

Прикоснись к своей стране
И спроси: «Ты всем довольна ль?»
Прикоснись к своей родине
И спроси: «Тебе не больно ль?»

Посмотри на отчий край,
Где пустырь на месте пашни,
Где пожух зелёный рай,
И спроси: «Тебе не страшно?»

Прикоснись к своей душе
И спроси: «Нучто, родная,
Поседела ли уже
От беды родного края?»

Прикоснись к своей груди,
Улови, как сердце стукнет -
Не набатом ли гудит:
Коль не я, то кто заступник?!

ПРОСЬБА

Эх, прожить мне лет 300 бы
И при этом, заметь! -
От сердечного приступа
Я хочу умереть.

Чтобы - раз! - и под кустики
В заповедном раю.
И к Архангелу: «Впустите
В садик душу мою?»

Посмотрите - измаялась,
Истомилась она.
И её уж немало раз
Зазывал Сатана.

Золотые и медные
Предлагал пятаки.
Еле вырвалась, бедная -
На крылах синяки.

Здесь от боли и грусти бы
Мне её подлечить...
Ну так что же, пропустите?
А Архангел молчит.

Семен Краснов

ЛУКОРЕЧЬЕ

За рекой, за Волгой - Лукоречье,
Сказочная дивная страна.
Закрывает ласковую вечность
Древних гор зелёная стена.

Жигули в тумане, в паре, в дыме -
Пеленой окутаны леса.
По ущельям пятками босыми
Бродит эхо, будит голоса

Молчаливых каменных утѣсов,
Тишина висит по-над водой.
В зеркалах небесно-синих плѣсов
Чѣли плывут с изыщию ладѣй.

Запах трав большую душу лечит,
Красота ласкает слух и взор.
Сторона родная - Лукоречье,
Вотчина Хозяйки Девьих гор.

Торжественный церковный полумрак,
Пред службой зажигает дьякон свечи -
Негромко раздаётся мерный шаг;
Вся суета - за стенами, далече...

Два человека перед алтарѣм
В потоке чистоты, добра и света!
Смуѣнные мирские дети лета:
Ещё чужие...
Но уже - в двоѣм.

Раскаты грома. Разговор
В огромной и пустой кавартире.
Добро и зло в подлунном мире
В двоѣм несут ночной дозор.

Зигзаги молний. Мудрый взгляд.
Омар Хайям. Слова Сократа.
Не ополчится брат на брата,
Не воротится зло назад.

Стеною ливень из ведра
Небесного. И мысли зрима -
Поэту быть необходимо
По эту сторону добра...

На могилке наркомана -
Тонкая крапива,
Две засохшие гвоздики
В банке из-под пива.

На скамейке у оградки
Молодая мама.
От беды лицо в морщинах
И людского срама.

На столе нагрелась водка
В поминальной кружке.
У молоденькой соседки
Сломана верхушка.

Пригибается к могиле,
Словно в стельку пьяный,
Приблудивший, погубивший
Стебель конопляный.

Василий Мосин

РМОНЬ

Играй, гармошка гордая!
Ах, мне-то что за грусть,
Что не в селе, а в городе
Гармонь играет? Пусть.
Пускай смеется улица -
Смеется не со зла.

Ведь если призадуматься,
То все мы из села.
Лежит меж нами кровная
Связь многих-многих лет
С пшеницею, с коровами,
Со скрипами телег.

Играй, гармошка гордая,
Ты сердце позвала,
Ведь не было бы города,
Коль не было села.

Скоро август прокатится яблоком,
Будет красться осенняя мгла.
Что-то в воздухе чистое, яблочко
И пронзительно, как игла.

В текущем году Тольяттинское городское отделение Самарской областной писательской организации отмечает десятилетие своего существования. Этот писательский сплоченный коллектив автограда прославленных малоизвестных «Жигули» состоит в основном из авторов, судьбы которых неразрывно связаны с трудовой деятельностью объединения «АВТОВАЗ». Они живут в построенном ими городе, трудятся на родном заводе.

Время неумолимо: поседали виски у задорных комсомольцев-строителей 70-х годов отгремевшего в новостройках 20 века, уже новый век перешагнул за первую десятку лет, но все также исповедально, по-русски, звучит поэтическое слово с былинных берегов матушки-Волги.

Подводя итоги десятилетней творческой деятельности, хочется рассказать о том, что в составе отделения 30 авторов, из них 9 членов Союза писателей России, поэтов и прозаиков, чьи произведения выходят в свет авторскими книгами, публикуются в областных и всероссийских журналах и альманахах. Кстати, писатели автограда имеют свой литературный ежегодник «Стрежень», который издается при спонсорской поддержке департамента культуры мэрии г.о. Тольятти (руководитель - Елена Кузнецова), редактором и составителем альманаха является председатель Совета ТГО СОПО, лауреат нескольких престижных всероссийских литературных премий Константин Рассадин. Альманах является областным изданием издательства СОПО «Русское эхо». И, чтобы не замыкаться в рамках сугубо местного тольяттинского издания, на страницах сборника публикуются наиболее известные писатели Союза писателей России. Наряду с писателями, творчество которых широко известно тольяттинскому читателю, в альманахе существует постоянная рубрика «МЫ — МОЛОДЫЕ», поставщиком которой, условно говоря, служит «Литературная лаборатория» Тольяттинского государственного университета, возглавляемая членом СПР Семеном Красновым. Таким образом создается благоприятная творческая обстановка для проявления молодых дарований.

1 октября в городе будет проводиться региональный фестиваль поэзии, организованный нашим писательским объединением совместно с областной писательской организацией. Предлагаем читателям «Российского писателя» стихи тольяттинских поэтов, включенных в концертную программу фестиваля.

Станет в мире забота глубокая,
Будут корни скрипеть под землей,
Насыщая природными соками
Плоть деревьев на зимний покой.

И в душе, как в полях, разрыхляется,
И томление сдавит в груди:
Надо всё оберечь, что имеется
И что будет ещё впереди.

Отшумит суета, отпечатлится,
И проплачется небо дождём.
Буду думать о здоровом начале я,
Дух готовить на новый подъём.
Как природа, земля, отчий дом.

ВДОВА

Мой - колун, твои - дрова.
Колотся в полешки,
Словно резкие слова,
Отлетают в свистке.
Станет теплою зима,
Руки не поленятся.
Только ты сложи сама
Все дрова в поленницу.
Потомулетит колун
Со всего плеча,
Что опять к тебе зайду
Вечером на чай.
Ты, деревня, не права!
Придержи язык!
Здесь красавица-вдова,
Я ли не мужик?
Не боюсь ни ссор, ни слов,
Ни обид со зла.
Наколол я много дров.
Хватит ли тепла?

ГАЛСТУК

Я женюсь. Заявите мне галстук,
Только узел не надо большой.
Я согласен на все. Я себя испугался.
Не полагаю никак со своею душой.
Будет свадьба для всех и в сладость,
и в радость,

А меня разбирает грусть.
Вот и галстук завяжут для любви,
для парада.
Ну а как я потом развяжусь?
Ах, и мать говорит:

ни к чему, мол, печали,
Скоро август прокатится яблоком,
Будет красться осенняя мгла.

Машины примчали.
А без галстука что за жених!

Константин Рассадин

СОЛОВУШКА

Баллада

В доме лунные, тихие окна.
В её комнату дверь не скрипит.
Уотцовского, тёплого бока
Обогрелась девчушка и спит.
Ведь не кукла она «невалюшка» -
Человек с живою душой,
Семилетняя кроха Наташка
Спит с отцом на кровати большой.
Значит, жили они не в подвале
С мамкой, пьющей вино без конца...
И неправду ей люди сказали,
Что в тюрьму посадили отца.
И не слѣзы текут - веснушки
По горячим, как маки, щекам,
Потому что у этой девчушки
Семь дорожек к весенним лучам.
Пусть живѣт она в сне бесцельно.
И для полного счастья тогда
На перроне весѣлом вокзальном
Пусть встречает она поезда.
И придѣт по серебряным рельсам
Главный поезд... не надо гадать!..
Но в четвертом вагоне апрельском
Точно будет Наташкина мать...

Распахнутся вагонные двери
Посредине цветущей весны...

Но разбудят её. Не поверят
В эти лунные детские сны
Злой с похмелья бомжара Тимоха
И крутая сорвиголова
Двадцать первого века эпоха
С белокаменным градом Москва.

Бомж Тимоха не злой по натуре.
Плут московский, халащик и тать,
Приобщил он Натаху к культуре -
Песни петь да на хромке играть.

(Продолжение. Начало на стр. 13)
- Лёшенька, ну, пожалуйста, скажи кто там у тебя? Я никому не скажу, честное слово.

- У меня там собака, - прошептал я.
- Врёшь и не моргнешь. Ну и дурак, - обиделась Ленка.

- Не веришь? - прошептал я, - тогда сама протяни руку и пощупай.

- И пощупаю, - сказала Ленка, и полезла рукой в парту. - Что это у тебя зимняя шапка? - сказала с ехидством она, продолжая шарить рукой. - Ой! - вдруг громко вскричала Ленка.

- Заковыкина, встать! - взвилась со своего места Клавдия Феофановна, - что такое там случилось?

- У Понамарёва собака, вот я и испугалась, - чуть не плача сказала Ленка.

- Какая такая собака? Понамарёв встать! Что там у тебя за собака?

Я встал и молча вынул Засоно из парты. Тот уже проснулся и с любопытством вертел головой, видно удивляясь такому большому количеству детей.

- Господи! - всплеснула руками учительница, - чего только не притащат в школу. Ты бы ещё слона принёс. Вынеси сейчас же собаку и возвращайся в класс. А завтра, без родителей в школу не приходи.

Я подавленный горем вышел из класса. Пока я нёс на руках своего Засоно, он опять задремал. Я вынес его во двор школы. Здесь в саду было одно потаённое место у забора школы за кучей досок. Я отнёс туда своего щенка и, положив за досками, сказал: «Подожди меня Засоно здесь, я скоро за тобой приду». Вернувшись в класс, я еле дождался перемены и сразу опротясь бросился во двор.

За мной побежали все ученики нашего класса. Даже дежурные, которые должны были проветривать помещение и те устремились следом. Сердце моё заохлодело, когда я увидел, что Засоно на месте нет. Я стал искать рядом. Весь класс принял участие в поисках. Мы перерыли все доски. Тут к нам подошёл Серёжа Скудельников из третьего «Б» класса.

- Чего ищите? - спросил он.

- Щенка ищем. Вот Лешка Понамарёв его здесь оставил.

- Беспременно ищите, я сам видел, как Валерка-дурачок его взял и унёс.

Мы переглянулись в недоумении между собой. Валерка когда-то начал учиться вместе с нами. Был тихим, забитым мальчиком. Школьную программу он освоить не мог и остался на второй год. Затем его перевели в специальную школу для умственно отсталых. Он иногда приходил в свою старую школу и сидел во дворе на досках наблюдая за нашими играми издали.

С Валеркой никто не дружил, считая для себя заторным дружить с ненормальным. Его дразнили и обзывали, но он ни на кого не обижался, и потому дразнить его было неинтересно. Однажды когда мы играли в футбол, мяч отлетел в сторону Валерки. Кто-то из мальчишек кричал ему: «Эй, Валерка, давай сюда мячик». Валерка обрадовался, схватил мячик обоими руками и побежал к нам, но тут же споткнулся и упав, выронил мяч. «Да ты его ногой пинай», - стали кричать ребята. Валерка поднялся и неуклюже пнул мяч, так, что он полетел в обратную сторону, ещё дальше от нас. Все стали кричать на него, обзывая «придурком» и другими обидными прозвищами. Но он только улыбнулся и снова побежал за мячом. Когда Валерка поднял мяч и хотел его нести обратно к нам, к нему уже подбежал Игорь Пестряков, наш голкипер, и грубо отнял мячик, крикнул: «Пошёл отсюда полоумок». Валерка стоял, улыбаясь и не уходил. Тогда Пестряков развернул его за плечи в обратную сторону и пнул ногой. Все ребята засмеялись. Валерка побежал, оглянувшись, споткнулся, упал, чем ещё больше рассмешил ребят. Поднявшись с земли, он, прихрамывая, снова побежал, но уже не оглядываясь. С тех пор Валерка никогда не приходил во двор школы.

- Ну, я этому дураку покажу, - угрожающе сказал Вовка Бобылёв, - куда он пошёл, не видел?

- Туда, в сторону железной дороги, - махнул рукой Серёжа.

Мы все ринулись к железнодорожному полотну, проходившему недалеко от школы. Когда выбежали на железнодорожную насыпь, то Ленка закричала:

- Вижу, вижу, вон Валерка ненормальный идёт и щенок у него на руках. Мы пригляделись, точно он.

- За мной! - крикнул воинственно Вовка и все с улюлюканьем, как индейцы побежали по шпалам.

Валерка обернулся и, увидев нас, тоже припустил в прыжке, смешно подбрасывая ноги.

- Он и бегаёт по-дурачки, - захохотал Вовка.

- Ничего себе, по-дурачки, - говорила запыхавшаяся Ленка, - вон как бежит, не догонишь.

- Стой, - закричали все, - остановись Валерка, а то хуже будет.

Но тот припустил ещё сильнее. Позади нас послышался протяжный гудок.

- Поезд! - закричала Ленка.

Мы все посыпались с полотна дороги на крутую насыпь, словно горох. Поднялись, глянули, а впереди поезда бежит наш ненормальный Валерка. Поезд гудит, а Валерка пуше бежит. Завизжали тормоза поезда, но он, по инерции, продолжал надвигаться на Валерку. Мы в ужасе закрыли глаза. А когда открыли, то увидели, что поезд, продолжая гудеть, едет дальше.

- Ну, всё, - сказал Вовка, - нет больше нашего ненормального. Перезаказало его поездом вместе с собакой.

Ленка как зарыдает, а вместе с ней и мы все завывали. Промчался поезд. Смотрим, на той стороне насыпи к домам железнодорожников бежит наш Валерка со щенком на руках. Мы все закричим:

- Ура! Ура!

И давай друг друга обнимать на радостях. Я даже на время о щенке своем забыл. Радовался, что Валерка жив остался. Но потом вспомнил о Засоне и так мне грустно стало, что я чуть было не расплакался, да стыдно стало перед девочками. Хотя до этого все плакали. Но одно дело все, а другое - на глазах у всех - одному. Ребята и так заметили моё состояние и стали утешать. Когда уж домой вернулся, то не выдержал и разревелся. Мама стала спрашивать, что со мной случилось. Пришлось всё рассказать без утайки. Конечно, она меня отругала, за то, что взял щенка в школу, но потом ей стало жаль меня и она сказала:

- Ладно, не плачь сынок, я завтра в школе узнаю адрес этого Валерки, мы с тобой пойдём и заберём щенка.

На следующий день мы пошли к Валерке. Жил он в деревянном ветхом двухэтажном доме железнодорожников. Открыла нам квартиру его бабушка. Узнав, по какому мы делу, сразу разохалась и разохалась:

- Да как же так, мои миленькие, нехорошо получилось, грех-то какой. Я его вчера спрашиваю: откуда у тебя собака? А он молчит и ничего мне не говорит. Ах, багюншки, грех-то какой. Сейчас, сейчас мои касатики, я пойду, поговорю с ним и верну вам собачку.

Он ведь у меня круглая сирота, потому вы его должны простить ради Бога.

С этими словами старушка из кухни, где мы стояли, пошла в соседнюю комнату. Оттуда хорошо было слышно, как она говорит Валерке:

- Внучек, да разве так можно поступать. Это грех брать чужое. Сказано ведь в Священном Писании: «Не пожелаи ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его». А ты, горемычный мой, собаку пожелаю. Так ведь и собака скот, значит - это грех. Не тобой положено, не тебе и брать. Давай, давай сюда собачку, я отдам её мальчику, а то он расстраивается, переживает. Ведь это его собачка, не наша.

Вскоре она вышла к нам, неся на руках моего любимого Засоно. Щенок как всегда спал. Я взял его на руки и, поблагодарив старушку, быстро пошёл вслед за мамой из квартиры. Выйдя из подъезда дома, я оглянулся и увидел в окне Валерку. Он стоял и смотрел на нас широко раскрытыми глазами, а по щекам его текли крупные слёзы. Но, увидев, что я смотрю на него, он, как-то нерешительно помахал мне рукой. Что-то дрогнуло в моём сердце и я помахал ему в ответ. И тогда он вдруг улыбнулся мне, вытер рукавом слёзы и снова замахал рукой. Я поспешил вслед за мамой.

- Мама, а что такое «круглый сирота»? - спросил я у матери, когда мы уже вышли со двора.

- Это сынок, когда у ребёнка нет ни отца, ни матери.

Я ещё раз оглянулся на окна Ва-

леркиной квартиры. Он по-прежнему махал рукой. И такой он мне вдруг показался несчастный и одинокий, что в моём сознании промелькнула мысль: «А, ведь это не он у меня собаку украл, а наоборот, у него сейчас её краду». От этой мысли я остановился как вкопанный.

- Ну, ты чего встал? Пойдём, - потянула меня мама за руку.

- Положи мама, я сейчас быстро вернусь, - крикнул я и побежал к подъезду.

Забыв в квартиру, я столкнулся нос к носу с Валеркой, бежавшим ко мне навстречу. Он остановился, застенчиво поглядывая на меня. А потом, как бы нерешительно тихо сказал:

- Можно мне ещё разок поглядеть твою собачку?

- Бери, - сказал я, - щенок твой, а зовут его Засоно.

- Ты его отдашь мне? - как бы не веря, в удивлении переспросил Валерка.

- Да, он твой, - глубоко вздохнув подтвердил я свои слова.

Глаза Валерки светились счастьем. Он поглядел на меня таким благодарным взглядом, что я подумал: «Люди так глядеть не могут, да и собаки, пожалуй, тоже». Валерка бережно взял из моих рук щенка. Признаюсь честно, что когда он забирал из моих рук Засоно, я на мгновение пожалел о своём поступке. Но, только на мгновение, а потом словно гора с плеч свалилась, и я емую оговорю:

- Знаешь что, Валерка, приходи к нам на школьный двор играть, вместе с Засоной, я никому не позволю тебя обижать.

Валерка молча кивнул головой, затем повернулся и такнически не сказав, пошёл в комнату. А я с легким сердцем вышел на улицу к встревоженной маме.

- Где твоя собака? - спросила она.

- Я отдал её Валерке, ведь у него нет родителей, а у меня есть и папа, и ты, мама, - сказал я, беря её за руку.

Мать остановилась и внимательно поглядела на меня, а потом вдруг порывисто обняла и, поцеловав, сказала:

- Сегодня ты совершил очень важный в твоей жизни поступок, сынок, и я тобой горжусь.

Закончив такими словами свой рассказ, я обвёл взглядом класс. На меня смотрели широко открытые глаз притихших детей.

- Вот именно тогда я впервые и повстречал Бога. Он невидимо стоял рядом со мной и Валеркой. Но я запомнил, как Валеркина бабушка, стояла и, крестясь на образа, в умиленном шептала: «Господь с вами, детки мои».

Через два дня дети всем классом я пришли в наш храм, где я им рассказывал об устройстве православного храма. Из алтаря вышел настоятель, и я стал детей подводить к нему на благословение, уча как нужно складывать для этого руки.

- Сколько же ты стёкол перебил в школе? - спросил удивленный отец Евгений.

- Все стёкла пока целы, - заверил я его.

- Ну и ну. О чём же ты им говорил?

- Я им про щенка рассказывал.

- Где это, в Священном Писании, о щенке говорится? Ну, ты, брат, даёшь. Мне, так например, легче стёкла в школе бить, чем про щенков рассказывать.

Татьяна Гоголевич

ГДЕ-ТО ПОД ТУЛОЙ

В девяносто седьмом году, когда поезда и гостиницы стояли довольно дешево, а деньги, случалось, заводились даже у людей вроде меня, осенним не ранним утром я отправилась, - куда глядят глаза, - с Курского вокзала.

Шла четвертая осень в Москве. Аспирантская жизнь предполагала некоторый избыток времени, полуженный на библиотечные дни, учебный отпуск и другое, не поддающееся иному контролю, кроме собственного. Жила я в Москве подолгу, и часто уезжала, захватив пару книг и термос с кофе, за ее пределы.

Я любила столицу, но хорошо было целый летний месяц, сдавая, между делом, кандидатский минимум, плавать на катере на Клязьму - с Северного речного вокзала, располагавшегося через парк от общежития для врачей и аспирантов. Осенью и весной, когда на реках холодно, я, случалось, куда-нибудь отчаливала на электричке. Московские вокзалы вводили на мысль, выбирая примерно по вокзалу в год, попробовать все направления: рижское, ленинградское, белорусское, павелецкое, савеловское и так далее. Впрочем, даже следуя такому плану, я бы не осилила все вокзалы: их в Москве девять, а мое московское бытие длилось чуть более пяти лет.

Все же иногда я приезжала на какой-нибудь из вокзалов, очаровываясь его названием, и, оказываясь в сутолочной атмосфере вокзальных пунктов, состоящего из зданий вокзала, прилегающей площади, тоннелей, пешеходных мостов, вокзальных почтамтов и переговорных пунктов, жалела о том, что Москва для меня началась поздно. Тридцать один год - хороший возраст для науки, но от дорог уже начинаешь немного уставать. Вспоминалось, как в семнадцать-восемнадцать лет я ездила на Самарский железнодорожный вокзал и, в волнении, празднично шатаясь по нему, выучивая наизусть расписание поездов дальнего следования. Но в семнадцать лет больше всего хочется уехать откуда-то, а после тридцати - куда-нибудь приехать.

Из московских вокзалов я не жаловалась только собственный, Казанский. Казалось недоразумением, что моя родина находится в том же направлении, что и Средняя Азия. Я внутренне вздрагивала, видя безобидного уезжа в полатом халате, с невероятной кучей грязных тугов, сидящего прямо на каменном полу железнодорожных платформ: он напоминал, что Азия ближе, чем я привыкла считать. Годы, проведенные в Москве, не только не примирили меня с азиатками на Казанском, но как-то напротив. То, что моего вокзала ушли также поезда в Сибирь и на Урал, не смягчало ситуации. Может быть, поэтому я предпочитала считать своим какой-нибудь другой вокзал, хотя бы на время.

Тот сентябрь, вообще-то, не предполагал к поездкам.

Осенью раньше умер отец. Еще не прошло года, и я сильно скучала по нему. Я сняла на полмесяца номер в гостинице «Ленинградской», на Каланчевской площади, у трех вокзалов, - папа, бывая в Москве, останавливался в ней. Номер был на самом верху, в башне (где чувствуешь себя, как в небольшом домике, - если живешь больше трех дней, знаешь обитателей этажа в лицо). Все в ту осень складывалось хорошо, даже за дорогую гостиницу платила не я сама. Только отца не было. Я жила в «Ленинградской» со смешанным чувством боли и узнавания - папа много рассказывал о ней.

Если уж на то пошло, обитая у трех вокзалов, имело смысл уехать куда-нибудь с Ярославского, Ленинградского, на худой конец - с Казанского. Но в то утро, закончив дела, я случайно попала на Курский: перепутала переходы, переходя на Курской станции метро с Арбатско-Покровской линии на Кольцевую. Оказавшись на улице, я вдруг подумала, что впереди - выходные, и что в театр меня не тянет, рынки я не люблю, а просто бродить по городу не хочется: Москва казалась опустошенной. Как, впрочем, почти все города в то время - многое ощущалось тогда пустыней.

Теперь, пытаясь восстановить дорогу до станции, вдруг понимаю, что реальность той осени доходит до меня кусками. Сами куски перемешиваются между собой: например, знаю, что в одну сторону ехала электричкой (даже, кажется, пересаживалась с од-

ного электропоезда на другой), а в другую - поездом дальнего следования. Но что следовало вначале, а что потом - не помню. Все, что удалось вспомнить, - вокзал Курский.

Дальше получилось просто. В свободном окошке я для чего-то спросила свободные билеты на ближайший рейс.

- На Тулу, - сказала девушка, осмыслив услышанное. Я тоже напрягла мозги: в них проскользнуло что-то неопределенное про самовары и лешку. Я попросила билет до Тулы.

- Как в кино билет берете, - сказала девушка.

До Тулы я не доехала. Дорогу помню смутно, общим впечатлением естественности и простоты. Время от времени поезд летел сквозь жиденький дождь, и капли, лопаясь, налетали на вагонные стекла. Мелькали смазные пятна - станции и леса, - нейтральный, золотисто-бежевый цвет, - внешне напоминающие в матовом, мягком, белом солнце, проступавшем из-за облачного дождя. И светло-голубое, и немного желтого. Сентябрь кончался. Иногда на стекла налипали тоненькая, блекло-ржавая листва, похожая на опаленную бумагу. Что-то еще было, неназойливое и располагающее.

Поезд увез меня довольно далеко от Москвы, но я только и успела подумать, как не похожа кроткая осень на другие, яркие, оранжево-бордовые. И опустить, что напоминает это все своего рода заповедник осени, мягкую бесконечность, которую не объяснить словами.

Почему я вышла на одной из станций, - тоже не помню, просто вышла и не вернулась в вагон. Поезд еще какое-то время дышал за моей спиной железным зверем, и я даже не могу сказать, сознательно ли не стала в него возвращаться, или так получилось. Когда он, грохоча, скрылся, я вдруг откровенно почувствовала его чем-то вроде туннеля - того самого, в конце которого свет, только свет мне открылся сбоку.

Бывают места - как гавань, откуда уходят корабли, где хорошо отдышаться, но в их самом глубоком покое всегда чувствуется близость моря. Это место не напоминало гавань. Оно больше походило на выход в иной мир, собственно, это уже и был иной мир, потому что двери входа закрылись, и поезд ушел.

За маленькой станцией расположилась уютный городок - русский, небольшой: меньше иной деревни. От него веяло спокойствием и легкостью.

Я словно попала в некое особое состояние, которое приблизительно соответствовало России 30-х - 50-х годов. Ощущение рождалось не только архитектурой, но общей наивной искренностью мира, открывшегося взгляду. Это необъяснимо, но определенно чувствовалось, как своего рода духовный запах.

В действительности же реальность пахла просто: березовой листвой, рябинами, горячими булочками, осенью. И дымом сосновых шишек, должно быть, топили самовар. Слышался ветер, шумящий садами. И ничего особенного не происходило, но будто бы душа моя стала реальностью и отразилась в маленьком городке, как в зеркале. И я увидела ее со стороны.

Конечно, дело было не в архитектуре - хотя и в ней тоже. Смягченный и украшенный осенью, узнаваемый, основательный стиль неоклассицизма! Классика сталинского ампира - акцентирование фасадов, толстые белые колонны, барельефы с советской символикой, на крышах - портики. Сквер с фонтаном, белые гипсовые скульптуры. Мне всегда казалось, что в этом, насыщенном античной экзотикой, оптимистичном романтизме, продолжало (даже спустя годы) жить нечто настоящее: неподдельная страсть, и сила, и волнующая скорбь, как в песнях Георгия Виноградова.

Определенно, в городке когда-то замедлилось время. Прошлое сюда заходило, осознавалось, как стары дома бревенчатые и дома деревянные, но все, что следовало за пятидесятью, благополучно не дошло до этого заповедного места, осев, должно быть, в городах типа того, в котором я родилась и выросла.

Мне, понятно, не приходилось жить ни в тридцатых, ни в пятидесятых. Но они, как дым уже невидимого костра, веяли в доме, где я росла — рассказами родителей, фотоснимками, пластинками. Остатками запахов и звуков, еще встречающимися на улицах одедами и архитектурой пятидесятые плавно входили в уже мои шестидесятые. Город моего детства тоже начинался расточительными колоннами, фонтанами и скульптурами в скверах.

Потом все это быстро стало исчезать. «Наш российский Детройт», экономически развитая провинция со стремительным темпом жизни. Но даже голуби куда-то делись из российского Детройта, — должно быть, перешли от тоски.

А тут царил покой. Он тихим, бледно-желтым цветом сыпался с деревьев, шелестел ветром, легонько звенел в чистом воздухе. Мне и в голову не пришло, что это тоже провинция, и притом, вероятно (в отличие от экономически благополучной провинции, из которой я приехала в Москву), провинция экономически менее благополучная. Собственно, тут во всем сквозило другое, в этом, в другом, она была более чем благополучна: она была благословенна. Еще не видя всего городка, я почувствовала, что в нем есть все, что нужно — почта, телеграф, гостиница, маленькая церковь или часовенка. В городке ничто еще не говорило о бомжах (которыми в те годы Москва буквально кишела). Никто не собирал объедки. На толстом афишном столбе (в детском моем городе тоже стоял такой) не маячили объявления о девицах, желающих провести с вами ночь или даже день. Как в старые времена, на толстой тумбе спокойно разместились афиши.

И водосточные трубы существовали в этом городке. Высокие, туманные от недавнего дождя и дымчатого солнца деревья нависали над крышами, листья стекали по трубам тонкими струйками. У одного из домов с неровным, живописно обкатанным временем фундаментом, под трубой скопился маленький ворох листьев. Водосточные трубы необъяснимо ассоциировались с музыкальными инструментами. И по всему — легко и мирно сглаживая резкие углы — рассыпалась осень. Будто бы я читала какую-то хорошую, светлую книгу.

Я пошла на маленькую станцию, чтобы узнать расписание. На неширокой асфальтовой дорожке, шурша, шевелились листья. Из-под лиственного сугроба (который для чего-то поддела носком ботинка), кашляя, вылезла небольшая собака с ясными глазами.

До поезда на Москву было примерно часа полтора: хорошее время, не много, не мало. Не торопясь, я пошла в городок. Недалеко от станции, в скверике, в посередевшей каменной чаше, журчал фонтан. Над чашей нависали березы, вода почти скрывалась под плывучими лодочками березового сора. Девочка лет пяти, в голубом демисезонном пальтишке, из которого она выросла, что-то шепча, собирала яркие листья, сажая их в ведерко с песком: вначале — желтые, потом — красные, потом — зеленые.

Я оглянулся по сторонам, но не увидела ярких листьев: ни красных, ни каких-либо других, одно сплошное, выветленное облако листьев: дубы, липы, березы — по бокам, в небе, на земле. Между тем девочка выхватила из этого облака еще один листик, проявившийся в ее руках дрожащим алым цветом.

Прошла худая и строгая, высокая женщина в длинном кремовом плаще и потрескавшихся ботинках. Она сердито посмотрела в глубину уходящей по аллее дорожке, и вдруг повернулась ко мне:

- Вы тоже не видели Николая Петровича?

Николая Петровича я не видела. - Вот негодяй! — с неожиданным сочувствием произнесла женщина, глядя мне в лицо. Ее собственное лицо покрывали морщины, но смотрела она чистым, молодым взглядом. Собственно, мне нечего было сказать. Женщина покачала головой и пошла дальше, по ходу что-то сказав девоч-

ке, игравшей с листьями у фонтана.

Я догнала ее, идущую вглубь удивившей в аллею дорожки, чтобы спросить, где гостиница. Она выглядела уже не сердитой, а, скорее, печальной.

- А что, — оживилась она, — разве вечер перенесли на сегодня?

- Я ничего не знаю о вечере, — сказала я, — гостиница нужна мне для другого.

Она объяснила. Это было рядом. Впрочем, тут, наверное, все было рядом. Падали листья, и один, зацепившись в волосах, влажно царпнул меня по щеке. Женщина не спешила, она вопросительно смотрела на меня, как бы ожидая, что мне может понадобиться что-то еще. Я поблагодарила ее и пошла к гостинице, а она шла рядом — дорожка была одна. Некоторое время мы молчали, а потом, из какого-то тихого озорства, я спросила ее:

- А где он, Николай Петрович?

- А где всегда, — охотно отозвалась женщина.

Тогда я спросила ее конкретно:

- А кто он, вообще?

- Вообще или теперь? — уточнила женщина.

Разговор принял странный оборот.

- Теперь, — осторожно сказала я.

Женщина задумалась и думала долго.

- Боюсь, что теперь он и сам этого не знает.

Мы расстались у поворота к гостинице. Машинально нащупывая во внутреннем кармане плаща плотные купюры, я снова ощутила, что впереди выходные, а в Москве меня никто не ждет.

Вдруг оказалось, что вокруг, всюду, голуби. Так много лилось неяркого света, что они, вместе со своим оживленным воркованьем, размазались в нем, не сразу попадая в фокус взгляда. Я подумала, что оставшаяся в московской гостинице видеокамера все равно бы этого не передала. Городок не запечатлелся бы с ходу — ни словом, ни камерой. Хотелось дышать им, молчать, отключить сознание, заполненное столпившимися мыслями, желаниями, лишней памятью, остановиться, ощутить себя частью этого маленького пространства.

Неизвестно почему вспомнилось, что видела на станции какой-то особенный блокнот, захотелось его купить. Блокнот пришелся бы кстати. Я решила вернуться за ним.

В пустом сквере у станции, в тишине уже по вечернему меняющегося освещения, расположился духовой оркестр. Музыканты распаковывали свои инструменты, устанавливая их прямо на листья, покрывающей землю. На этой же листе стояли их маленькие табуреточки.

Четверо музыкантов, причем трое из них составляли духовой оркестр, а четвертый был скрипачом. Большая труба, маленькая труба, и что-то еще, — кажется, барабан с медной тарелочкой. Музыканты вели себя так, как если бы они никого и не ждали. Трубочка с большой трубой был толст и в очках, а другой трубочка — худ, а третий, с барабаном, — просто плотен и смешлив на вид. Скрипач тоже был худ. Скорее, впрочем, строен, а также сед и молод.

Вдруг они заиграли, сразу, энергично и ясно.

Были ли музыканты профессионалами, судить не человеку, который и чисто внешне из духовых инструментов может идентифицировать только басовую трубу, саксофон и флейту (опустим здесь же голоса инструментов). Но музыка грянула над сквером и отразилась осенью, и красота ее осязалась физически. Она схватила меня, идущую, закружила и встряхнула — и полетела дальше, поплыла, источаясь, звонким дымом уходя в небо. Она возвращалась множественно отражений — от деревьев, от лиственной земли, самое небо отражало ее, отбрасывая на землю.

Чувственная прелесть, душа, дух? Не знаю. Мягко отсвечивала медь. Осень нарастала в скверике, как прибой, захлестывала его, стекала под ноги. Звуки, сродни молчанию, напоминали о тишине и прозрачности, и все текло, и все — было постоянно. Может быть, от обилия осени музыке передавалось первоначальное безмол-

вие, с которым создатель прислушивался к звукам внутри себя, прежде чем записать их на бумагу, делая звуками для других.

Когда трубы и ударник замолкали, начинал играть скрипач. Затаив дыхание, я смотрела, как стоит он, пока гудят трубы, безучастный, с опущенными руками, в одной — смычок, в другой — скрипка, и будто бы себя не помнит; и думает о чем-то, сильным и легким движением вскидывая скрипку на плечо, и рождается звук, и набирает силу и сочность, прежде чем оторваться и полететь. Скрипка пела в его руках. Он начинал рисовать звук, прикладывая усилие, — так живописец создает картину, — но дальше музыка словно бы не зависела от него, и ему не принадлежала.

Так они и играли, мечтательно и просто. И классику, и мелодии тех самых 30-х — 50-х, будто бы в дополнении к фонтану-чаше на пьедестале и белым колоннам. И гипсовым скульптурам, в которых рабоче-крестьянский тип удивительно переплетался с артистическим, — утонченным, чуть манерным, исполненным величия и драматизма начала 20-го века. Вспомнил Заболотский: «Толстозадые ручки улетают прямо в небо...»

Вот и репертуар оркестра сочетал музыку, одним вздохом обнимающую небо, с простенькими мелодиями. Довоенные танго, вальсы, фокстроты. «Вам возвращая Ваш портрет...», «Студенточка...», «Сядь со мною рядом». А также «Питана», «Бесаме мучо», и, конечно, «В городском саду играет...»

Тридцатый год — папе двадцать лет, а еще через двадцать, в пятидесятом, — время маминой юности.

Как ветер, как запах моря и можжевельников, засквозил южный, давний город с такими же колоннами и чашами, и духовым оркестром на эстраде у танцплощадки, — только большим, чуть ли не симфоническим.

Оранжево-розовая раковина в руке, мне всего шесть, темно-синий, теплый вечер, светлая папина рубашка, белое мамино платье из жесткого шелка в черных розах, выписанных тушью, и кожа цвета меда, и черные волосы, вальс. Мамины подколотые короны косы разлетелись по воздуху, но она не поправила их, невозможно, а только рассмеялась. Они начали первыми, на еще пустом пространстве танцплощадки. И отдышающиеся, замерев, смотрели на них, а кто-то, улыбаясь, нависал надо мной в зыбкой синеве: девочка, а мама у тебя цыганка или еврейка? А папа у тебя — из Прибалтики?

Несколько месяцев назад я беспомощно искала своего ушедшего отца в южном городке, где они танцевали когда-то. Но ничего не обрела там. Необъяснимо, почему это вдруг вернулось ко мне в центральной, настоящей русской России.

Оркестр играл, и было странно. Я уже почти целый год никого не любила, совсем никого, я разучилась это делать, и теперь чувствовала, что люблю, — но не могла понять, кого. Я любила по очереди всех музыкантов, а особенно — скрипача и басовую трубу, но не только. Я любила осень, и маленький городок, и всех тех, кто писал хорошую музыку, и, собственно, не только их. Была любовь, и нежность была, но самой меня не было, я словно исчезла, вместе с длинным своим плащом, и джинсами, и ботиночками, и прической до плеч, и горем, которое вдруг показалось не горше звучащей осени, растворилась. В чем? В осени? В музыке? В чем-то ином?

И чем дальше, тем больше все окружающее становилось лишь декорацией для музыки, летевшей над бедным, счастливым, недалгим миром, не знаящим своего будущего.

А в сквере по-прежнему никого не было. Только — мы пятеро, неяркие звезды листьев, медленные птицы в небе среди ветвей. Русская осень, полужакры глаза, сидела, обхватив колени ладонями, в окружении сизых голубей. Листья сыпалась на ее плечи, и светлая улыбка, сошедши с ее лица, бродила сама по себе, солнечным лучом.

И никто из музыкантов ни разу не посмотрел в мою сторону. Для единственного ли слушателя играли они, или для самих себя, или для осени,

просто чтобы листья летели под музыку, и мысль природы, ее разум, звучала посреди нее, — не так уж важно.

...И вот я высматриваю ту станцию в поисковых системах Интернета. Кажется, что найти ее элементарно (как казалось сначала, что навсегда запомнила ее название).

Действительно, куда как проще. Городок. Провинция. Линия Москва — Тула. Расписание. Перечень станций: Царицыно, Подольск, Чехов, Шарипова Охота, Ока, Серпухов, Тарусская... Имя станции было простое и известное, вроде Ясной Поляны.

Набираю через «поиск» фотографии всех станций по очереди, но и снимки не поясняют дела. С фотографиями особенная путаница. На них станция духовым оркестром мненнапоминают многие станции, даже те, которые шли в начале пути и не могли быть ею, — например, Чехов. Попробованному в пути времени я могла бы предположить Тарусу и несколько станций за ней, зато их снимки ни о чем не говорят. Станция исчезла, растворилась во времени, в безмянной сдержанности осени — вместе с именем.

Но как же все закончилось тогда? Да как-то очень просто. Играл оркестр, и чем дальше, тем выразительнее и ярче я понимала, что мне незачем куда-то уезжать оттуда. Собственно, я и так решила провести там выходные. Но, если можно так выразиться, дальше я еще сильнее решила провести их там.

Потом на станцию пришел поезд, и я уехала.

Я вернулась в Москву, не понимая, зачем сделала это, еще не зная, чем буду заниматься в выходные. В городе стоял все тот же, теплый, серовато-бежевый сентябрь. (Определенно, та осень была бежевой). В теплые дни у вокзалов скапливался смог, но мой высокий этаж парил выше туманного, пахнущего поездами и бензином облака.

Ночью пошел дождь. Я подошла к окну, не зажигая света. Беззвучный коричнево-серый город таял в размытых огнях и проблесках-иголочках дождя. Звуки приглушались огромным окном с толстыми двойными стеклами. Распахнуть окно было невозможно: на верхних этажах окна завинчивались наглухо, как иллюминаторы подводной лодки. Но открывалась форточка.

И я открыла ее, чтобы слышать всю ночь, как уходят с Ленинградского вокзала поезда в Петербург, Таллин и Хельсинки, а с Ярославского — во Владивосток, Монголию и Китай.

Кристина Якименко

25 апреля 2011 года в Самарском отделении Союза писателей России по итогам семинара прозы 20-летняя студентка кафедры журналистики ТГУ и Литературного института имени М. Горького Кристина Якименко принята в члены Союза писателей России.

СТАНЦИЯ «ВОРОТИЛОВО»

Кира любила дешёвые сигареты. Их можно было курить без сожаления. А потом пойти и купить новую пачку. Иногда она баловала себя пачкой подороже, но это всегда портило ей настроение, так как она мысленно прикидывала, куда могли бы пойти деньги с большим проком, и этот каприз с дорогими сигаретами не приносил ей удовлетворения. Деньги ей постоянно приходилось экономить, ведь она стоила значительно дешевле других проституток. Когда-то Киру это обстоятельство очень обижало, но со временем она смирилась с таким по-

ложением дел и даже тешила себя мыслью, что всё же подобные ей «станочницы» получают вдвое и даже втрое меньше её. По крайней мере, она может позволить себе новую помаду каждую неделю... и нового мужчину каждый день. На этом её женские потребности исчерпывались.

Легко шёлкнув изящным кошелечком, она аккуратно положила туда пятитысячную купюру. Теперь можно было расслабиться. Рабочий день окончен. Глубоко затянувшись, Кира всмотрелась в лицо «её очередного». По-детски пухлые губы, ямочка на подбородке, длинная седенькая прядь, закрывающая глаза. Она дотронулась до смуглой щеки мужчины. Колочая! Быстро одернула руку — мужчина сонно пробормотал что-то невнятное. Кира тихонько укусила себя за указательный палец, чтобы не рассмеяться: таким беспомощным сейчас казался ей этот деловой и надменно-вызывающий Игорь Анатольевич. Она знала, что никогда не получит этого мужчину в том смысле какой предполагают иные женщины, рассчитывая на замужество. Зато её преимущество заключается в том, что это именно она легко отодвинула от этого рентабельного мужчины его придурковатую, некрасивую жену.

Кира считала себя исключительной. Она помнила всех своих клиентов. У неё имелась тетрадошка, куда она записывала имена клиентов. Одно время она даже гордилась этой тетрадошкой, но вряд ли Кира отдавала себе отчёт, что она будет делать с записями по прошествии времени.

Дважды она была замужем. Кира была чудесной актрисой. Она так легко и непринуждённо играла в любовь, что сама невольно верила в неё. Также легко она могла бросать своих сначала поклонников, потом мужей. Просто, как надоевшую перчатку или даже пару. Она умела придумывать себе эдакого сказочного принца и без сожаления уходила от него, едва заметив царяпинку на короне.

- Какая ты все-таки дрянь, — сказал ей когда-то Славик, её последний муж. Кире стало обидно, не потому что её задело это хлёсткое, вульгарное словечко, а потому что Славик произнёс это задумчиво, глядя на неё с какой-то жалостью.

- Дочку я забираю себе, — всё таким же ровным голосом продолжал теперь уже бывший муж, — тебе она ни к чему.

В этом Кира была с ним согласна. Действительно, это пушлещёкое постоянно хнычущее существо, восьми месяцев здорово связывало её по рукам и ногам. А ей хотелось другого, чего? Кира и сама точно не знала, но уж точно вороху грязных пелёнок в том далеком не было места.

Кира не была тщеславной, но, как и всё женщины-модницы заботилась о своём внешнем виде тщательно, с изрядной долей привередливости. Она любила зеркала во весь и рост и с первой зарплаты купила себе такое. Зеркало было обложено в массивную деревянную раму и было в нём что-то такое, что даже в свете дневных лучей Кира смотрела в зеркало с удовольствием. А сегодня с особенным. Она собиралась к очень выгодному клиенту и рассчитывала на «комиссионные». В своей кучерявенькой голвке она уже прикинула, куда пойдут деньги: конечно, на новый патрончик помады или нет... Ах, какие глупости. Нет, это будет что-то совсем необычное. Ну, скажем...

Череду мыслей визливо прервал телефонный звонок. Кира с досадой прикусила губку.

- Алло, — произнесла, не очень заботясь, чтобы её голос звучал привлекательно.

В трубке послышался треск.

- Слушаю, — нетерпеливо крикнула Кира и взглянула на изящные часики: она торопилась. Клиенты — народ нетерпеливый.

- Кира, — в трубке раздался старческий голос.

- Да, мам, — недовольно протянула Кира.

(Окончание на стр. 16)

(Окончание. Начало на стр. 12-13)

- Здравствуй, дорогая моя девочка! Как ты?

- Нормально! А ты? — Кира задавала этот вопрос скорее из вежливости, а может, из жалости. Ей некогда было определяться.

- Болею, лапочка. Очень больно. - Чего опять? — Кире почему-то казалось, что мать нарочно позвонила не вовремя. А теперь ещё начала жаловаться...

Кира подняла левую бровь и пташкой опустила на стул — приходилось слушать дальше.

- Да что-то давление. Огурцы закручивала. Уморилась. Урожай нынче ого-го, Кирунь. Большой! Я тебе две баночки закрутила и послала тебе в общежитие. Как учёба в университете, умница моя?

Кира поперхнулась воздухом. Две банки огурцов в общежитие архитектурного университета, на её имя?

- Мама! — возмущенно закричала в трубку Кира, — какие банки? Какой ун... И осеклась. Ах, память девичья!

Она запомнила, что для матери она примерная студентка престижного столичного вуза. Что-то она в этом роде по телефону три года назад болтала? Да, точно — архитектурно-го! Кира подавила смех. Видела она этот архитектурный! Эти чертёжницы копейки получают! Толку от их «образованности», как от козла — молока! То есть никакого. Но матери это не объяснишь. Гораздо спокойнее сочинять то, что мать хочет от неё слышать. Хочет дочь студентку — вуля! Толковать ей о том, что студенты нищий народ — гиблое дело!

А Кира любила деньги, и жаль, что мать никогда не разделяла её интересы. Эх, глядишь, поспасливей бы была! А что она кроме своего барака видела? Коров? Хлев? Одного единственного мужика — отца Киры, да и то пьяницу, коих свет не видел!

Где-то в глубине своей души Кира временами жалела мать, но не так чтобы очень. Жалость ей имела странное чувство — оно было сродни какому-то презрению, хотя Кира и пугалась этого чувства. Мать всё-таки...

Как будто издали донеслись слова:

- Приедешь, дочка?
- Куда? — машинально откликнулась Кира.

- К нам, милая. Отец совсем хворый, да и я плоха. Почитай около четырёх лет не виделись.

«А ведь и, правда, — подумалось Кире, — эти три года с хвостиком — как один миг... вот оно времечко. Скоро по лицу морщинки пойдут, клиентов поубавится, благо пока только микроскопические на переносице».

- Кира! Алло...

Кира очнулась от своих мыслей и нехотя попыталась ухватить нить разговора.

- Мам, куда мне ехать? У меня... это... Сессия! Вот!

«Надо же, — удивлялась себе Кира, — вспомнила чисто институтское словечко! Это всё Машка, надо бы с ней почаще созваниваться!»

- Ненадолго, милая, — продолжала угавривать мать, — хоть на денёчка два. Покормлю тебя горяченьким! Знаю, как вас там кормят. Скелеты, ей богу! Вот у Порфиловны сынок приехал — худющий, не узнать! А ты всегда плохо кушала...

- У Порфиловны, это Виталька что ли? — в голосе Киры наконец появились заинтересованные нотки.

- Ага, — обрадовано подтвердила мать, — он в авиационном институте. Видный, что и говорит! Все девчонки наши местные от окон не отходили.

- А он?
- Смотреть ни на кого не стал! Поговаривают в столице у него краля осталась. Так — то, милая!

Кире вспомнились покорные карие глаза и мокрые губы Виталика, застенчиво оставляющие след на её девичьей щеке. Как будто и недавно было, но как удивительно давно...

- Приезжай! Приедешь, а? — в голосе матери появились уничижающие нотки. — Хоть перед соседками похваस्ताйся! Да и скучаю, сил нет!

Кира колебалась и «отпуск» вынужденный брат, и денег на дорогу

— уйма. В плацкартном не поедешь... Ха! Ей — и в плацкартном! О, нет!

- За дорогу заплачу, — мать словно подслушала её мысли. — И с собой ещё денюжку подкину, откладывала с отцовской пенсии.

Мать высылала ей деньги ежемесячно, хотя Кира не нуждалась в её жалкой тысячке, однако купюру этого образца любила и баловала себя маникюрчиком, другими приятными женскими интересами. Матери она никогда денег не высылала — ещё чего! Куда им в деревне тратить?

- Приезжай — встретим!

Кира сдалась, в конце концов: что она каторжная что ли... имеет право.

- Ну хорошо, может быть завтра за билетом поеду.

- Вот и славно, — обрадовалась мать, — а я покамест на стол подумаю, что поставить.

- Доехать бы ещё, а ты про стол, — рассыпалась смехом Кира и вдруг замолчала, она услышала плач матери.

- Ты чего, мам? — неуверенно спросила Кира.

- Не обращай на меня, дурную, внимания! Вспомнилось, что в детстве ты вот так же смеялась. Он, вишь, с годами смех не меняется!

- А-а... Ну пока, мам! Позвоню, как выезжать соберусь.

- Целую, Кирунь, огурчики кушайте!

Кира повесила трубку со странным чувством горечи. Она не понимала, почему резко упало настроение, даже кончики пальчиков со свежим маникюром, чуть-чуть подрагивали.

Она взглянула в зеркало: глаза растерянные, а в остальном всё та же.

«Собираться надо...» — опомнилась Кира и, накинув лёгкий плащик, она застучала высокими каблучками по парадной лестнице, оставив в комнате тяжёлый аромат цветочных духов.

Поезд отходил через полчаса.

«Суета сует!», — подумала Кира. Последний раз на поезде она ездила давно, так бесконечно давно. Кажется, ей было семнадцать. Да, точно. Тогда она впервые приехала в столицу, бережно прижимая к себе старый отцовский чемодан. Чемодан был полон книжками (их тогда у Киры было великое множество), старенькими платицами... а голова Киры — самых смелых мечтаний, по-юношески наивных, полудетских.

Несносная память вырисовала перед ней картину поступления в институт... позорного провала, слёз в прокуренном туалете.

Потом было глухое отчаяние, неясный стыд чувства какого-то вызова.

«Старо, как мир...» — промелькнула в голове у Киры. Множество её «коллег по древнему ремеслу», если можно так выразиться, становились таковыми по схожей ситуации. Кира ни о чём не жалела. Только где-то на доньшке души затаилось чувство жалости к книгам, которые она продала за бесценок.

Кира откинулась на подушку: движение поезда убаюкивало её. В купе она ехала одна. Такой вот каприз. И — вообще, Кира сразу не влюбила дорожную монотонность в поезде: мысли путались и отпугивали сон. Они превращались в воспоминания, которые становились иной раз мучительными и совсем невыносимыми.

Кира везла в подарок отцу коньяк. Немного подумав, она достала бутылку и плеснула себе терпкой жидкости в стакан из-под чая. Поперхнулась и наморщила припудренный носик.

«Однако же, — подумала Кира, — крепкий». Она не привыкла к таким напиткам, клиенты обычно угощали её мартиной или сладким ликёром. Девушка подперла щеку рукой. А кто-нибудь угощал её просто так, не требуя услуг, которая предполагает её «профессия»? Кира задумалась. Может быть, муж?

Как ни странно, Кира плохо помнила своего первого супруга, слишком старательно её память высвобождалась от лишней боли. Да и замужем за ним она пробыла ровно полгода, столичная жизнь быстро вскружила ей голову. И однажды муж растворился, оставив неясную записку на столе их съёмной квартиры. Киру тогда по-

разил не столько его уход, сколько свалившиеся проблемы — уплата за квартиру, нехватка денег и одиночество. Но она твёрдо была уверена в себе, а точнее в своей молодости.

Так появился москвич Славик. Кира рассматривала его скорее как практическое решение жилищных и прочих вопросов. Славик немного раздражал её своими бесконечными разговорами о переустройстве мира, философией, учебниками с непонятными и трудными названиями и портретами некрасивых, уставших мужиков, которые висели по всей квартире и стоили целое состояние. Осталось в памяти причудливое имя одного из них — «Аристотель». Кира списывала Славкины причуды на молодые годы и влияние института. Книжки она тоже любила, но со временем поняла, что практической пользы от них никакой... Они приносили ей разочарования и слишком шли в расход с реалиями жизни. Ещё они служили напоминанием о провале в институте — утраченных мечтах, и немного — о маме, которую она любила тогда в начале...

Почему-то память упорно умалчивала о четырёх последующих годах столичной жизни. Она помнила лишь основное — какие-то подробности окутывал туман. Может, это из-за того, что она научилась забывать плохое... Выходит, все эти годы были впустую, зря?

«Глупости!» — тряхнула головой Кира. Это, видимо, дорога изматывала её. Разве не хорошо она устроилась? Квартирку снимает почти в центре, сама — как с обложки модного журнала, а «работа» не сильно утомляет и занимает ровно столько времени, чтобы в голове не оставалось лишних мыслей, например, о маме... Кире почему-то не было стыдно за свой обман: она рассматривала это как спасение от жалости к себе, которую боялась, пожалуй, больше всего.

Когда-то она поняла, что жалость граничит с брезгливостью. Маску холодного равнодушия и снисходительности она носила так умело, что в этой холёной, юной женщине редкий человек подозревал проститутку. Кира бала строга в своих публичных проявлениях. Речь её не пестрила пошлыми остротами, а улыбка придавала лицу детское выражение наивности и мечтательности. Наверное, улыбка было тем единственным, чем Кира редко одаривала своих клиентов. За улыбкой скрывалась (как бы!) вся её сущность — что-то личное, может быть... Потому что так умел улыбаться ещё один единственный человек — мама, которая поделилась этой способностью с Кирой. А Кира не хотела разбрасываться маминим подарком налево и направо.

Нельзя сказать, что Кира была чёрствой. Очень часто она думала о маленькой Алёнке, которую сейчас воспитывает Славик. Шевелилось что-то в душе Киры — неясная досада, злость на бывшего мужа... и ещё — странное чувство, похожее на страх. Страх, что где-то живёт существо с такими же тёмными как у Киры глазами и, вероятнее всего, с похожей улыбкой, и у неё, у Киры, есть другое имя, которое невольно дала ей девочка — мама...

«Когда-нибудь поймёт, — успокаивала себя Кира, — вот всё устроится, а там посмотрим!»

Кира сама не понимала, каким образом всё устроится, и что должна будет понять её Алёнка? Вину перед ребёнком Кира прикрывала рассуждениями: мол, для неё, дочки, же стараюсь, там, глядишь, денюжка поднакоплю, да и заберу её себе.

А сейчас как? Проживать в нищете Кира не хотела, а ребёнок обрекал её на это. Полностью отдать себя воспитанию Алёнки женщина противилась: она ещё мало сама, что видела, не пошла для себя, не пошла... «Воротилово!» — объявила проводница.

Кира с трудом оторвала тяжёлую голову от мокрой подушки.

Мать встречала её на перроне. Кира сразу увидела знакомый серый пуховый платок. Мать куталась в него

даже летом. Было понятно, что она ждёт Киру уже давно, устало прижимала руку к глазам, беспокойно вглядываясь в толпу.

Первым порывом Киры было подбежать к матери, прижаться к ней и поцеловать её в смуглую от загара щеку, но осадил себя: «Вот ещё, что она соплуха что ли? Не откуда-нибудь, с Москвы приехала, вся из себя...»

Она распрямила плечи и медленно поплыла в сторону матери. Мать же, отыскав Киру глазами, будто вся втрепенулась, громко ахнула и, не уложив переваливаясь, засеменила навстречу к дочери.

- Доченька, доченька, — повторяла она, целуя её, куда пошло.

- Привет! — Кира чмокнула в свою очередь мать.

- Как же это, — растерянно повторяла мать, и слёзы текли по её лицу. - Свиделись, красавица моя бесценная!

- Поезд опоздал, кажется, — нарочито недовольно произнесла Кира, лишь бы самой не расплакаться — макиньж потечёт.

- Я и не заметила, — смеялась мать.

- Какая ты! — она вдруг удивленно подняла на Киру глаза.

- Какая? — подняла Кира уголки губ.

- Взрослая! Правду говорят, большой город воспитывает... Как экзамены-то? — вдруг спросила мать.

- Как-как... — Кира немного оторопела, но тут же нашлась с ответом, — кому сейчас легко? Потихоньку!

- Да и то правда, — опять улыбнулась мать.

- Здравствуй, Нина Петровна! — окликнула мать Киры девушка в цветастом платье.

- А, Маша! — обрадовалась та подруге дочери, — Что же вы в одном поезде ехали? А почему не вместе?

- Да я с мужем и дочкой... А Киру я давно не видела. Вот только здесь в Воротилово и свиделись.

- Как же так? — забеспокоилась старая, — Вы же в одном институте учитесь...

- Мы, мама, на разных факультетах учимся и в разное время, — опережая бывшую подругу, с трудом подбирая слова, оправдалась встревоженная неожиданной встречей Кира.

К женщинам, неся огромный чемодан в одной руке, а в другой утопив цепкую ладошку светловолосой девчушки, пробился мужчина.

- Приветствую вас! — пробасил он, — Хорошо Воротилово! — камень на камне, а жарница-то, как в пустыне...

Тут он увидел Киру, встряхнул головой... будто от навязчивости... Засуетился в словах:

- Вячеслав... Иванович... Метёлкин. Инженер. А это моя супруга Мария... студентка... и дочка Алёнка, — представился он по полной программе седенькой маленькой женщине в пуховом платке.

Алёнка просияла озорной улыбкой.

- Мам — пап, пошли посмотреть наше «волотилово», — тянула их за руки девочка.

К ночи Кира сильно напилась, и, совсем пьянощая, что-то рассказывала своей плачущей матери.

Утром она ничего не помнила.

Утром она ничего не помнила.

В жарко натопленной кухне было уютно. На резном, старинном столе сладко дымились аппетитные плюшки, заботливо пытел пузатый чайник. Мягко колыхались на окнах простенькие синие занавески.

Хозяйка, маленькая сухонькая старушка, с выразительными, несмотря на преклонный возраст, голубыми глазами, светло улыбалась немного сконфуженной гостье — белобрысой девчонке лет пятнадцати.

- Ешь, ешь, девонька, — приговаривала старушка, угощая гостью — своё варенье — малинка-то, яголка. Пробуй, милая!

- Спасибо, бабушка, спасибо, — смущенно отвечала девушка и с удо-

вольствием черпала из глубокой миски сладкое густое варенье.

- Кушай, кушай, доню, порадуй меня, старую, — и бабка ласково потрепала светловолосую головку.

Потом они сидели в просторной комнате деревенского дома.

- Бабушка, — шёпотом спрашивала девчонка, — бабушка, а чьи это фотокарточки? — указывая на морщинистые стены жилища.

- А энто, серденько, детки мои! Вот Раенька моя, сиротинушка, я её на вот этих самых руках вынячила, а вона Петюшка. Он тут совсем малыш, а вот справа видишь, Юрка, ох, шалопай был, ей-богу, хулиган!

Старушка любовно разглядывавший снимок и поцеловала уголок.

- Бабушка, а где Юра теперь? — Он в городе, дочка, в городе. Большим человеком стал, очень большим.

- А почему ж у вас никогда не бывает?

- Отчего ж, быват. Вона четыре года назад приезжал, да меня на беду не было. На сенокосе я была. Он и уехал. Не дождался.

И старушка вздохнула, но еле слышно, как будто в летний день потянуло редким ветерком.

- А вон та, красивая?

- Райка энто, Раиса. Она, доню, с Юркой рядышком живёт. Вот звонила мне в прошлом году, приехать обещалась, да что-то запоминать, видно.

- А Петька? — девочка тронула старуху за рукав.

- Что Петька? — не оборачиваясь, ответила хозяйка, — он в городе другом живёт, Петюшка мой. Не слышно его совсем, голубчика. Оно и понятно, молодой он, не до меня.

Разговор прервал осторожный стук в дверь... Скрипуче заворчали половицы, и в избу вошли две дородные пожилые женщины.

- Марьюшка, — высоким тонким голосом пропела одна из них, — а мы к тебе так, просто, на огонёк пришли, не прогонись!

- Что ж сидите, соседки, гостями будете.

Девчонка сидела, притихшая, изредка бросая несмелый взгляд на гостей.

- Ох, Марьюшка, — обратилась вторая женщина к хозяйке, — никак внучка пожаловала? Ну, точно твой портрет в молодости.

- Она, она, — закудахтали другая, — и глаза твои, и косы так же уложены. Хозяйка молчала и только глаза её, такие крохотные и выразительные, потемнели, и она часто-часто растерянно моргала.

- Да я и есть внучка, — неожиданно для себя произнесла девушка, и светло стало у неё на душе. Она весело глянула из-под чёлки на притихших женщин, — а это бабушка моя!

- Ну, Марьюшка, — задорно подмигнула одна из старухек, — а ты и верить мне не верила. Все гутарила, что память у людей короткая на детство. Вона сидит дивчинка, молода да красива, всё-всё твоё... — И хоть никто не оспаривал, повторила: — Всё твоё, твоё, не отнимешь!

- Да уж, соседки, — взволнованно бормотала хозяйка, радостно поблескивая глазами, — дождался я внученьку, дождался, родимые!

- Вот счастливая-я, — нараспев протянула со вздохом одна из женщин, — а мне вот, Васятка мой последнее письмо лет пять назад черкнул. Эх!..

- Дочка в прошлый месяц приезжала, — задумчиво протянула другая, — взрослая стала, не узнать совсем. Полчасика погостила, да и упорхнула восвояси.

- Ну, чего ж поделать, милые, — грустно улыбнулась хозяйка, — выросли детинушки, разлетелись, как птицы из гнезда. А вот, кажись, только вчера Гешка твой с Ранской моей на скамейке в обнимку сидели.

- А ты, золотко, — обняла она девочку, — чего сидишь, кушай, внученька моя, кушай, сладенькая...

Девчонка сидела, прикрывая рукой глаза, которые почему-то внезапно стали мокрыми. Может, потому что она поняла, как просто сделать этих людей счастливыми.

И правда, что она такого особенного сделала? Просто вернула человеку покой и радость. Вот и всё.

**Александра
Кишкурно**

*Зацвели на полях клевера
Цветом чудным, волшебным вчера.
Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ*

В краю непуганных и голосистых птиц

О творчестве Анатолия Зеленцова

2011 год, открывающий второе десятилетие нового, XXI века — юбилейный для Анатолия Матвеевича Зеленцова, члена Союза писателей России, члена Союза журналистов России, члена совета Тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации Союза писателей России. Ему исполняется 75. Это значит: он из поколения «дети войны». Поколения опалённого, рано повзрослевшего, узнавшего голод и лишения.

«Война и детство — лопти и онучи, и похоронки в каждый дом...» Они были детьми уходящих на фронт отцов, учились ждть, надеяться, верить... «Но не было писем, и что-то незримо тревожно болью вползло в сердца». Вместе с «тревожною болью» их сердца смогли вместить в себя любовь к жизни, к близким своим, к родине малой и великой стране России.

Анатолий Матвеевич родом из Пензенской области, села Кянда, где прошло детство, воспетое им в стихах «Жеребёнок», «Утро», «Письмо тётке». «О детстве», «Родное село», «Письмо от брата» и других из цикла «Края родные» одноимённого сборника:

*Сколько же лет миновало?
Вновь я в родимом краю,
Тропкой иду к сеновалу,
Кянду свою узнаю.
Сердце в сладчайшей тревоге
Видит родное жильё.
Где-то по той вон дороге
Детство пылало моё.*

Часто ли встретишь сейчас в современной поэзии такую искренность, такую чистую любовь! Поэту до сих пор снятся края родные, «где речка меж крапивных берегов», «цветочный запах заливных лугов», спустя три четверти века, до седых волос ему снится «деревня, отчий дом, рябят озорные, играющие в прятки стогов»... Всё это бесконечно дорого его душе, способной, как Вселенная, к самоочищению.

*В краю непуганных
и голосистых птиц
Родился я по осени у луга.
Не разоряя я гнёзда соловьёв, синиц*

И даже воробьиные не трогал.
Но даже самый высокий романтизм и трепетность чувств не свободны от вольного или невольного обмана. Всё-таки главное среди горечи разлук и суевы повседневности — это умение сохранить звезду или хотя бы искру ошеломляющего испытания счастьем и способностью любить.

Этой способностью Анатолий Зеленцов обладает в полной мере!

В своих лучших лирических стихах («На берегу», «Какая ночь звёздная», «Не забыть нам этой ночи», «Расставание», «Любимой», «Моя чудесная», «Прости» и других, объединённых в цикл «Мгновения любви») поэт сумел показать всё разностороннее богатство души и чувств лирического героя в наиболее трепетные моменты человеческих отношений, будь то встреча или разлука:

*Я целую тебя крепче
Под фуражкой тонких грузин.
Но нам утро в губы шепчет:
— Расставайтесь, стыдно уж!*

Читатель вместе с автором проживает целую историю трогательной любви, которая, конечно, не исключает взаимного непонимания и обид, но «через тернии» зовёт за собой к чувствам возвышенным, красивым. И вместе с тем это глубоко земные стихи — чувствуется, что в большинстве своём они адресованы женщине — нашей современнице, а не выдуманному абстрактному образу.

*И соримся с тобой сейчас мы часто,
Но почему, скажи ты мне, скажи?
Иль потому, что на дворе ненастно,
Что каждый день*

все льют и льют дожди.
Поэт в России всегда начинается с созерцания природы. Если он в детстве не имел возможности видеть восход, закат, реку, окуней в реке..., он не видит и величайших художественных творений. Именно пейзажем говорит с нами наша родная земля. Это «силь-

ное звено» в творчестве Анатолия Зеленцова. Такие стихи составили цикл «Времена года». Любовь к русской природе рождала характер ясный, поэтический. Дыхание весеннего ветра и «душистого вечера над селом», шум полей, звон листы «в зелёной кофточке осины» слышатся в стихах о верности родному краю:

*Сметая всю пыль по дороге,
Вдруг ветер сильнее подул;
Сквозь облако месяц двурогий
Коровой беззубой зевнул.
Кругом потемнело в посёлке,
Мальчишки попрятались в дом.
И буря бодливым телёнком,
Резаясь, пронеслась за окном.
Но стихла...*

*И — вечер прекрасный:
Соловушка плачет навзрыд.
Лишь месяц с небес уже ясных
Пугливо на землю глядит.*

Порой кажется, что по отточенности слога автор не всегда безупречен, есть над чем работать и совершенствоваться. А вот поэтические образы Зеленцова неповторимы и незабываемы. Как, скажем, нарисованная им картинка ночного неба: «Пастушонок насмешиливый — месяц вышел звёзды на небе стеречь...». В другом стихотворении синяя звёздная ночь напоминает девичью фату, а «свежесть с полей — её дочь, незаметно целуясь с травой, оседает алмазной росой...». Этот поэтический пейзаж достоин сравнения разве что с картинной ночью на полотне Куинджи. Или ещё одно чудесное описание:

*Медовым запахом гречихи
Чуть веет с дремлющих полей.
А над подворьем вечер тихий
Парит, как пара голубей.*

Какого же цвета этот тихий парящий вечер? Богатейшую палитру шедро использует Анатолий Зеленцов: «Раскинулася сатином синим душистый вечер...»; «Вечер, сизые сумерки свесив, поспешил огни в окнах зажечь»; «Опус-

тился над долиной вечер стайкою ворон»; «Пахнет вечер голубой волжскою прохладой», наконец:

*Вечер синий сиреневым ситцем
Расплескался по глади пруда.
Быстрокрылой зелёной синицей
Пролетела по небу звезда.*

Яркие цветочные излучения, неиссякаемые образы и сравнения в творчестве автора сборника «Края родные» заслуживают отдельного самостоятельного исследования. Однозначно и без всякого сомнения: воспоминания о той поре согревают его всю жизнь и в трудные минуты вновь воскресают в стихах. Свет и печаль живут в них неразлучно.

А мелодичность, музыкальность, песенность поэзии Анатолия Зеленцова! Нельзя не сказать об этом, нельзя не заметить, не услышать, как «Ветвистая берёза шумит густой листовой...», как «Всюду поёт молодёжь, и мне хочется ей подпевать...». Цитировать можно ещё и ещё — стихи очень музыкальны, многие становятся песнями, обретая в музыке вторую жизнь.

Зеленцов А.М. из тех авторов, кто ориентирован в своем творчестве на традиционную форму и гражданское содержание. О таких, наверное, написал ещё Некрасов: «Столько чистых, благородных, столько любящих душой, посреди пустых, холодных, и напыщенных собой». Его увлечение литературным творчеством началось в 50-е годы, с тех пор продолжается непрерывная работа на ниве стихосложения. Не считая публикаций в периодике и коллективных изданиях, в свет вышли четыре авторских персональных сборника стихов «Люблю» (1996), «Эхо души» (2001), «Вьюга чувств» (2003), «Края родные» (2009).

С 1962 года А.М. Зеленцов живёт в Тольятти, с 1970 г. — рабочий на Волжском автозаводе. Анатолию Матвеевичу посчастливилось стать свидетелем и участником строительства на-

шего уникального города, рождения автозавода, что тоже нашло отражение в стихах. Он вспоминает, например, как трудились автостроители зимой на стройке: «За то переносим и холод, за то мы и платим дрожью, чтоб вырос Тольятти — наш город, на сказку во всём похожий». Неисправимый романтик. В чём его тайна? Тайна его творчества, его таланта? Да и возможно ли раскрыть сущность подлинности — тайну истинного творчества? Может быть, это верно себе самому, своему единственному пути, выбранному однажды и навсегда? Тайна подлинности очень близка тайне личности, тайне органического единства между абсолютной истиной и человеком, его характером, его душой.

Сам стихотворный язык Анатолия Зеленцова отражает суть характера автора, внушает нам уверенность, что русская душа ещё жива. Тихое, но глубокое и внятное поэтическое слово. Сокровенное, порой горькое до сердечной боли:

*В разор село кинули власти,
Как будто загнали
во вражеский плен.
За что же такие напасти?
И нет ли при этом коварных измен?
Заброшены избы и бани,
Окон прощально-тоскующий взгляд.
На ферме бесхозные сани
Оглоблей воздетой торчат.*

Для поэта вместе с его деревней умирает сама жизнь, «умирает любовь моя», «умирает моя царевна...». В стихах из цикла «Разор» читатель встретит описание заброшенных сёл, где «плачущие ивы остались, да бабка Алёна за семьдесят лет», разорённой, тоскующей страны. В который раз убеждаемся: не прост русский человек. Вчитываясь в обжигающие своим отчаянием строки и чувствуем вновь, что русская душа — это не меланхолия, не безоглядность, не отчаяние, не мистицизм, не вызов, не фатализм, не ленность, не вспышечивость, не слёзы, не мечтание... Она соединяет всё это одновременно. И переплавляет в стихи, заживая сердца людей: «Звезду пленительного счастья зажги по-пушкински, народ!»

Поэт Зеленцов — явление чисто русское. Кажется — родной и давно знакомый. Он и сегодня продолжает радовать нас тем, что вдалеке не вдохновляющей на творчество прозе нашей жизни находит силы для своего писательства. Доброго здоровья и неиссякаемого вдохновения Вам, Анатолий Матвеевич, ещё на долгие годы!

Анатолий Зеленцов

*Сколько же лет миновало?
Вновь я в родимом краю,
Тропкой иду к сеновалу,
Кянду свою узнаю.*

*Сердце в сладчайшей тревоге
Видит родное жильё.
Где-то по той вон дороге
Детство пылало моё.*

*Вечером в древней избушке
Скрипит знакомая дверь.
Девушку ту (уж старушку)
Вряд ли узнаю теперь.*

*Знать, и меня не узнают
Односельчане мои.
Так же гармошки играют,
Так же поют соловьи.*

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ
*Война и детство - лопти и онучи,
И похоронки в каждый дом...
Колонны пленных немцев, будто тучи,
Плелись под проливным дождем.*

*Мы, дети, в них бросали комья грязи,
А матери совали свёклу им.
Зачем её давали этой мрази?
Ведь так хотелось есть самим.*

РАЗОР
*Нет, в этом удушливом мраке
Селу не увидать, знать, светлого дня.
Бездомные кошки, собаки
От голодадохнут в снегу плетня.
Эпоха голопом — сквозз наледь.
И вот на селе никого почти нет.
Плачущие ивы остались
Да бабка Алёна, за семьдесят лет...*

*В разор село кинули власти,
Как будто загнали во вражеский плен.
За что же такие напасти?
И нет ли при этом коварных измен?
Заброшены избы и бани,
Окон прощально-тоскующий взгляд.
На ферме бесхозные сани
Оглоблей воздетой торчат.*

ЖЕРЕБЁНОК
*Выйду утром к реке я умыться,
Где купается нежно заря,
Вижу, как жеребёнок резвится
На лугу, рыжей мастью горя.*

*Сладкой дрожью мне сердце наполнит
Жеребёнка гривастого бег:
Сердце сразу почувствует, вспомнит
Детства милого песни и смех.*

*И в это мгновенье готов я вдогонку,
Разнося по траве росу в дымя,
Вихрем броситься вслед жеребёнку
И помериться силами с ним.*

В краю непуганных и голосистых птиц
*Родился я по осени у луга.
Не разоряя я гнёзда соловьёв, синиц
И даже воробьиные не трогал.*

*В уютных гнёздах желтоклювые птенцы
Пискляво пишу для себя просили.
А, на крыло лишь встав, летели,
как гонцы,
Во все концы по песенной России.*

ПИСЬМО ТЁТЕ
*Тебе пишу я снова, тётя дорогая,
Ты знаешь, как сегодня грустно мне?
Я в комнате один. Луна лишь, догорая,
Подсвечивает фонариком в окне.*

*Я вспомнил дом, в саду едва заметный,
А там, за домом - тихий синий пруд:
В нём лоскутки неспешного рассвета
Пестрым шёлком по воде плывут.*

*Я вспомнил о тебе, томимый тишиною,
С любовью нежной, чистой и простой,
Как стала мне ты Мамой Вторую,
Когда я в детстве стал вдруг сиротой.*

*Ах, мама, мама,
брошенным мальчишкой
Я приходил в село, где ты живешь:
Як яблок твоим спешил и вишням,
Я в поле шел, где золотилась розь...*

*Пылит суглинком сельская дорога.
Течёт она сегодня в никуда.
А ты одна подолгу у порога
Сидишь и смотришь в зеркало пруда.*

*Но ты не думай, что тебя забыл я,
Я, как Есенин, умолив грехи,
Своей любовью верной, неизбывной
Пишу тебе заветные стихи.*

*Развесился сатином синим
Душистый вечер над селом.
В зелёной кофточке осина
Звенит листвою за окном.*

*Идут стада с лугов отавных,
Пыля по улице села,
И где-то слышится, как плавно
Мега гармошка развела.*

*И где-то слышится, как парни
Зовут за озеро девчат —
Бродить в лугах до зорьки ранней
И утро росное встречать.*

*Медовым запахом гречихи
Чуть веет с дремлющих полей,
А над подворьем вечер тихий
Парит, как пара голубей.*

БУРЯ
*Сметая всю пыль по дороге,
Вдруг ветер сильнее подул;
Сквозь облако месяц двурогий
Коровой беззубой зевнул.*

*Кругом потемнело в посёлке,
Мальчишки попрятались в дом.
И буря бодливым телёнком,
Резаясь, пронеслась за окном.
Но стихла... И — вечер прекрасный:
Соловушка плачет навзрыд.
Лишь месяц с небес уже ясных
Пугливо на землю глядит.*

*Все уходит в прошлое,
Как в песок вода:
Доброе и пошлое,
Радость и беда.*

*В прошлое мы лодочкой
Уплывём с тобой,
И погаснет звёздочкой
Наша вся любовь.*

*Лишь петух на жёрдочке
Прокричит в рассвет:
— Пету вашей звёздочки,
Вас уж больше нет.*

*Но на то он и петух
Песней мается...
И опять по жизни круг
Повторяется...*

СОСЕДКА
*Сошёл на станции «Соседка»,
Пожил сон вдруг голубой:
В твоём саду в тени беседка,
А в ней лишь мы вдвоём с тобой.
В беседке нежно, как лучина,
Любовь горела. Дни неслись.*

*Потом судьба нас разлучила
На всю оставшуюся жизнь.
Теперь я здесь бываю редко —
Жизнь покосилась, как плетень,
Но эту тихую «Соседку»
И ту мне милую беседку
Я вспоминаю каждый день.*

*Белым парусом раскинут
День над морем голубым.
Рог луны за море скинут
Солнцем летним золотым.
Мы на шлюпке легкокрылой
Оставляем людный пляж.
Ветер нежный с легкой силой
Надувает парус наш.
И скользит, качаясь, шлюпка,
Словно лебедь, по волнам.
Платье под парусом, голубка,
Так с тобой приятно нам.
Ты сидишь со мною рядом
И глядишь в глаза мои,
Даришь мне бесценным взглядом
Море ласки и любви.*

*Падают яблоки спелые
С яблонь ветвистых во мрак.
Годы-летя наши зрелые
Падают в вечность вот так.*

ДУША И ТЕЛО
*Мы все стареем тихо телом,
Но не стареем мы душой.
Вот почему обычным делом
Всегда мы заняты с тобой.*

*Вот почему порой не спится,
А всё вокруг окутал мрак.
Душа из тела рвётся птицей,
Но ей не вырваться никак.*

*А ей бы надо непременно
Освободиться, всё отдав.
Жаль, растает с телом бранным
Душа, ни звука не издав.*

Анатолий Матвеевич ЗЕЛЕНЦОВ

1. Отец поэта Матвей Герасимович Зеленцов. Перед отправкой на фронт 1941 год. Погиб на фронте. Других снимков родителей не сохранилось.
2. Юность поэта. 1953 г.
3. Служба в Вооруженных силах СССР. 1956 г.
4. Анатолий Зеленцов и Александра Сумина после помолвки. 1959 г.
5. Выездная редакция газеты «Гидростроитель» на пустыре будущей строительной площадки Волжского автомобильного завода в г. Тольятти. 1966 г.
6. Председатель профкома ВАЗа В. Правосуд, руководители механосборочного производства завода А. Зеленцов и М. Фаршатов. 1974 г.
7. Писатели москвич Иван Падерин, тольяттинцы Михаил Шабунин и Анатолий Зеленцов. 1975 г.
8. Миллионный автомобиль-выпускник ВАЗа.
9. Тольяттинские писатели в селе. Выступает участник штурма Зимнего дворца А.С. Жуйков. 1978 г.
10. Анатолий Зеленцов с группой самарских писателей на родине Сергея Есенина. 2001 г.
11. Тольяттинское городское отделение Самарской областной писательской организации. 2011 г.
12. «Золотая свадьба» Поэта. 2009 г.
13. Юбилейный вечер в библиотеке Автограда. 2011 г.
14. Анатолий Матвеевич Зеленцов.
15. Большая семья. Дети и внуки четы Зеленцовых.

9 июля 2011 г.

Сколько живу, столько удивляюсь русскому человеку. Вот говорят, Россия погибает, деревня спивается, умирает, всё вокруг черным-черно. А приезжаешь в деревню — и столько там тепла и света, что еще и в городскую жизнь везешь и долго еще тем теплом и светом согреваешься, тем рассеиваешь...

Девочка Женя лет 11 мила и застенчива — кудряшки на лбу, глаза большие, выразительные. Взгляд потупила, к маме прижалась, льнет, не отпускает. Казалось бы, что в этом необыкновенного. Девчонки в большинстве своем застенчивые, чужих людей побаиваются. Тем более в отдаленном селе, куда заезжий люд редко жалует. А тут целая команда: тети, дяди. И чего им всем тут надо...

А надо всего лишь на чудо это взглянуть — Женю. И на родителей ее, на братьев. Семья достатка среднего. Стандартный кирпичный дом — просторный, но без изысков. Мебель, ковры, телевизор, компьютер — всё, что называется, эконом-класса. Или, как раньше говорили, ширпотреб: то, что продается в магазинах со скидками и в рассрочку. Огород, сад, кошка, собака. Папа работает в горгазе, по-прежнему, ездит за 50 километров в областной центр. Мама — соцработник, ухаживает за стариками, обслуживает шестерых человек.

Всё как у всех в деревне. То есть у местных, «оседлых» жителей. У дачников — у тех другой колорит. Те строят и устраиваются с вызовом, с выдумкой, с изюминкой. Ну да не про них нынче разговор.

Вернемся к Жене. Трудно представить, что эта девчушка в пять лет не весила и... восемь килограммов. У той матушки, которая ее родила, времени на детей не оставалось. Да, есть в деревне и пьющие. Никуда от этого не денешься. Но они всегда были. А тут и впрямь работы в селе не стало: закрыли одну свиноферму на многие тысячи голов, другую, сошли на нет и сами хозяйства. Однако в бутылку «полезли» не все.

Мамаш таких, как у Жени, немного. И детей у них рано или поздно отнимают. Устраивать их стараются в приемные семьи. Ну а нет, так в реабилитационные центры и детские дома. Но прежде, после изъятия из семей, опасных для жизни и здоровья малолетних чад, ребятишек помещают в больницы: обследовать, полечить, укрепить стем, чтобы иметь представление о ребенке, его состоянии и перспективах дальнейшего развития.

Женечка особых надежд не внушала: в четыре с лишним года она не знала, как ее зовут, говорила мало, истонченная донельзя, ничего не ела. Ибо в ее понимании еда — это сырая картошка и сырые яйца: всё, что ей удавалось раздобыть в отчем доме для собственного пропитания. Напуганная прежними драками и скандалами, и в больнице боялась людей, особенно в униформе...

Поэтому, видимо, когда в соседней палате появился тихий спокойный мальчик, она преисполнилась доверия к нему и вложила свою маленькую ладошку в его уже сильную надежную руку. Владика тогда исполнилось 13, у него был старший брат. Другой бы застенялся с девчонкой возиться: вдруг засмеют. Его мама до сих пор не понимает, как ей удалось воспитать такого отзывчивого доброго сына. Хотя когда он пришел домой и заявил, что надо взять к себе девочку, она оторопела.

— Как взять? — спросила, стараясь держать себя в руках.

— Домой. Чтобы у нас жила, — ответил он спокойно и твердо.

С тех пор и пошло. Владик не собирался отступать. Он навещал Женю в больнице и постоянно твердил, что ее пора забирать домой, она уже два месяца лечится и готова к выписке, а то ее отправят в детдом.

Наконец мама не выдержала, пошла в больницу. На стуле сидела крохотная девчушка с огромными бантами в косичках: потом она узнала, что это сын заплетал ей косы и завязывал банты.

— Мама, — сказала Женя, — когда мы домой пойдём?

— Ну, пойдём, — вздохнула «мама» и повела девочку к себе.

Муж был в шоке.

— Кто? — выдохнул он. — Дочь?! Какая дочь?

— Женя, — ответила девочка кротко.

Семейный совет был недолгим. «Папа» и «старший брат» ничего против «дочки» и «сестры» не имели. Мама спросила у Владика:

— Помогать будешь?

Тот просиял. Так в семье появилась Женя. Он и впрямь водил ее в садик, выбирал платья, кормил, заплетал косы. Женя росла, поправлялась, хорошеела.

Чуть более месяца тому назад известная липецкая поэтесса Эмма Меньшикова прислала на сайт «Российского писателя» свои первые записки в жанре писательского дневника. Мы, честно говоря, не верили, что талантливейшему лирику вскоре не надоест это занятие. А она вроде бы тоже в чем-то не до конца была уверена...

Но получилось так, что именно «Писательский дневник» Эммы Меньшиковой стал самым читаемым на нашем сайте.

Мы публикуем две дневниковых записки — самую свежую и самую первую. Полную версию дневника смотрите на сайте www.rospisatel.ru

все принимали естественное участие в судьбе ребенка.

Доброежелательно встретили в школе и «отсталую» Алену. Которая без особых трудностей стала заниматься по основной программе и сейчас учится лучше многих «умных»! За три года девочка освоилась, оказалась домовитой и рукодельной, прекрасно печет пирожки и фирменное в селе «блюдо» — тонюсенькие, кружевные блинчики! Или, как их здесь называют, каравайцы.

Владик служит в армии, в Москве. Все его ждут, пишут письма. И такая в семье благодать, такие красивые добрые люди вокруг, что душа радуется.

Рано, рано нас голыми руками

ных народных костюмах, но доколе жили — дотопе и пели, неутомимые. А потом и водочки пригубливали за нежданного «Сашу», который непременно («Да мне моя бабушка скажет!»), ну буквально «анадысь», проехал по селу и был «доже любезней, чернявенькай такой...» И праздник потерял не только эту «живую музыку», живой русский дух, но и многих участников-уроженцев и жителей села. Среди которых, «бают», есть и потомки... Ганнибала: ну просто вылитые Александры Пушкины: «темненькия и губастенькия»...

По правде говоря, отчаянный Осип Ганнибал явился в Липецк с инспекторской проверкой железодельных заводов. Непонятно, почему

на прощанье. И уже только мы с сестрой помним свою маму молодой и красивой, жадной до любой работы, до жизни и красоты...

Больше 30 лет управлялась она на заводе с огромными прессами — и не было ей равных в усердии и выносливости, терпении и безропотности, с которыми она днем и ночью трудилась на производстве, отгнавшем у нее здоровье, пальцы на руках, силу ног, искалеченных многолетней работой на этих железных монстрах. А потом она спешила домой — к детям, а потом и внукам. Именно она ставила их на ноги и на крыло — учила их ходить, самостоятельно орудовать ложкой, пить из кружки, говорить слова, а фразы придут потом.

И все трое выполняли ее «программу-минимум» на все сто. До сих пор они помнят бабушкины каши и кисели, блины и пирожки, все ешутки-прибаутки, басни-побасенки, поговорки-половицы, частушки и прибаутки, которыми щедро сдобривала она свою речь. Лишь позже осознали мы, что это ее псковская, великолукская родина жила в ее говоре, в том фольклорном наследии, питавшем уже нас, ее детей и внуков, на чужой стороне: в Литве. Там прожизила она свою жизнь, переехав в город Шяуляй с отцом — железнодорожником сразу после войны. Ее мать оставила ей в приданое, как шутили родственники отца, сестру-малышку, трех лет от роду, а сама ушла в мир иной от скоротечной чачотки в 39 лет.

Слава Богу, наши дети выросли с бабушкой, с моей мамой. Ставшей ныне оккупанткой в том городе, где она на совесть работала, где сажала каштаны на главных его аллеях, восстановившая, вместе с другими русскими и нерусскими, из руин здание за зданием, улицу за улицей. Всеми нитями судьбы связана она теперь с Литвой — жизнью, родными могилами, воспоминаниями. И сколько теперь таких разбитых, разлученных семей на Руси! А сколько нас оторвано ныне не только от бабушек, но и от разбросанных по всему свету могил этих мудрых старух, сохранивших для нас живую Русь и ВЕРУ!

Не случайно, нет, не случайно все дружно подхватили эту идею — поставить памятник бабушке Пушкина на прародине поэта, в селе Кореневице Добровского района (названия-то какие!) Липецкой области. И представители власти, и чиновники, и ученые, и крестьяне, и поэты, и прозаики — вдруг все в какой-то момент стали внуками и внучками! Завспоминали, заговорили каждый о своем и все вместе... О Пушкине и о себе... О языке и книгах... О колыхательных и сказках... Ну да, этот памятник встал бы здесь во славу всех бабушек России, благодаря которым, их молитвам и трудам, Русь еще, быть может, и держится...

Сегодня все мамы внуки — вдалеке. Один живет в Испании. Другой в Вильнюсе. Третий — в Липецке. Разбросаны по миру и внуки. Она тоскует. Она любит. Но так старается не разжалобить никого ни слезами, ни словами. Уходит прочь от автобуса, чуть согнувшись и не оглядываясь. Но я знаю, она плачет...

Семенит своими большими ножками домой, где по всей квартире расставлены, расставлены, в рамках и без них, семейные фотографии. Внуки-малыши с открытыми — в ожидании «птички» — ротенками... Внуки-первоклассники с пригласительными вихрами... Внуки-женихи с гордыми осанками... Внуки-отцы с драгоценными кружевными конвертами на руках... Вот и моя дочь взрослая, давно уже на выданье... Все они выпестованы бабушкой. И счастье тем, у кого были и есть именно такие бабушки.

А какими бабушками будут нынешние молодые? — думала я, глядя в лицо девчонки на Пушкинском празднике. Памятник бабушке во всяком случае подвигал бы их на семейное усердие, на осознание того, что рожать детей и воспитывать внуков на Руси — не худший удел. А то всё на Европу глядим, где в 16 лет выпихивают детей из гнезда — и смотрят, что из них выйдет. Ну а что из этого выходит, мы уже, к сожалению, знаем...

Писательский дневник Эммы Меньшиковой

— Если кто в доме болен — она первая, чаю нальет, пожалеет, — рассказывает мама. — Учитесь трудно, разве что рисует и поет замечательно. Но мы стараемся, занимаемся... Ведь она хочет стать врачом...

В этот момент в комнату входит еще одна девочка, лет 15.

— ?

— А это Алена. Еще одна наша дочка.

Алену они нашли через три года, случайно. Девочка жила в интернате особого вида для умственно отсталых детей в одном из сел района. Перед расформированием интерната выяснилось, что у девочки есть родная сестра. Женя. Которая, как и ее приемные родители, знать не знала ни о какой сестре. Женя за это время начисто забыла о своем недетском прошлом. Сначала рассказывала — подробно, со страхом — о том, как били, кричали, жестоко наказывали, не кормили. Постепенно воспоминания выветрились из ее маленькой светлой головки. Но новые родители решились рассказать ей о сестре. Девочка заплакала...

Сестры стали переписываться, встречаться. А там и к Алене все в доме прикипели сердцем.

— Да вы с ума сошли! — предостерегали их некоторые. — Родители у них алкоголики, дети в коррекционных школах учатся, недоразвитые, зачем вам это?!

А они и сами не знали, зачем. Алену отдали в обычную среднюю школу. Надо сказать, что в основном село относилось лояльно к увеличению их семьи. И в администрации, и в образовательных, других учреждениях шли навстречу, не упирались в бумажные циркуляры. Женя — та девять месяцев жила в семье без всяких документов, пока родителей лишили прав, оформляли девочке пособия и выплаты. Но она уже ходила в садик,

хотят взять. С такими людьми, с такой молодежью мы еще и за Русь стоим, и за деревню повоюем...

6 июня 2011г.

— А давайте поставим памятник бабушке Пушкина Марии Алексеевне! — такое предложение прозвучало в липецком селе Кореневице на праздновании очередной — 212 — годовщины со дня рождения великого русского поэта.

Вот уже 20 лет собирается весь «пушкинский», как я говорю, Липецк на этом выдающемся по своей сути пятачке перед сельской малокомплектной школой, которая чудом, а вернее усилиями патриотов своей малой родины, выживает под угрозой ОПТИМИЗАЦИИ! Чем же знаменит этот пятачок? А тем, что Пушкин произрос как раз из этой плодородной одухотворенной земли и до сих пор живет здесь живой полнокровной жизнью.

В этом селе, как раз неподалеку от школы, была усадьба Пушкиных, где родилась и до 28 лет ждала своего суженого будущая бабушка поэта Мария Алексеевна. И не просто ждала: на этой земле она научилась говорить, любить, рукодельничать, связывала и питывала в себя красоту природы, изумительную — с певучим усилением конца фразы — интонацию речи: народной, крестьянской. Слушала сказки, легенды и сказания о разбойнике Кудеяре и других выдающихся личностях непокорного, вольного Черноземья. Здесь она купалась в русском народном фольклоре, который донесли и до нашего времени тамошние старухи-сказительницы и певуны, исполнительницы старинных русских песен, передаваемых из поколения в поколение от бабушек к внукам.

Лишь недавно сошли со сцены пушкинского праздника эти удивительные, колоритные бабки в мест-

он вдруг прикипел сердцем к этой уездной, не слишком выдающейся личностью и приданым, да и немолодой по тогдашним меркам девице Марии Пушкиной. Судьба, одно слово. Неотвратимость рождения первого поэта России Александра Пушкина, видимо, довела над ними. «Они сошлись — вода и пламень...». После рождения вскоре умершего первенца на свет появилась Наденька, мать поэта. И вскоре уже Осип Ганнибал навсегда покинул свою жену и даже умудрился скрепить второй брак, при живой-то жене...

Итак, Мария Алексеевна. Разлюбленная «баушка», как называл ее поэт. Не всё Арине Родионовне, няньке поэта, петь хвалы за его воспитание. Во многом именно от бабушки еще в глубоком детстве воспринял он «сказанья старины глубокой», формировался как поэт и гражданин. И лишь сейчас впервые, после очередного замечательного праздника во дворе школы, — где пестуют и любят Пушкина не в силу обстоятельств, а от всей души, где установлен бюст поэту, где ежегодно и по старому, и по новому стилю празднуется его день рождения как большой семейный праздник — с неизменными костюмированными представлениями и инсценировками, стихами и старинными балетными танцами, гостеприимным застольем, — вдруг возник вопрос: а что же бабушка?

Где она-то в этом пышном изъяслении чувств к поэту, возвращенному ее любовью, ее личностью, ее родовой сущностью? И сразу вспомнилась своя мама, бабушка наших с сестрой детей, которую я навещала как раз накануне пушкинских дней России. Господи, как трудно было расставаться с этой трогательной, словно облетающей одуванчик, старушкой, с седыми как пух волосами вокруг головы, темными от трудов и годов ручками, которыми она бережно обнимала меня

"Король поэтов" в Череповце

Странны и неисповедимы поэтические пути. Можно быть прекрасным поэтом, одним из столпов отечественной литературы, а в память народную войти стихотворением, которое сам ты считал своей творческой неудачей (как Заболоцкий с "Очарована, окалдана..."). Можно греметь при жизни, собрать все литературные премии и оказаться забытым почти сразу после смерти (как это, к сожалению, произошло с Рождественским). А можно при жизни быть никем, а после смерти превратиться в классика (как Рубцов).

Очень любопытна с этой точки зрения судьба Игоря Северянина (Лотарева). Он был одним из символов Серебряного века: о нем спорили, его ругали, перед ним преклонялись, женщины кидали ему под ноги бриллиантовые кольца, а он брезгливо отшвыривал их носком ботинка. Сам он без обиняков называл себя "гением", но большинство маститых поэтов в грош не ставило его творчество. И все же в 1918 году на вечер в Политехническом публичка выбрала его Королем поэтов, и именно это звание закрепилось за ним на долгие годы.

А потом все кончилось. Сразу и навсегда. Волею судеб он неожиданно оказался гражданином чужой страны, когда Эстония обрела свою независимость. В страшной бедности провел он последние 20 лет своей жизни в рыбацкой деревушке Усть-Тойла, спасаясь от голода рыбалкой. Когда Эстония стала советской, он хотел вернуться в Россию, но не успел: пришли немцы, и он вновь оказался в чужой стране. Умирал он страшно, и его жена в отчаянии выскочила из дома и обратилась за помощью к фашистскому офицеру. Неожиданно тот оказался большим любителем поэзии и знатоком Серебряного века. К тому же - врачом. Он достал обезболивающее, чем немного скрасил последние часы Короля поэтов.

В советском литературоведении имя Северянина упоминалось, но стихи его почти не издавались. Зато они звучали со сцены в исполнении Александра Вертинского и расходились по стране.

А в новейшей истории Северянин вновь стал популярным. Тиражи его книг быстро раскупались, в Интернете количество ссылок на творчество поэта исчислялось сотнями тысяч. Появились его последователи в образе куртуазных маньеристов. Салонная лирика вновь оказалась востребованной.

Сегодня на территории России музей Игоря Северянина есть только в Череповце. Вернее, под Череповцом - в деревне Владимировка, где долгие годы жил дядя поэта и где прошли его детские и юношеские годы. В советские времена в этом особняке располагался туберкулезный санаторий, который силами группы энтузиастов-музейщиков был закрыт и переоборудован в музей.

С этого времени в Череповце стали проводиться Северянинские Дни - праздник достаточно камерный и малобюджетный. Но зато сюда потянулись местные поэты, которые читали здесь свои стихи и произведения Короля.

Справедливости ради нужно отметить, что городские и областные власти на музей почти не обращали внимания и финансировали его по остаточному принципу. А когда разразился экономический кризис - денежные поступления и вовсе прекратились. В 2009 году было официально объявлено о закрытии Северянинских Дней.

Тогда на защиту праздника встала местная творческая интеллигенция. Своими силами она организовала и провела во Владимировке первый поэтический конкурс "Король поэтов", в котором приняли участие местные авторы. Уровень участников органи-

ТУРН

заторов не удовлетворил, и на следующий год в конкурс были приглашены уже именитые гости из Москвы, Ярославля, Санкт-Петербурга, Костромы, Вологды и Череповца. Изменился и порядок определения Короля и Королевы. Теперь победителей выбирали сами зрители. Почетные титулы достались Владимиру Шемшученко из Питера и череповецкой поэтессе Алене Родиной. Городские власти по-прежнему в финансировании праздника не участвовали. Зато публички было - хоть отбавляй. И это в середине мая, когда все воложане заняты посадкой картофеля!

Не прервалась конкурсная традиция и в этом году (в том числе и в плане отсутствия финансирования). 14 мая во Владимировке вновь звучали стихи Игоря Северянина, песни под гитару, варилась традиционная осетинская уха (непрерывный атрибут праздника). А в положенное время на сцену снова поднялись конкурсанты. На этот раз большинство из них представляло вологодскую поэтическую школу, но были и гости из Москвы, Ярославля и Кирова. Именно кировчане после подсчета голосов оказались впереди: королевские короны водрузили на талантливые головы А. Жигалина и Н. Панишевой.

"Честно говоря, мы не ожидали, что так получится, - поделился снами главный организатор праздника череповецкий поэт Павел Широглазов. - Публика должна была поддержать своих - благо, было, кого поддерживать. Но все вышло почти как в 1918 году. Впрочем, наш конкурс славится своей непредвзятостью и уважением к симпатиям публики. Никакой политики, никаких подтасовок - публика сама выбирает себе Короля. Кировчане сумели сделать из своего выступления настоящее шоу - зрители это оценили. Немного обидно, что обе короны достались приезжим, но местные поэты должны сделать из этого "поражения" свои выводы: мало написать хорошие стихи - их еще нужно уметь подать".

Но таково условие этого турнира. Не сомневаюсь, например, что профессиональное жюри предпочло бы Олегу Горшкову из Ярославля и Марию Маркову из Вологды.

Уже началась подготовка к следующему году: формирование бюджета (мероприятие это весьма затратное), поиск интересных поэтов. Тем более, что есть желание объединить конкурс "Король поэтов" с фестивалем романсов "Классические розы", который проводится в Череповце в середине марта. Очень хочется надеяться, что местные власти выйдут наконец-то из затянувшегося финансового кризиса и обратят-таки внимание на то, на что им положено обращать внимание по определению.

Андрей ИВАНОВ

"Да будет подданным светло!"

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию стихи людей, принимавших участие в конкурсе "Король поэтов". Все они живут в разных городах, все не похожи друг на друга, но объединяет их одно - любовь к поэтическому слову. Читайте и делайте свой выбор...

Андрей ЖИГАЛИН

СНОВИТЯНКА
Пьедестал стоит, покосившись,
и скатилась с него луна.
Я тебя разбудю, приснившись,
веду из чужого сна.

Для тебя мой сон - новоселье,
для меня он - постыл и мал,
Я, как птица, искал спасенья,
да о разум крылья сломам.

Вот и все. Что же делать дальше?
Сон закрылся на боль замков.
Как я мог не любить без фальши?!
Как я смел не писать стихов?!

г. Киров

Наталья ПАНИШЕВА

МОРФИЙ
Здесь поцелуй всегда прощальный,
а речь - надгробная.

Холодный город.
Такой печальный, такой огромный.
Здесь я ночами свою квартиру

ищу на ощупь,
Здесь стольком девочкам
мой любимый - отец и отчим,
Здесь муки все обернулись псами
и тянут морды...
Профессор, сделайте это сами,
введите морфий...

А он лекарство в ладонях вертит,
он гладит руки...

Профессор, верьте,
мы будем ангелы от науки.
Чтоб не глазели - закройте шторы
перед фонарями.

Я не прошу Вас об этом, что Вы...
Я умоляю,
Когда подкатывает удушье
и шаг до морга,
Профессор, будьте великодушны,
введите морфий!

Летят цыганки, трясут плечами,
звенят монеты,
А я ночами мечусь в горячке
морфиниста...

Пусть выйдут кони, и я поеду
на них нагая,
Пусть глины комья
о крышу дома забарабанят,
Под грузом снега пусть гнется ветка
ждь транссиба...

Профессор, Господи милосердный,
спаси!.. Спасибо...
г. Киров

Олег ГОРШКОВ

ПРЕДМЕСТЬЕ

Состарили борца, заострили
щербатый лик предместья на реке.
Скребется жук тяжелой индустрии
в безбожно обветшавшем коробке
глухого городка, где горклой речи
и времени карболовый раствор
вселенную разьел - от чебуречной
до черепичной церковки, от гор
промышленногохлама до убогих,
равнин-равнин

раскисших пустырей -
здесь сумрачное alter ego бога
в природе ощущаешь всё острее.
И кажется, что так верней и проще
принять и объяснить свой непокой,
сродниться с ним,

но что-то смутно ропщет
в пейзаже городка наперекор
бореям, речи, времени, рогающим
их слетням,

непреложным правдам их...
И жизнь бежит мурашками по коже,
и бог путей не ведает земных.

г. Ярославль

Мария МАРКОВА

Не в скорлупе плетёной зыбки,
не в маминном подоле я
держусь за воздух тонкий, хлипкий,
и под ногами - полынья,
а надо мной сквозь морок ночи
бессчётных тусклых городов

горит звезда и мироточит
среди созвездий и крестов,
распахнутых над белым светом
и жизнью в клетках и в пути.
Не дай же мне забыть всё это,
не дай ослепнуть мне, свети,
веди меня по краю неба,
по острой белой полосе,
где прячется от смерти небыль
в желтеющем сухом овсе,
где под созвездием Воота
мне пить с чужой руки легко,
как молоко, живую воду
и мёртвую, как молоко,
где говорить мне неустанно
о сущности простых вещей,
о пустоте людских карманов,
о хлебе и тарелке щей,
о веке, занятом и диком,
о воздухе на полчаса...

...где пахнут спелой земляничкой
и первым домом небеса.
г. Вологда

Игорь ЗАХАРОВ

Ты знаешь точно - это осень.
Я знаю точно - ты грустишь
От вида мокрых серых крыш
И от того, что дождь несносен.
Он в душу, как за воротник,
Вливает хмурое ненастье.
И наше маленькое счастье
Неуловимо, словно блик.
А мы пытаемся делить
На осень грусть и снова множим
На дни ненастные, и что же
В итоге можем получить?
Еще один осенний дождь?
И неприветливое небо?
Увы, итог и нам неведом...
Реальна только эта дрожь
Картин, написанных дождем
На крышах, стенах и асфальте.
И застывает, как на смальте,
Та грусть, с которой мы живем...
г. Череповец

Михаил КАЛИНИН

СТИХИ - ЭТО КАПЛИ

Стихи - это капли,
предвестники бури,
Рифмуящим вихрем
срывающей крышу.
Их строчки дрожат,
как ярящийся улей,
Запратанный
старым садовником в нишу

Забытого парка.
Античности древней
Пиластры и коры
подернуты тленом.
И нету пейзажа
на свете плачевней -
Как тень
за истлевшим, седым гобеленом.

Мы пьем эти капли,
вдыхая крупинки
Свержающих звуков,
всю сладость разврата!
Мы лижем
застывшие в сборниках льдинки,
Не ищем мы славы,
мы ищем возврата

В объятия музыки -
Евтерпы прекрасной,
Пленившей нас страстью
сложения строчек -
Такой возделенной,
но слишком опасной,
Ведь с болью дается
нам каждый глоточек

Божественной влаги -
стихов наполнения.
И чтобы забыться,
пленившись талантом,

Сгораем
в божественном ритме волнения,
Корня
над пропитанным сном фолиантом,
В который веками
вносился признания

Всех наших Предтечей
из мира фантазий.
На жестких страницах
остались старанья
Растаявших в памяти,
зыбких okazji:

Плафоны с драконами,
гарпии, керы -
Смешалось все в дикой
ваххической пляске.
Теряя последние
проблески веры,
Теряем рассудок
и, сбросивши маски,

Вдыхаем отчаянья
мягкую сладость.
Наш труд не закончен,
он снова в начале
Создание вечности -
вот наша радость.
Лишь ей отдаемся
в любви и печали...
г. Вологда

Александр ЯКУНОВ

М.С.
на день рождения хочется летать
над суетой обыденного фарса
найти любимый свитер застать
на локте след от прошлого остался
пожаловаться птице за окном
на неподъемность быта
и все таки нырнуть
в сквозной проем
как будто раньше не было попыток
на день рождения хочется парить
в глазах любимых
пресловутой чайкой
задуть все свечи разом на пари
благоухать на пару с розой чайной
переводить секунды на века
смириться с тем что непереодоимо
при всех хитросплетеньях языка
и просто жить
любить
и быть любимой
г. Череповец

Алена РОДИНА

АХМАТОВА
Опять пришла,
тихо села с краю,
Запела мне до шестидати утра
О том, чтоб жизнь
не казалась раем,
Чтоб не тревожила Музу зря.

Хотела вырваться из объятий
Ее холодных
и властных рук,
Да зацепилось льняное платье
За гоголь цепкий ее,
как крюк.

Опять -
про избранность и про муку,
Про пистолет
чуть правей виска.
Дыханье было подобно стукну
Ее железного каблук.

"Уйди! Уйди!
Я писать не буду!
Чернил, и пасты, и крови нет!"
Всю ночь смотрела, как на Иуду,
Потом вздохнула, поправив плед.

"Ну что еще?
И не буду петь я!
Хоть раз я сяду еще за стол!"
- А вот теперь, -
замахнулась плетью, -
Пиши (татарский удар тяжелый)!

Обида. Слезы. Спина дымится.
Устали обе. Глаза горят.
С тех пор поэты - родные лица,
Я знаю их боевой отряд.

Когда все звезды, дома уснули,
Поэт с бедой своей - как на бой.
С тех пор я знаю: стихи - как пули:
Нельзя ни строчечки холостой!
г. Череповец

Культура против хамства

Пермских культурные оппозиционеры встретились в центре Перми у здания драматического Театра - плацдарма наступательной культурной политики региона.

- Мы не П! Мы - Пермь! - гласят плакаты оппозиционеров. - Мы против того, чтобы пермская культура была падчерицей в собственном доме! - Пермь не может быть культурной столицей Европы без пермяков! - Зарплату «MusicAeterna» - артистам пермской оперы!

Митинг пермской интеллигенции организовали местные творческие профсоюзы, которые, как говорится, «больше не могли молчать».

- Главное, о чем мы хотим сказать, - о зарплате работников культуры и финансировании отрасли в целом, - начала Ирина Становкина, председатель объединения организаций профсоюзов Пермского края. - Со следующего года финансирование отрасли повышается на 200 миллионов рублей - но эти деньги будут потрачены на то, чтобы сделать регион привлекательным со стороны, а не для самих пермяков.

По словам Ирины Становкиной, в Пермском крае с 2003 года закрылось 300 культурно-досуговых центров в городах и селах, прекратили работу 197 библиотек. Бюджеты местных культурных учреждений в ближайшие три года планируется сократить на 163 миллиона рублей.

- Мы считаем, что деньги пермских налогоплательщиков должны быть потрачены на развитие местных культурных учреждений и на местные проекты, - сказала Сановкина.

- У нас десятки, сотни своих талантливых художников, но к нам приглашают варягов, а мы не можем ни одного проекта реализовать! - добавил Равиль Исмаилов, председатель пермского отделения союза художников России.

Депутат пермского Законодательного собрания Вадим Чебыкин напомнил, что с тех пор, как три-четыре года назад в драмтеатре начались экспериментальные постановки - как

Мы привыкли к митингам обманутых дольщиков или против жуликов из ЖКХ. А пермские деятели культуры вышли на митинг протеста против маскируемого под культуру хамства. Более 300 человек - писатели, художники, музыканты - собрались и потребовали отставки главных культурных деятелей края: галериста Марата Гельмана, вице-преьера правительства Пермского края Бориса Мильграма, министра культуры Николая Новичкова. И губернатора Олега Чиркунова заодно.

Проблема в том, что в этом году финансирование отрасли культуры из краевой казны было повышено более чем на 200 миллионов рублей, но в этом же году в бюджете Пермского края на 68 миллионов рублей сокращены расходы на предоставление услуг учреждениями местной культуры, а в последующий год будут уменьшены еще на 90 миллионов. Закрыты сотни культурно-досуговых центров на селе и в районах, около двухсот библиотек, за последние пять лет численность штатных работников бюджетных отраслей, в том числе и культуры, уменьшилось почти на половину.

У куда же пойдут те дополнительные 200 млн рублей, которые выделены на культуру дополнительно? Что предлагает власть людям вместо библиотек?

А предлагает она им глазеть на идиотические поделки заезжей шпаны, которые именуется «актуальным искусством».

раз нелюбимого интеллигенцией режиссера Бориса Мильграма, - из театра стали уходить зрители. Сегодня готовится эксперимент в театре Оперы и балета - новый худрук пермской оперы Теодор Курентзис планирует отказаться от принципа репертуарности в театре.

- Все эти скульптуры недоенных яблок, буквы «П» по всему городу, страшные деревянные колонны у здания Речного вокзала - это не ошибка в культуре, это - вызов! - резюмировал депутат Чебыкин.

Около 40 человек - артисты пермского театра оперы и балета - вышли на митинг с самодельными транспарантами: на обратной стороне театральных афиш написали крупным шрифтом: «Не дадим разрушить пермскую оперу!»

Артисты тоже называли цифры.

- Артисты хора в театре получают в среднем 8-10 тысяч рублей в месяц. Музыканты оркестра - около 14 тысяч. При этом зарплатам не повы-

шли более пяти лет.

С поправкой на слухи, артисты называют гонорары приглашенных в театр музыкантов - коллектива Теодора Курентзиса «MusicAeterna» - около 80-100 тысяч рублей на человека в месяц. Говоря о гонорарах самого ди-

рижера, никто сумму не называет, но все делают страшные глаза. Сам Олег Чиркунов в своем блоге выказывал догадку, что гонорар у худрука в Пермском оперном - выше, чем зарплата губернатора.

Впрочем, не отвлекаясь на слухи,

митингующие культурные оппозиционеры уже скандировали «Мильграм, уходи!». Далее из выступлений следовало, что разумному, доброму, вечному в Перми, оказывается, противопоставят несчастные «красные человечки», сидящие на фасаде красивой филармонии, и красные буквы «П», которые дизайнер Артемий Лебедев предложил сделать символом Перми. Но, конечно, главные виновные - сами Гельман, Мильграм, министр Новичков и губернатор.

- С нами обращаются как с быдлом! - кричат культурные оппозиционеры, срывая овации.

- Пермь изнемогает от такого количества фестивалей!

- Все это фигли-мигли и мыльные пузыри! - гром аплодисментов.

В конце концов «под раздачу» попали даже бывший худрук Пермского театра оперы и балета Георгий Исаакян и нынешний дирижер театра Валерий Платонов. Очевидно, что в стане культурной оппозиции не сложилось единого мнения относительно искусства...

Никто из идеологов культурной революции, к свержению которых призывали митингующие, не присутствовал.

В результате митинга оппозиционеры приняли резолюцию, в которой потребовали изменения культурной политики региона. Призвали отказаться от дорогих пиар-проектов, не учитывающих мнение жителей и профессионального сообщества и восстановить комиссию по культуре при губернаторе региона. Повысить работникам культуры зарплату на 30 процентов с 1 сентября, по примеру повышения зарплат учителям. Провести фронтальные финансовые проверки пермского министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций. И, наконец, отправить в отставку Гельмана, Мильграма, Новичкова. Доработанную резолюцию организаторы культурного митинга планируют направить руководителям края и России.

Оркестр отнят у его выдающегося создателя

Президенту России Медведеву Д.А.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Национальное достояние Отчужденной культуры, всемирно известный Государственный Академический Русский Концертный оркестр «Боян», созданный и возглавляемый более 40 лет Народным артистом СССР, профессором Полетаевым А.И., успешно выступавшим не только в Советском Союзе, но и в Англии, Германии, Югославии, Чехословакии, Польше, Болгарии, Финляндии, Швеции, Японии, Тайване, к сожалению, в наши дни нуждается в сохранении и защите.

В свое время Президент Путин В.В. распорядился по поводу «Бояна»: «... оркестр сохранить и поддержать». Вы также давали распоряжение бывшему Министру культуры Соколову А.С.: «... разобраться и помочь».

Ваши распоряжения до сих пор не выполнены. Нынешний Министр культуры Авдеев А.А. не только не помог оркестру и не поддержал академический коллектив Президентским грантом, но и усугубил положение его художественного руководителя. Ни разу не побывав на концерте оркестра «Боян» под управлением Полетаева А.И., он согласился утвердить новый устав, подготовленный бездумным чиновником министерства, открытым врагом «Бояна» - Шалашовым А.А., по инициативе которого в предыдущие два года в оркестр назначили двух директоров с требованием изменить структуру оркестра и убрать Полетаева любым способом, создавая неприемлемые ему условия работы. В новом Уставе нет места создателю и художественному руководителю «Бояна», выдающемуся музыканту и патриоту русской и славянской музыки. В новом Уставе принципиально и официально сокращены должности Художественного руководителя и Главного дирижера, которые всегда в академических творческих коллективах должны быть основополагающими и первостепенными. Абсурд оставить больницу без главного врача или человека без головы, а оркестр без постоянного воспитателя вкуса, профессионализма, морали и нравственности, тем более без его основателя - выдающегося дирижера, Народного артиста СССР и профессора. Кому и зачем это понадобилось?

Таким образом, начинающие, неопытные директора - современные «шариковые и шовдеры» - становятся руководителями и «хозяевами» творческих лабораторий.

Все это вопреки мнению Второго Собора славянских наро-

дов Беларуси, России и Украины, обратившемуся к Главе государства, вопреки позиции Общественной палаты Российской Федерации по вопросам сохранения культурного и духовного наследия, вопреки мнению Патриархии РПЦ и выдающихся деятелей культуры современной России. Подробные документальные свидетельства о ситуации с «Бояном» представлены в книге «Боян - любовь народная», которая прилагается к этому письму.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Почему распоряжения Президента России можно игнорировать и безнаказанно не выполнять их должным образом? Это не только неуважение к Президенту.

Многочисленные поклонники творчества Полетаева А.И. и его оркестра «Боян» ждут от Вас такого распоряжения, которое будет выполнено в интересах национальной русской культуры.

С верой, надеждой и добрыми пожеланиями успехов в Ваших честных делах!

От имени и по поручению многочисленной общественной группы защиты оркестра «Боян» -

Капица А.П., член-корр. РАН, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный профессор МГУ;

Ганичев В.Н., Председатель Союза писателей России, заслуженный работник культуры РСФСР, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного русского народного собора;

Бурляев Н.П., Народный артист России, Президент Международного кинофорума «Золотой Витязь»;

Михайлов А.А., Народный артист России;

Мельников Н.С., ветеран Великой Отечественной войны, академик РАЕН, доктор технических наук, профессор;

Соколов А.Е., ветеран Великой Отечественной войны, Председатель Российского общественного благотворительного фонда ветеранов (пенсионеров) войны, труда и Вооруженных Сил;

Облякин И.Ф., профессор, Народный артист России, Кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством»;

Блюх О.А., доктор педагогических наук, профессор, член Союза композиторов;

Боева-Машинская Г.А., музыковед МГФ, Заслуженная артистка России;

Кузнецова Т.А., ветеран Великой Отечественной войны, кандидат медицинских наук, 117331, г. Москва, ул. Кравченко, д. 12, кв. 149, контактные тел. 8-499 138 1935, 8-926-521-8170.

ОТ РЕДАКЦИИ:

История уничтожения знаменитого оркестра «Боян» - всем известна и ей уже много лет. Она является еще одной иллюстрацией отношения власти к русской культуре. И Патриарший совет по культуре, и Общественная палата РФ, и Совет Собора славянских народов Беларуси, России и Украины, и многие известные деятели уже обращались к власти с просьбой сохранить оркестр. Но - в результате был убран из оркестра его основатель и руководитель А.И. Полетаев. А это всеравно, что «Тихий Дон» поручить дописать другому автору...

ПРОГРЕССИЯ

Итак, Виктор Владимирович Дружинин — профессор с большим преподавательским стажем в Саровском физико-математическом институте. Заведующий кафедрой высшей математики. Ученый, автор многих статей в разных научных журналах, автор нескольких изобретений. Поэт, издатель, патриот.

Если говорить о вкладе в науку, думаю, математики меня не упрекнут в ошибке — он возрастает в геометрической прогрессии: среди его учеников уже многие сами — доктора наук. А если уж Дружинин почувствует талант в подопечном школьнике (доктор наук ведет факультативные занятия в лицее № 3 города Сарова), то сделает все возможное, чтобы этот талант себя не потерял. Помню, как восхищалась знакомая мне мама тогдашнего школьника, нынешнего выпускника МГУ Олега Трубицына: «Как он с ними возится, сам узнал о международной конференции в Болгарии, сам купил билеты Олегу и Лене Саприной, даже колбасу (во времена талонов! — И.Е.) с собой в дорогу берет на всех...» Лена и Олег тогда заняли первое и второе места со своими докладами и вызвали интерес у европейских школьников, студентов, а также их научных руководителей...

Да что говорить о давних выступлениях — на недавно прошедшей конференции фирмы «Intel» лицеистка Ксения Телякова удивила ученых бизнес-мир рефератом на тему «Кориолисолета» — летательного аппарата нового поколения, имеющего внешнее и двигательное сходство с летающей тарелкой!

Несколько лет подряд Дружинин трудится со своими учениками над разработкой «велохода» — специальной обуви, позволяющей быстрее передвигаться, и в режиме, шадящем суставы и сердце...

И еще одно из открытий Дружинина, уже в области математики — он открыл универсальный признак делимости любого числа на любое число.

Впрочем, на страницах «Российского писателя» лучше говорить о писателе.

В первые наши встречи меня пронзила лирика его стихов, которая так живо и искренне описывала все, чем он живет. О собаке, которая спрашивает глазами: «Где хозяйка?» А хозяйка — то и умерла недавно... Или о ветерке, который принес пленительный образ в изящном свитерке и при милом носике, да и унес обратно... Или про «чувство лень» (оказывает-

ся, и к нему приходит эта гостья!) и целый день не выпускает из объятий своего издателя-поэта-физика... На многие стихи впоследствии подобрала мелодии (а на песни Дружинина и Ирины Егоровой недавно был записан и выпущен диск звукорежиссером Жевлаковым). Но речь сейчас об этом.

Со временем пронзительная лирика стихов стала уступать место сжатости, стильности, остроумной краткости каламбурных афоризмов — «афорифмов», как он сам их называет.

По нескольким сборникам «афорифмов» можно проследить творчес-

кий рост саровчанина и в этом направлении. Последний сборник «Две строки» (который оказался не последним — к изданию готовится следующий, не менее объемный!) вмещает 10000 смешных двустушии о политике, философии, социальных проблемах. О любви... В сопровождении лаконичных и передающих характер «афорифмов» иллюстраций Татьяны Юферевой, книга выглядит хорошим подарком для тех, кто хочет поднять настроение своим близким. А заодно и заставить задуматься...

Ведь творчество порождает творчество, не так ли? Могут ли любовь к

стилю, нетерпимость к штампам и серости, а главное — точность формулировки — не найти отклик в наших с вами душах и умах?

Мое личное желание совершать открытия в музыке и поэзии довольно сильно подогревается старшим коллегой и другом. Причем его мечты не отличаются махровым провинциализмом. Мы часто говорим с ним об организации университета русского дворянства, например. И уверена, стань он там ректором, институт бы был не из последних в рейтинге мирового образования.

В ТЕНИ ОТ ОБЛАКА

Не стану скрывать возраст автора книги «Две строки». Да возраст скорее — предмет законной гордости, если энергии хватает на семерых! В семьдесят лет он умудряется педагогическую и научную деятельность совмещать с бизнесом — более десяти лет является руководителем, да и в целом — единственным работником серьезного издательства, выпускающего бланки и книги. Что говорить, своими первыми книгами я обязана именно «Альфе».

А в редкие свободные вечера Виктор Владимирович собирает дома любителей поэзии и музыки — в большой квартире, заполненной, подобно музейным залам, дивными картинами разных мастеров. Живопись здесь любят, а одна из дочерей моего друга — Настя ружинина — имеет художественное образование по классу живописи.

В эти редкие вечера здесь звенят гитары, звучат стихи. Достаются из кладовки припасы гостеприимного хозяина. Исчезают, правда, быстро: ружинин готовит так, что в пору любой хозяйке позавидовать. Здесь же на одном из вечеров много лет назад, я и узнала от самого хозяина дома, бережно хранящего вырезки из журналов советского времени, имя моего будущего учителя — Юрия Кузнецова. Помню, как Виктор Владимирович читал, для выразительности помогая себе жестами: «В тени от облака мне вырыйте могилу!..»

Вспоминая сейчас эти руки, показывавшие, какого именно размера должно быть это облако, в тени которого нужно похоронить великого поэта и незабвенного учителя, я думаю, что мы будем жить, пока эти руки чертят формулы, ведут бухгалтерию, солят грибы, пишут афоризмы (афорифмы!) и поддерживают молодых, которые не во всех случаях вправе сетовать, что «ими, дескать, не занимаются».

Р. С. Осталось спросить — а когда успевает тысячами писать «афорифмы». Да не тысячами, читатель, а десятками — около сорока в день. Ведь когда душа беспокоится, стихи не «выпускаешь», а ими дышишь. Вот так и саровский афорист — просыпается в четыре часа утра, когда в ясной после сна голове еще блуждают тени уходящих сновидений и пишет двустушию, пока будильник не позовет его в институт...

Ирина ЕГОРОВА

НА СНИМКЕ:

Виктор Дружинин и Ирина Егорова

Каламбурные миры Виктора Дружинина

Когда я много лет назад познакомилась с — доктором физико-математических наук, предпринимателем и поэтом, о котором ранее была слышана из самых разных уст — «Он никого не боится», «Органически не переносит несправедливость», «Настоящий ученый», «Меценат», то, признаться, была удивлена! Со всеми этими словами не очень вязался остроумный, живой, до удивления молодежавый мужчина. Дон-Жуан, гроза уездных барышень — да и только! Потом поняла, что, видимо, это тот самый тип русских людей, в котором есть все! Кроме, правда, склонности к тоске и любви к безысходности. Да и рамочка на столе — позволяет аккуратно к празднику, под собственные соления, которыми он угощает и своих аспирантов, и поэтов, и певцов-исполнителей. Но Впрочем, все по порядку...

Виктор ДРУЖИНИН:

«...Я Родину в себя впитал, И это есть мой капитал.»

Как ни набьешь себе карман,
Вторая молодость — обман.

А есть ли, думаю уж я
Не полигамные мужья?

Он жил, как мы —
Он жил взаимно.

Он исключение из правил
И правила при этом правил.

Жену он не перебивал,
Друзей он не перебивал.

«Чтоб одиночества исчезли муки,
В хорошие отдамся руки...»

Колобка как ни одели,
Не сгодился в топ-модели.

У папуасов так всегда:
Друзья друг другу и — да.

Всё на продаже,
Продажа даже.

Объявление: «Продаю
Дешево — места в раю».

Продав по ценнику разврат,
Не принимаю я возврат.

Всех просил на опохмел —
Наш «похмел» везде поспел.

Чужие мысли скосим
И никого не спросим.

Весь выдавлен мой раб!
Я пустоте не рад...

Мужчину заключи в кавычки,
Когда есть вредные привычки.

Муж, как голубь, сизокрыл.
Выьет — станет сизорыл.

Пусть пьет он! На трезвянку
Всегда творит подлянку.

Чекушечка, чекушечка,
Чекушечка — психушечка...

Поэзии сверхдоза
Ведет туда, где проза...

Чтоб сломать конструкцию,
Не нужна инструкция.

Когда идешь без брюк,
То надо делать крюк.

Боюсь ходить передко
Я сам с собой в разведку.

Она с таким смотрела ядом,
Что женщины одевала взглядом.

Кишки промочет мне кефир,
Мозги же — радио-эфир.

Когда уж слишком петротянут,
То к телевизору не тянут.

Жить без любви, но дружно:
Взаимно равнодушно.

Дружба да с интимом
Плохо совместима.

Гены классные у Гены
Дети Гены офигенны.

Рыб кормили. Рыбок стайка
Стала шайкой-попрошайкой.

Не строй через болота гать,
Коль враг надумал помогать.

Если вам не спится,
Можно быстро спиться.

Счастливой пары нет на свете —
Они женаты в Интернете.

Мне — кричит полено, —
Море по колено!

Если сломано весло,
То веслу не повезло.

Хоть не красива, но спесива.
И многим кажется — красива.

В пакет достоинств ласковой жены
Приколы тещины заложены.

Когда проклюнулись рога,
Жена уже не дорога.

Жена — мой клад. Увидел вдруг:
Кладискатели вокруг!

Бой без правил страшный:
Руко-ного-пашный.

Был лозунг: - Дети на поток!
Стал лозунг: - Дети на потом!

Дошло на старости до Коли:
Трудиться даром мне доколе?

Боимся думать об одном:
Придется ль встретиться со дном?

В метро толпой нас так прижали —
Казалось, стоя мы лежали.

Сказал чиновник: - Надо ждать!
Ну и добавил: - Надо ж дать!

Приказ был отдан чином —
Тушить пожар бензином.

Потерял частично честь.
Как размеры мне б учесть?

Погоди терять честь похода
Из-за прихоти и похоти.

На дело действует зануда
Как на поток реки — запруда.

Чиновничество — это спрут:
Все, что не так лежит, сопрут.

Любовь, считал наивно,
Между людьми — взаимна.

Деньги, словно гости
Простят — нас не бросьте!

Из дураков Россия, из Емеля?
Да нет. Из океанов и земель!

За морем хоть тепло,
Да на душе темно...

На кого опала?
На кого попало...

Виктор Дружинин. Две строки:
двустушия, Саров: Издательство
«Альфа», 2010. - 304 с.

В сборнике двустушии приведены афорифмы, анекдоты, диалоги, реклама и т.п. с юмористическим оттенком. Автор особое внимание уделяет рифме, и около тридцати процентов миниатюр являются каламбурами. Всего в книге содержится около десяти тысяч авторских двустушии.

Ольга Левитанова,

г. Вологда

В сиреневых лучах заката,
В сиянии северной луны,
Как зов небесного набата,
Вливался в сердце звон струны:
- Не думать о грядущих бедах,
Не быть в печали о былом,
Любить сей миг, - читаем в Ведах,
Жить под отеческим крылом.

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

О, волн соленых океан,
Храню в любви воспоминанье,
В лучах рассеянный туман,
Зари жемчужное сиянье.
Коралловый оттенок круч
И шум вечернего прибоя,
Днем - стайки редких белых туч
В часы полуденного зноя.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Ситара голос нежный струнный
Наполнил благозвучьем день.
Последний отблеск в небе лунный
Разглядыл бархатную тень.
Поднявшись в Высшую обитель,
Минуя бездны крутизну,
За все Творца благодарите -
За чистых рек голубизну,
За каждый камень преткновенья,
Что встретился нам на пути.
За свет любви и вдохновенье,
За все, что можем обрести.

ОСЕННИЕ ЗАРИСОВКИ

Беру я тоненькую кисть,
Рисую на большой картине
Небесно-голубую высь,
На крышах — серебристой иней,
Багряной осени наряд
Из розового ситца
И разноцветный листопад,
Что по ночам мне снится.

Рисую отблески огней,
Загадочные дали,
Вуаль полей — шелков нежней,
И лес в осенней шали,
Рисую грустные цветы
В оранжевом рассвете.
В их сердце - тайные мечты
И память о прошедшем лете.

ВРАТА В ЗОЛОТОЙ ВЕК

Настроил светлые души
Сливались с музыкой Вселенной,
Звон колокольчиков в тиши
Будил сердца и ум наш ленный.
Великий Мастер мир ваял,
Раскрасил небо бирюзью.

На нем Светильник воссиял
Над обновленною землею.
Потоки радужных лучей
Наполнили пространство светом.
И тысячи земных свечей
Казались ярким самоцветом.
Врата открылись в новый век,
Сияла золотом дорога.
И в зеркале бездонных рек
Увидел каждый образ Бога.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Зажглась вечерняя звезда,
Рассыпав искры на ладони.
Усеребристого пруда
Затихло пение гармони.
Ветроникающий поток
Принес душе успокоенье,
Как чудодейственный исток —
Божественной Любви творенье.
Гори, немеркнувший огонь,
Светильник всех сердец Вселенной,
И на раскрытую ладонь
Пусть пепел сыплется нетленный.

ТВОРЕНИЕ ЛЮБВИ

Есть Любовь на земле,
Что даёт вдохновенье.
Пред твореньем Любви
Можно встать на колени.

Она - в каждом цветке,
Она - в каждом дыханьи,
В золотистом песке
И листьях колыханьи.

В каждой капле дождей
И в волне океана.
Она - в сердце людей,
В аромате шафрана...

Мелодия чудесных дней
Сливалась с зеленью полей,
И голубая дымка гор
Влетала сказочный узор
В прозрачный чистый небосвод
У берегов озёрных вод.

ВИТАЛИНА

Вита, Виталина —
Ясный лучик света.
Родилась с малиной
В середине лета.
Маленькие ручки,
Словно крылья птицы,
Может быть, на тучке
Хочет прокатиться,
Полететь за ветром
В голубые дали?
Или хочет детка,
Чтобы с ней играли?

РИСУЮ ТВОЙ ПОРТРЕТ

Ты - вихрь желаний в море грёз,
Огонь взволнованной души,
Раскаты грома летних гроз
И молний блеск в лесной глуши.

Ты - ветер с гор и шум воды,
Стрела, летящая в ночи.
Ты - перца жгучего плоды
И свет рождественской свечи.

ПОЖЕЛАНИЕ СЫНУ

Будь счастлив каждую минуту —
И в миг, когда наводит смуту
В душе холодный ветроград,
Теплу и холоду будь рад,

Не замечай недобрых взглядов,
Не жди за доброту награды,
Держи в упряжке гордый нрав,
Не думай, что всегда ты прав.
Зачем напрасно сеять споры? —
Держись Божественной опоры,
Расти в душе чудесный сад,
Любви обильный водопад.
И в женщине ищи Отраду,
А не телесную уладу.
Ей в свете утренней зари
Тепло душевное дари.

Спешу в безоблачную даль,
Где виден солнца лик весёлый.
Сей жизни жёлтую спираль
Я превращаю в цвет лиловый.

Разглажу мятые цветы,
Полью засохший куст сирени.
Букет волшебной красоты
Рассыплю маме на колени...

У женщин возраста нет,
Есть юность лучистых глаз,
Их нежный и добрый свет
От зла мир спасал не раз.

У женщин есть солнечный блик —
Луч золотой зари,
Их ясный прекрасный лик
Сиянием день озарил.

У женщин есть радуги цвет
И жемчуг в капле слезы.
Неважно, сколько им лет,
Их возраст — как блеск бирюзы.

Павел Широглазов

г. Череповец

ПОКАЯНИЕ

Залатаю душу покаянием
И отправлюсь пешим по Руси.
Может, в том и есть
мое призвание:
За спиной суму свою носить.
Быть скитальцем,
страждущим и нищим,
Путать след, как Ариадна нить.
А когда предстану
пред Всевышним -
Благодню колени преклонить.

СКОМОРШИНА

" По Руси по матушке -
Вечный пост"
А. Башлачев
Ветер, братец ты мой, пройдох,
Дай-ка я на тебя обонрусь.
Отнеси меня, скомороха,
Ты с чужбишники да на Русь.

Много лет вдалеке от дома
Я живу, как не дай Бог врагу.
Позабыв уж, как пахнет солома
В свежеевысушенном стогу.

Полетели! Ну что ты, братка?
Не таких поднимаешь ввысь...
Оголето да безоглядки,
Как моя скоморошья жизнь.

Благовестом по самой кромке
Бесконечного бытия
Донеси до родной сторонки
Там, где матушка ждет моя.

Где по батюшке отрыдали
(Колыбелью ему - погост),
Где вовеки веков и далее
Не закончится Вечный Пост.

РУССКИЙ ПУТЬ

Пылью пела дорога,
Ворон в небе кричал.
Шел я в поисках Бога
Из начала начал!
Мимо пашен и хижин.
Наугад! Напролом!

Брел я, Родиной движим
И двуглавым Орлом.
Верным спутником стал мне
Горизонт вдалеке.
Да зеленые камни
В придорожной реке.
На обочине мира
Я сменяю сапоги,
Отдыхаю и - по новой.
Не сбиваясь с ноги,
Путь продолжу, покуда
Сердце бьется в груди
И надежда на чудо
Ждет меня впереди.

Солнце рыжей бестией
На поэта плясает,
Что латает старую
Лодку у реки.
Хочет обогреть его,
А когда преставится -
Получить лицензию
На черновики...

КУРТУАЗНЫМ МАНЬЕРИСТАМ
Я слагаю стихи из подножного корма:
Лебедей, иван-чая и прочей травы.
Для меня содержание выше, чем форма
И ее в моих виршах не много, увы...
Выходе моем больше слов, чем у Дая -
В бесконечно толковом его словаре.
Я не сэр Ланселот -
что мне тайны Грааля!
Я люблю босиком! По росе! На заре!

НОВОЯЗ
Мне вяжет связки новояз,
Который нынче в моде.
Боюсь уткнуться мордой в грязь
При всем честном народе.
Рожаю бред на белый свет,
Не жду небесной маины.
Пускай я больше не поэт -
Зато полны карманы.
И выше всякой похвалы
Восторженные крики.
Как просто все-таки, увы,
Сегодня быть великим...

КРЕЩЕНИЕ
До Китеж-града рукой подать,
Да только нету прямой дороги.
А с неба Божия благодать
Пушистым снегом летит под ноги.
Как славно выйти в такую ночь
И окунуться в святой купели,
Очистить душу - всю скверну прочь,
Чтоб песню ангелы в ней запели.
Пускай вода холоднее той,
Что была в омутах Иордана,
Когда святого крестил святой
И солнце прыснуло из тумана.
На небе чудится Божий лик.
И всеми помыслами своими
Ты к благодати его приник
И чертишь крест во благо имя...

В Литфонде не удивились...

Из почты «РП»

В газете «Литературная Россия» №24 от 17.06.2011г. кто-то «изумлялся» с А.Трапезниковым. Видимо этот кто-то был главным редактором В.В.Огрызко, которому автор книги «Избранное» Ю.И.Хромов, нижегородский писатель, подарил ее чистосердечно во время нахождения в Москве в командировке. Злопыхательство статьи, иначе не назовешь, вызвано, видимо, двумя причинами.

Первая то, что Ю.И.Хромов является вот уже седьмой год директором Нижегородского отделения, членом Президиума Литфонда России. А газетка Лит. Рос., ранее яростно поддерживая И.И.Переверзина, председателя Литфонда РФ и директора МЛФ, затем резко изменила курс «по ветру» и стала наряду с Литературной газетой лишь «грязь» на нынешнее руководство Литфонда РФ и МЛФ во главе со Станиславом Юрьевичем Куняевым, известнейшим поэтом, писателем и публицистом и И.И.Переверзиным, кроме того ныне возглавляющим и МСПС. И значит стал возлюбленным и Ю.И.Хромов, ранее бывший для Огрызко и Трапезникова (какие контрастные фамилии!) хорошим поэтом, и подборку стихов которого «Литературная Россия» напечатала с фото в №34-35 за 2008 год.

Вторая причина в том, что Ю.И.Хромов вынудил, угрожая судом, напечатать В.В.Огрызко в его газете опровержение на состряпанное без ведома и разрешения интервью В.В.Огрызко под фамилией В.В.Вязанцев в Лит.Рос. №13 за 2009 год с Ю.И.Хромовым и Исой Капаевым, народным поэтом Карачаево-Черкесской республики, тоже директором отделения Литфонда РФ, который так же был крайне возмущен лживым интервью В.В.Огрызко.

Ю.И.Хромов думал, что это дело прошло, забыто. Пришел в редакцию журнала «Наши Современники», в издательство «Голос-Пресс» к П.Ф.Алешкину (который кстати давал очень положительную рекомендацию в принятии Ю.И.Хромова в Союз Писателей России), а заодно рядом по «старой дружбе» зашел в Лит. Рос. к В.В.Огрызко, «похвалился» своей книгой «Избранное», вышедшей в 2010 году в издательстве «Российский писатель» и написал чисто по-русски, открыто, добрейшей автограф В.В.Огрызко. Кстати В.В.Огрызко начал было снова позорить Президиум ЛФ РФ и И.И.Переверзина, но получил от Хромова сразу резкий от-

каз обсуждать эту тему, т.к. он сам член Президиума и полностью одобряет его работу и его руководителя.

Вот и последовала низкая мест В.В.Огрызко в его газетке 17.06.11г. Он не набрался храбрости поставить свою подпись под статьей, которую явно насочинял сам, приплюсовав к себе Трапезникова, с которым Ю.Хромов никогда не был знаком и книг своих ему не дарил.

Да попутно как бы «дьянуди» крупнейшее издательство «Российский писатель», намекая, что выпускает книги «слабых» писателей и пишет к ним незаслуженные аннотации.

То, что они, или он, В.В.Огрызко, под прикрытием Трапезникова, не читая книг Ю.И.Хромова, кстати выдернув патристические строчки, не знают, конечно, что Ю.Хромов начал писать стихи и рассказы со школьной скамьи и никогда не прекращал писать ни в студенческие годы, ни когда стал технарем (что они (он) все же подчеркнули) добравшись до высот в своей профессии. Кстати параллельно с техническим ВУЗом Ю.И.Хромов получил и журналистское (факультеты рабкоров и журналистики) и поэтическое (в поэтической школе-студии русского поэта Б.Е.Пильника) образование. Только положительные отзывы на книги Ю.Хромова писали такие известные писатели и поэты как Ю.А.Адрианов, Ю.А.Паркаев, Н.И.Дорошенко, В.И.Жильцов, А.В.Физарев, В.А.Устинов (напечатал подборку стихов в альманахах «Академия поэзии» за 2007, 2008 и за 2010 г.). Больше подборки стихов и рассказы в разные годы печатали журналы «Нижний Новгород», «Вертикаль», альманахи «Нижегородцы» и «Земляки», журнал «Наши современники», все городские и областные газеты нижегородчины (много ранее в многотиражках, в сельских районных газетах), газета Союза Писателей России «Российский писатель», Общеписательская литературная газета и многие коллективные сборники Нижнего Новгорода.

Съездил бы В.В.Огрызко в этот знаменитый город, зашел бы в помещение отделения Литфонда, около Драмтеатра в самом центре города, выхлопотанном Ю.И.Хромовым у губернатора В.П.Шанцева, почтитель бы шесть книг альманаха «Нижегородцы», организованного в 2007 году Ю.И.Хромовым. Посмотрел бы на стене в кабинете Юрия Ивановича Почетные грамоты, Дипломы и Благодарности от Губернатора, Мэра города, Законодательного собрания области, Городской думы, Со-

юза Писателей России, Литфонда России, не говоря уже о тех, что Ю.И.Хромов получал ранее от редакций газет, от Строительных трестов, от заводов и Министерств.

Стыдно бы стало наверняка В.В.Огрызко и Трапезникову (если и он сочинитель пасквильной статьи).

А как чествовали в юбилей 70-летия Ю.И.Хромова в литературно-мемориальном музее им. Н.А.Добролюбова! И желали ему многих лет творческой деятельности (кстати 71 год ему еще не исполнился, как они написали, а задумка у него на 100 лет!). И он жизнерадостный, энергичный и ранее и теперь никогда не сядет на завалинку, как ему посоветовал В.В.Огрызко, он еще порадует своих благодарных читателей и в своем городе, и в губернии, да и во всей России и в Евразии (недавно его наградили орденом премии им. В.В.Маяковского Союза писателей Евразии).

А то, что он «посмел» написать свой вариант Гимна России, а им не понравилось, так это никому не запрещено и объявлялся конкурс на егописание.

Кстати, о внуках Ю.Хромова «писарчуки» упомянули. Они у него есть, аж шестеро, у троих его детей, специалистов высокого класса. И внуки по стопам деда и родителей: двое закончили университет, работают успешно, третий учится в Международном институте, который окончила и одна из дочерей Юрия Хромова и работает в международной фирме. И трое — еще подрастающих, наверняка будут не только беать «на лес за малиной».

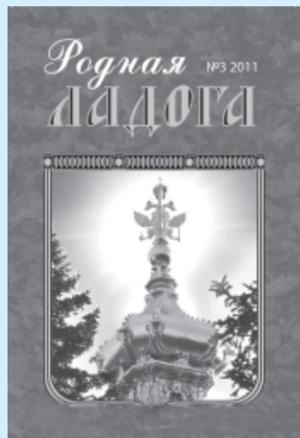
Конечно лестно даже, что Ю.И.Хромова «авторы» статьи сравнили с Монтексье, поскольку и у Ю.Хромова тоже есть сильный цикл стихов «Из аишабадской тетради»...

И вот то, что надо лечиться от злопыхательства, поверхностной критики и низкой мести «дуповатому» изумленным авторам (автору) статьи из «Литературной России» действительно надо лечиться. А читатели книг Ю.Хромова, люди в основном умные, все поймут. Хорошая реклама даже получилась Ю.И.Хромову и как поэту-писателю, и как спецу-технарю, и как руководителю воссозданного им регионального отделения Литфонда России, ставшего одним из лучших в стране! Так что, как говорит русский народ, «нет худа без добра», В.В.Огрызко. Но не замай...

Искренние,
друзья Ю.И.Хромова

Вышел новый номер журнала “Родная Ладога”

Журнал “Родная Ладога” был создан в первую очередь как литературно-художественное издание, в котором мировоззренческие позиции авторов и создателей выражаются современными образцами прозы и поэзии. В летнем номере, посвященном 190-летию со дня рождения Федора Михайловича Достоевского, акцент сделан на литературоведческие и научно-исторические статьи, посвященные великому русскому писателю, имя которого известно во всем читающем мире. Центральными материалами юбилейного номера являются статьи ведущего литературоведа, знатока русской классики, профессора Игоря Волгина, историка-культуролога профессора Галины Скотниковой и доктора психологических наук, профессора, социолога Валентина Семенова. Во всех этих разноплановых, оригинальных современных работах творческая личность Ф. Достоевского, выразителя идеала русской духовности, рассматривается с точки зрения сегодняшнего дня в контексте мировой истории, делается проекция великой личности во времена раннехристианские и в постмодернистское будущее. Вспоминая о Достоевском невозможно не сказать об одном из его главных и любимых героев — Санкт-Петербурге. О настоящем и будущем города говорит как всегда емко, конкретно, образно в статье “Петербург — открытый город”, подготовленной для нашего журнала, губернатор Валентина Матвиенко. Петербургская тема нежная, но убедительно звучит и в сложной, научной статье Президента Петербургского государственного университета Людмилы Вербицкой “Давайте говорить правильно”, в которой известный ученый с болью обращается к современникам, мало ценящим такое сокровище, как правильная русская речь. Органичным дополнением и продолжением этого разговора является статья Валентина Распутина, представляющая послесловие к уникальному словарю народного языка “Русь сибирская — сторона байкальская”.

Говоря о языке, невозможно не затронуть проблем современного образования, к которым постоянно обращается журнал “Родная Ладога”. В представляемом номере проблемы современного образования и воспитания исследует митрополит Минский и Слуцкий Филарет в статье “Воспитание личности и современное общество”, а также московский учитель Валентина Говорова. Педагог с многолетним стажем, она неравнодушно, подтверждая свои горькие слова фактическими примерами, рисует неутешительную картину развала современного, особенно гуманитарного образования в средней школе в статье “О развале российского образования”.

Обнадеживающие, оптимистичные слова о ближайшем будущем российского образования звучат из уст премьер-министра Владимира Путина в материале, подготовленном на основании его отчета перед депутатами ГД в 2011 году. Отчет с разрешения администрации Премьер-министра публикуется в сокращении и представлен в той его части, которая показывает современное состояние и перспективы по направлениям, связанным с духовно-нравственным воспитанием, социально-политическим и культурным развитием в стране. Этим темам созвучны проблемы, затрону-

тые в интервью президента Российской Федерации, председателя Счетной палаты РФ Сергея Степашина, которое он дал журналу “Родная Ладога”. Выдающийся современный политик и общественный деятель Сергей Вадимович подробно рассказывает о рабочих задачах Книжного союза, своей целью имеющего возрождение исконных российских традиций культуры чтения.

Если мы затрагиваем проблему культуры чтения, то непременно возникает вопрос о критериях мастерства и творческом уровне современной литературы. Представленная на страницах журнала проза Владимира Ильяшевича, Владимира Пронского, Софии Бер-Тамовой являет достойные ее современные образцы. Показателен и уровень опубликованной в журнале поэзии, сохраняющей и развивающей классическую традицию. Имена говорят сами за себя: Юрий Кублановский (Париж), Ирина Сергеева (Петербург), Вера Бурдина (Петербург), Наталья Лясковская-Серегина (Москва). Непосредственное отношение к современной поэзии имеет статья Валентины Ефимовской о творчестве Бориса Орлова “На краю света”, из рубрики “Петербургский писатель”. В литературно-критическом эссе рассматривается в большей степени метафизическая составляющая, духовная несущая многопланового творчества поэта, считающегося одним из ярких, значительных явлений современной литературы. Но главной, акцентной подборкой номера стала поэтическая исповедь Глеба Горбовского, публикация которой приурочена к почтенному юбилею поэта, вошедшего, к нашей радости, в историю русской литературы при жизни.

К сожалению одно имя в содержании журнала дано в траурной рамке. Член редакционного Совета издания “Родная Ладога”, известный политик и публицист, гражданин Словакии Ижо Початок, недавно скоропостижно скончавшийся, не увидит своей статьи, посвященной рассмотрению год спустя истинной подопле-

ки и результатов выборов в Чехии и Словакии. Как всегда политические материалы занимают значительное место в номере. Доктор исторических наук Александр Вавилов рассматривает сложные современные проблемы, связанные с Ливией, в статье “Бура над Джамгарией”. Доктор исторических наук Вячеслав Зимонин посвятил свою статью “Токийский процесс” 65-летию этого судебного процесса. В этом ряду, наверное, следует обратить внимание на продолжение рубрики “Поэзия дипломатов”, в которой представлены стихотворные опыты известных работников МИДа для того, чтобы показать их душевные пристрастия, духовные стремления. Интересны не только официальные, но человеческие образы создателей внешней политики нашего государства, которые достаточно полно выражаются в их поэтическом слове.

Уникальный, боевой материал Сергея Кургияна, созданный в соавторстве с известным петербургским ученым-статистиком Юлией Крижанской можно считать как дискрету. Слово С. Кургияна всегда настолько убедительно, живо, объемлюще, духовно наполнено, что нельзя остаться равнодушным. В статье “Статистика против модернизации” это слово вскрывает истинные, неблагоприятные причины попытки “промывания мозгов” путем навязываемой нашему народу “десталинизации”. В статье с помощью математики и с комментариями ученого дан однозначный дружный ответ народа России на эти попытки.

Современным молодым людям и их забывчивым родителям обращена “Молитва о русском народе” Валерия Николаевича Ганичева, председателя Союза писателей России, сопредседателя Всемирного Русского Народного Собора. В ней выдающийся писатель-мудрец представляет исконные понятия Отечества, чести, достоинства, величия русского языка не просто как слова, а как непрерывные элементы, кирпичики, атомы нашего бытия, формирующиеся и хранящиеся в каждой русской душе, в каждом боееспособном сердце. Неравнодушен, эмоционален рассказ Николая Бурляева о выдающемся сыне нашего народа — Савве Ямшикове. Статья “Савва Ямшиков — реставратор всея Руси”, публикация которой приурочена ко второй годовщине со дня смерти замечательного художника, способствует сохранению

памяти о нем.

Проблема памяти исторической и личной, посвящены многие материалы номера. В частности автобиографическая статья Валентина Свиногова “Путешествие в прошлое и... будущее”, историческая статья протоиерея Александра Паничкина “Обстоятельства открытия Санкт-Петербургской епархии”, главы из исторического романа Юрия Пездыховых “Захват”. Продолжается публикация в рубрике “Наследие” глав из “Духовных бесед” протоиерея Бориса Николаевского.

К слову пастыря журнал относится с особым почтением и глубоким интересом. Публикация научной философской и антропологической работы архиепископа Курганского и Шадринского Константина (Горянова) “Бог — Мир — Человек” приурочена к знаменательному юбилею иерарха Русской Православной Церкви — к 20-летию архиерейской хиротонии. В связи с этой датой в статье Дмитрия Литвиненко рассказывается об истории жизни и священническом служении Владыки Константина.

Юбилею, 200-летию Кубанского казачьего хора, посвящен рассказ его руководителя, народного артиста России Виктора Захарченко, который вспоминает о легендарном солисте ансамбля Алексея Мелихова. Современная жизнь ансамбля представлена в материале Натальи Пугиной. В рубрике “Искусство” обращает внимание петербургский материал Александра Скокова, руководителя секции прозы Петербургского отделения СПР, о фото-художнике “Эпоха в лицах”. Проблему возможности и необходимости создания православного уклада современной жизни исследует в своей статье музыковед-фольклорист Нина Артеменко. Несмотря на то, что статья Татьяны Тимошиной и Константина Назарова “Свидетельство боев кровавых”, посвященная истории Отечественной войны 1812 года, размещена под рубрикой “Великая провинция”, она имеет всероссийское значение.

Очередной номер журнала “Родная Ладога” как всегда содержит много иллюстративного материала, рисунки, гравюры, представляет фотографии своих авторов, дает биографические сведения о них. Узнаваема каждый раз новая обложка журнала, распространяющегося по всей России и во многие страны мира.

Алексеев И. С. Войны. Мир. Власть. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2011. — 484 с.

В книге дается картина того, что ждет человечество в ближайшее время в зависимости от того, как оно поведет себя в ответственные моменты, и предлагается тот комплекс шагов, который ведет к лучшему будущему.

О войне, мире и власти

Иван Степанович Алексеев — доктор экономических наук, профессор, член Союза писателей России, автор многих книг и статей по проблемам мировой экономики, международных экономических отношений, политики, предпринимательства. Длительное время работал за рубежом, в том числе на дипломатической службе.

Читателю новой книги И. С. Алексеева предстоит вместе с автором погрузиться в непростую, но по-своему интересную и поучительную историю войн, подумать над уроками прошлых и современных конфликтов, над путями выхода из них, представить, какой будет картина жизни в предстоящие годы и, если человечество будет разумным, — в ближайшие сотни и тысячи лет.

Как в замкнутом круге, люди живут от войны до войны. Властители всех времен видели и видят именно в войнах средство решения своих самых «высоких» амбиций, укрепления своей власти, расширения своих владений, увеличения богатств. Но удержаться на этой весьма скользкой царской вершине им удается недолго. Таков для них

закон истории — суровый, не прощающий вседозволенности.

Однако уроки этой суровой истории фактически не усваиваются. Появляются новые тираны и «покорители мира» даже в наши дни. Уроки им не впрок. Почему так происходит? Есть ли выход из круговорота войн, кровавой вражды стран и народов? Автор попытается ответить на эти вопросы.

Но даже без войн, в относительно мирное время, человечество живет в состоянии постоянного напряжения, тут и там возникают конфликты политические, религиозные, экономические, территориальные. В последнее время усугубляется противостояние человека и природы.

Автор не верит, что противоречия можно решить войной. Напротив, считает, что нужно мобилизовать все средства официальной и народной дипломатии, использовать все резервы культуры, церкви, разума, наконец, чтобы исключить агрессию в решении спорных вопросов.

Автор предлагает целый ряд конкретных вариантов по выходу из тупиковых ситуаций.

Борис Исаев (Василий Луков). Я не завижду потомкам: Стихотворения. — М.: «Российский писатель», 2011. — 240 с.

Борис Васильевич Исаев — государственный и общественный деятель, в прошлом первый секретарь Павлодарского обкома Компартии Казахстана, Председатель республиканского Комитета народного контроля. В последнее десятилетие под псевдонимом Василий Луков он также стал известен как поэт, публицист. Вышли в свет три его поэтических сборника — «Возвращение к себе» (1996 г.), «Жить стоить» (1999 г.), «Пригорюнилась душа» (2004 г.), получившие большой читательский резонанс. В новой книге «Я не завижду потомкам» Бориса Исаева собраны лучшие стихи разных лет, в которых автор предстает не бесстрастным историком, а неравнодушным свидетелем — современником нашего непростого времени. Стрелой и болью анализирует он происходящее, нередко предлагая и собственные пути решения проблем современности.

Издать свою книгу вам поможет
Редакционно-издательский дом
«Российский писатель».
тел.: 8-962-965-51-64

Газета писателей России «Российский писатель» зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, информации, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Свидетельство о регистрации № 106 от 30.06.2000

Подписной индекс в справочнике «Роспечати»: на полугодие — 35651, на год — 19655

Учредитель — Союз писателей России. Издатель — АНО Редакционно-издательский Дом «Российский писатель»

Главный редактор — Николай ДОРОШЕНКО, зам. гл. редактора — Андрей ШИРОГЛАЗОВ

Редакционный совет:

Лариса БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО, Валерий ГАНИЧЕВ, Валентина ЕФИМОВСКАЯ (г. Санкт-Петербург), Геннадий ИВАНОВ, Марат КАЛАНДАРОВ (г. Рига), Станислав КУНЯЕВ, Михаил ЛОБАНОВ, Юрий ЛОПУСОВ, Владимир МАСАЛОВ, Ямил МУСТАФИН, Геннадий ПОПОВ (г. Орел), Михаил ПОПОВ, Владимир СЕРЕДИН, Виктор СМЕРНОВ (г. Смоленск), Светлана СЫРНЕВА (г. Киров), Алексей ШОРОХОВ, Семен ШУРТАКОВ, Игорь ЯНИН

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Адрес редакции: 119146, Москва, Комсомольский пр-кт, 13. тел.: 243-53-11

E-mail: sp@rospisatel.ru Сайт: www.rospisatel.ru

Тираж по Москве 1000 экз., по России — 2000 экз., зарубежный выпуск — 1000 экз. Отпечатано в ОАО «Кострома» с готовых оригинал-макетов. Заказ №